

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК РФ
по группам специальностей:*

09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.

*Принимаются статьи
по научным специальностям:*

09.00.01 Онтология и теория познания
09.00.11 Социальная философия
09.00.03 История философии
09.00.13 Философская антропология,
философия культуры
19.00.01 Общая психология, психология
личности, история психологии
22.00.01 Теория, методология и история
социологии
22.00.04 Социальная структура, социальные
институты и процессы
22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несеверя* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджио Де Маркис* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutschikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Ph.D., Northern Vermont University – Lyndon, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании <i>Воронина О.А.</i>	5	Construction and deconstruction of gender in the contemporary humanities <i>Olga A. Voronina</i>
Диалектика социальных форм необходимости и случайности <i>Коромыслов В.В.</i>	17	Dialectics of social forms of necessity and randomness <i>Vitaliy V. Koromyslov</i>
Деградация советского марксизма на примере философии и методологии истории второй половины XX века <i>Корякин В.В.</i>	29	Degradation of Soviet Marxism through the example of philosophy and methodology of history of the second half of the 20th century <i>Vyacheslav V. Koryakin</i>
Проблема социальных функций современного государства: философский анализ <i>Шарков А.В.</i>	44	The problem of social functions of the modern state: philosophical analysis <i>Anton V. Sharkov</i>
Понятие класса (samgraha) в логике ранней йогачары (по трактату Асанги «Абхидхарма-самуччая») <i>Бурмистров С.Л.</i>	55	The concept of class (samgraha) in early Yogācāra logic (based on Asanga's «Abhidharma-samuccaya») <i>Sergey L. Burmistrov</i>
«Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия <i>Береснев В.Д., Береснева Н.И.</i>	67	«Immortal regiment»: sociocultural context and philosophical reflection <i>Vladimir D. Beresnev, Natalia I. Beresneva</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Индивидуальность и самопрезентация: личность как объект и субъект потребления в современном обществе <i>Урусова Е.А.</i>	75	Individuality and self-representation: personality as an object and subject of consumption in the modern society <i>Ekaterina A. Urusova</i>
Особенности психологического компонента гестационной доминанты, внутрисемейных отношений и родительских установок у женщин в связи с возрастом и статусом (беременные и не беременные) <i>Корниенко Д.С., Радостева А.Г., Силина Е.А.</i>	83	Psychological component of the gestational dominant, family relations and parental attitudes of women in different ages and states (pregnant and non-pregnant) <i>Dmitriy S. Kornienko, Anna G. Radosteva, Elena A. Silina</i>
Направленность на саморазвитие как предиктор психоэмоционального благополучия подростков и взрослых <i>Трошихина Е.Г., Манукян В.Р., Данилова М.В.</i>	94	The focus on self-development as a predictor of psycho-emotional wellbeing of adolescents and adults <i>Evgenia G. Troshikhina, Victoria R. Manukyan, Marina V. Danilova</i>
Теоретик психологии Лев Маркович Веккер <i>Логинова Н.А.</i>	106	Psychology theorist Leo Vekker <i>Natalia A. Loginova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Социологический взгляд на социальную справедливость как норму права <i>Смольников С.Н.</i>	116	A sociological perspective on social justice as the rule of law <i>Sergey N. Smolnikov</i>
Социальный статус малолетних матерей в современной России <i>Круглова Е.Л., Родионова М.Е.</i>	124	The social status of young mothers in modern Russia <i>Elena L. Kruglova, Marina E. Rodionova</i>
Информация для авторов	133	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.34:1

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16

**КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕНДЕРА
В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ***Воронина Ольга Александровна**Институт философии Российской академии наук*

Целью данной статьи является анализ эволюции понятия «гендер» в социальном и гуманитарном знании. Термин «гендер» охватывает биологические (половые), психологические, социальные, культурные, символические аспекты жизни человека. Еще до введения этого термина в научный оборот в 1960-х гг. сам феномен был обнаружен в трех типах знания: в психологии и психиатрии при изучении различных форм сексуальности и сексуальной идентичности; в антропологических и этнографических исследованиях; в феминистской философии культуры. Это определило основные векторы изучения и осмысления гендера в течение нескольких десятилетий. Основную роль играла теория социокультурного конструирования гендера. Она развивалась параллельно с другими критическими и конструктивистскими научными концепциями, что в немалой степени обусловило ее принятие «академиками» и включение гендерного подхода в корпус научных исследований. Однако с развитием постмодернистской феминистской философии концепция гендера начинает переосмысляться, на смену конструктивистской приходит перформативная модель Джудит Батлер, согласно которой не только гендер, но биологический пол не существуют вне культурных рамок и властного дискурса. В рамках господствующего дискурса при помощи различных регламентирующих действий (перформативов) утверждается бинарная матрица пола, гендерной идентичности и гетеросексуальности. Однако Батлер отвергает эту модель, поскольку тела, половая и гендерная идентичность имеют разные конфигурации. Перформативная концепция пола была активно востребована в квир-проекте, поскольку давала обоснование для отвержения нормативной бинарной концепции телесности и соответствующей ей гетеросексуальности. Сегодня квир включает политическое движение, а также исследования и дискурсивную деконструкцию нормативной гетеросексуальности. Предложенный в квир-проекте вариант мозаичности, гибридности и релятивизма идентичности разрушает саму возможность социальных и политических преобразований в сфере гендерного равенства. Вместо этого квир-активисты выступают за призрачное равенство возможностей примеривать разные идентичности по личному выбору/прихоти. Теоретический радикализм квир на данном этапе делает маловероятным развитие новых социальных программ, а они, я думаю, необходимы. В отличие от этого гендерная теория (в ее феминистском, конструктивистском и культурно-символическом модусах) произвела значительный научный и социальный эффект. Использование гендерного подхода в социальном и гуманитарном знании дало возможность более глубокого понимания человека и общества. Принцип достижения гендерного равенства акцептирован мировым сообществом и стал частью многих программ на международном и национальном уровнях. Однако проблемы в понимании соотношения пола и гендера, обнаруженные перформативной теорией и квир, актуализируются в ситуации распространения новых биотехнологий (от операций по смене пола до вспомогательной репродукции). Это требует проведения более широких исследований и продолжения дискуссий между различными школами.

Ключевые слова: бинарная матрица, власть, гендер, деконструкция, дискурс, идентичность, квир, конструктивизм, культура, перформативная теория, пол, постмодернизм, тело, феминизм, философия.

CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION OF GENDER IN THE CONTEMPORARY HUMANITIES

Olga A. Voronina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

The purpose of this article is to analyze the evolution of the concept of gender in social knowledge and the humanities. The term «gender» encompasses biological (sexual), psychological, social, cultural, symbolic aspects of human life. Even before the introduction of this term into scientific publications in the 1960s, the phenomenon itself was discovered in three types of knowledge: in psychology and psychiatry when studying various forms of sexuality and sexual identity, in anthropological and ethnographic studies, and in the feminist philosophy of culture. This largely determined the main directions in the study and understanding of gender for several decades. The theory of socio-cultural construction of gender played the main role. It developed in parallel with other critical and constructivist scientific concepts, which in no small part led to its adoption by «academics» and the inclusion of the gender perspective in the body of scientific research. However, along with the development of postmodern feminist philosophy, the concept of gender undergoes redefinition. The constructivist model of gender is displaced by the performative concept of Judith Butler. She argues that not only gender but the biological sex does not exist outside the cultural framework and power discourse. The binary matrix of gender, gender identity and heterosexuality is approved within the framework of the dominant discourse with the help of various regulatory actions (performatives). Butler rejects this model because she claims that bodies, sex and gender identity have different configurations. The performative concept of sex was actively used in the queer project, as it provided justification for rejecting the normative binary concept of femininity and masculinity and the corresponding heterosexuality. Today, queer includes political movement, research, art, and discursive deconstruction of normative heterosexuality. The variant of mosaic nature, hybridity and relativism of identity proposed in the queer project destroys the possibility of social and political transformations in the sphere of gender equality. Instead, queer activists advocate an elusive equality of opportunity to try on different identities at one's own discretion. At the present stage, the theoretical radicalism of queer makes the development of new social programs unlikely, while they appear to be necessary. In contrast, gender theory (in its feminist, constructivist, and cultural-symbolic modes) has had a significant scientific and social impact. The use of the gender perspective in social knowledge and the humanities has provided better understanding of the individual and society. The principle of achieving gender equality has been accepted by the world community and has become part of many programs at the international and national levels. However, the problems in the understanding of the relation between sex and gender, discovered in performative and queer theory, become significant against a background of spreading biotechnologies (from sex reassignment surgeries to assisted reproduction). This requires wider research and further discussion among different schools.

Keywords: binary matrix, power, gender, deconstruction, discourse, identity, queer, constructivism, culture, performative theory, gender, postmodernism, body, feminism, philosophy.

В настоящее время термин «гендер» известен не только исследователям, но и широкой общественности. В конце XX в. гендерные исследования стали достаточно распространенными и даже вписанными в научный истеблишмент не только за рубежом, но и в России¹. Однако до

сих пор нет общепринятой дефиниции этого понятия, что связано со многими обстоятельствами объективного и субъективного порядка.

¹ В России термин впервые появился в научной публикации 1989 г. [Воронина О.А., Клименкова Т.А., 1992]. Пер-

воначально термин не был принят научной общественностью. Более активное его использование началось в середине 1990-х гг. на фоне участия РФ в международных мероприятиях, присоединения к международным документам в области гендерного равенства, проведения летних школ по гендерным исследованиям и возникновения независимых центров гендерных исследований.

И прежде всего — со сложностью самого феномена.

Целью данной статьи является анализ эволюции понятия «гендер» в социальном и гуманитарном знании. Впервые идея о том, что нормативные модели маскулинности и феминности определяются скорее культурой, чем биологическим полом, была высказана антропологом Маргарет Мид еще в 1930-е гг. на основе своих полевых исследований [Mead M., 1935, p. 278–280]. Через два десятилетия медицинский психолог Джон Мани стал использовать понятие «гендерная идентичность» при изучении гермафродитов. В конце 1960-х гг. психоаналитик Роберт Столлер, изучавший транссексуалов, в своих статьях и выступлениях на научных конференциях предложил аналитически разделить понятия «пол» для обозначения биологических характеристик человека и «гендер» для социокультурных ролей и идентичностей [Stoller R., 1968]. Возможно, этот термин так и не вышел бы за рамки узконаучных публикаций, если бы идею не подхватили и не развернули представительницы феминистских и женских исследований. Ведь задолго до введения термина «гендер» философ С. Де Бовуар («*Second Sex*», 1950) описала, как традиционная культура создает (конструирует) вторичность женщин на фоне «превосходства» мужчин. Таким образом, мы можем отметить, что уже на заре появления этого термина сам феномен был обнаружен в трех типах знания: в психологии и психиатрии при изучении различных форм сексуальности и сексуальной идентичности; в антропологических и этнографических исследованиях; в феминистской философии культуры. Это во многом и определило основные векторы изучения гендера.

Пока мы оставим в стороне первый вектор изучения гендера — медико-психологические исследования соотношения половой и гендерной идентичности. Нас в большей степени интересует развитие темы в социальном и гуманитарном знании. Прежде всего рассмотрим антропологические исследования, поскольку именно они в середине XX в. представили эмпирический материал, показывающий вариативность моделей и норм мужественности и женственности в различных этнокультурах. И речь идет не только о том, что в одной культуре мужчины могут играть женственные с за-

падной точки зрения роли, а женщины — маскулинные. Были обнаружены и более сложные для интерпретации случаи гендерных перверсий. Например, в одном из племен североамериканских индейцев существует феномен бердачей — когда биологически «нормальные» мужчины надевают одежду противоположного пола и ведут себя как противоположный пол. В другом племени младенцам-гермафродитам присваивается специальная гендерная роль, называемая «надл». Они носят женскую одежду, когда выполняют женские виды работ, и мужскую, когда выполняют мужскую работу. Однако им категорически запрещено участвовать в охоте и войне. В третьем индейском племени существует четыре гендерные роли — мужчина, женщина, *Alyha* и *Hwame*. *Alyha* — это биологические мужчины, которые хотят жить в женской роли. Они надевают женскую одежду и даже имитируют «критические дни». *Hwame* — это биологические женщины, которые хотят жить как мужчины. Они проходят специальную церемонию посвящения, носят мужскую одежду и играют мужскую гендерную роль. Однако *Hwame* запрещено участвовать в битвах и занимать властные позиции в управлении племенем [Sapiro E., 1986]. В Черногории, Косово и в Албании некоторых девочек родители воспитывали как мальчиков, потому что сыновья не рождались или рано умирали. А дом и земля — это наследство, передающееся только по мужской линии. «Вирджина» — это дочь, которую «назначили быть сыном», она становилась хозяином дома и играла мужскую социальную роль. Феномен социального конструирования гендера описывается и в отечественной этнографии. Так, в традиционной культуре чукчей принят символический гермафродитизм некоторых шаманов. Однако в случае гендерной дисфории легализован переход в другой социальный пол не шаманами, и это фиксируется в процессе возрастной инициации («превращенный пол») [Рабжаева М.В., 2002].

Разнообразные свидетельства о сложных взаимоотношениях между биологическим полом и социальными ролями, об этнической, исторической и социальной вариативности нормативной феминности и маскулинности накапливались и в рамках других наук, прежде всего в социальной истории, «новой истории»,

социологии [Зидер Р., 1997]. Разнообразные факты, противоречащие традиционным представлениям о том, что резко дифференцированная и иерархическая система социальных ролей мужчин и женщин жестко детерминирована биологическими различиями между ними, были обнаружены в ходе новых академических исследований.

Так, историки, экономисты и социологи, более подробно изучая социальный институт разделения труда между мужчинами и женщинами, которое существует практически во всех обществах, обнаружили, что представления о мужских и женских видах труда вариативны: работы, которые в одних регионах считались типично «мужскими», в других регионах нередко выполнялись женщинами. Исследования историков доказали, что разделение труда нельзя механически выводить из биологических различий между полами. В основе разделения труда часто лежат не биологические различия между женщинами и мужчинами или принципиальная биологическая неспособность женщин выполнить тот или иной вид работ. И проблема заключается не в самой системе разделения труда, а в той **оценке**, которую общество дает тем или иным его видам. В традиционном обществе система разделения труда между мужчинами и женщинами организована иерархически — и в зависимости от этого распределяется власть и общественное признание.

Актуализированным в поле науки этот материал стал только в результате проблематизации пола в феминистской теории. Именно в процессе многолетних дискуссий о сущности «женщины» были сформулированы идеи, которые впоследствии легли в основу гендерной теории. Прежде всего это мысль о необходимости различать понятие пола как совокупности анатомо-физиологических особенностей и понятие гендера как созданного культурой образа (R. Unger). Но гендер — это не просто «культурная маска пола», это такой феномен, который превращает биологические различия между мужчинами и женщинами в иерархические отношения и структуры.

Такой подход, равно как и критика феминистками андроцентризма традиционной науки, были активно восприняты многими женщинами-исследовательницами и прежде всего антропологами. Феминистская критика

социальной антропологии была вызвана тем двусмысленным отношением к теме женского, которое имманентно присутствовало в этой дисциплине. С одной стороны, описание женщин всегда присутствовало в этнографических исследованиях, в первую очередь, благодаря традиционной озабоченности антропологов проблематикой родства и брака. Как констатировал Б. Малиновский, антропология — это изучение того, как мужчины обнимают женщин [цит. по: Moore H.L., 1988, p. 1]. Антропологи новой волны осознали, что проблема представленности женщин связана не с описанием, а с интерпретацией и пониманием эмпирических данных.

Новый подход был предложен Шерри Ортнер. Резюмируя представленные в сборнике «Woman, Culture & Society» («Женщина, культура и общество») материалы эмпирических исследований, она выдвинула гипотезу, что универсальной причиной гендерного неравенства является характерное для всех обществ и культур символическое отождествление женщин с природой, а мужчин — с культурой [Ortner S.B., 1974]. Развитие и подтверждение эта идея получила в других работах. Но особенно интересной представляется концепция антрополога и историка Гейл Рубин. Она предложила свою интерпретацию символического значения обмена женщинами в примитивных племенах, описанное К. Леви-Строссом в работе «Элементарные структуры родства». Он утверждал, что обмен женщинами («дарение женщин») между биологическими семьями является первым актом налаживания социальных отношений и означает «решительный разрыв человека с животными» [Levi-Strauss C., 1969, p. 51]. Но Рубин пришла к выводу, что обмен женщинами (и только женщинами) между племенами — это не просто способ социальных связей. Сущность этой традиции заключается в выражении мужской власти и в утверждении патриархального социального порядка. Г. Рубин первой ввела понятие поло-гендерной системы (sex/gender system), которую она определила как «набор соглашений, посредством которых общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности, в которой эти трансформированные сексуальные потребности удовлетворяются» [Rubin G., 1975, p. 171].

Иными словами, гендерная система фактически является иерархической структурой, основанной на приписывании биологическим отличиям символического значения. Целью этой системы, считает она, является концентрация материального и символического капитала в руках мужчин.

В 1980-е гг. в западных университетах стали развиваться учебно-исследовательские программы «женских исследований» (women's studies). Ученые — историки, социологи, экономисты, праведы, философы — обнаружили, что научные концепции далеко не свободны от андроцентризма и маскулинизма [Воронина О.А., 2017]. Поиск новых методологических путей в социальном и гуманитарном познании привел к тому, что исследователи все чаще стали обращаться к гендерной теории и методологии. Не только феминистские теоретики, но и академические исследователи пришли к выводу, что необходимо создание новых концепций, позволяющих понимать и объяснять существующие различия между людьми. Эти новые подходы были призваны объяснить как радикальные социальные различия конструируются через гендер, расу, этничность.

Попытки нового понимания культуры и человека предпринимаются и в постмодернистских философских и психоаналитических концептах. Некоторые из этих идей оказывались очень плодотворными для гендерной теории. Конечно, прежде всего следует выделить концепцию тела как эффекта власти М. Фуко. Анализируя в работе «История сексуальности» исторические механизмы субъективации индивида через практики сексуальности, М. Фуко устанавливает связь власти, насилия, знания и сексуальности. Сексуальность определяется им не как биологическое проявление, а как социальный конструкт, связанный с изменением социальных конструкций власти. Фуко показывает, что история сексуальных отношений фактически является историей власти. Он интерпретирует тело как поверхность, на которую «записываются» социальные нормы посредством политических механизмов принуждения, медицинских практик и практик сексуальности. Один из важных выводов, который следует из работ Фуко, заключается в том, что гендерные маркировки субъективности являются не неизменными биологически-

ми, а социально сконструированными и производимыми определенными типами властных стратегий. На этой основе культура определяется М. Фуко как *технология власти*, производящая в том числе и гендерное неравенство/гендерные неравенства.

Идеи о бинарной и иерархической структуре гендерных различий получили дополнительное обоснование в работах некоторых мыслителей, далеких от гендерной проблематики. Так, размышляя о бинарности западного типа мышления, Ф. де Соссюр отмечал, что значение какого-либо феномена задается через скрытый или явный контраст с другим феноменом, т.е. через фиксированную оппозицию. Позитивные определения базируются на отрицании или подавлении чего-то, что представляется как антитеза определяемого. Ж. Деррида поддержал мысль, что западная философская традиция покоится на системе бинарных оппозиций, в которых различие феноменов основывается на доминировании одного над другим. Иными словами, многие понятия идеологически или культурно сконструированы, и для преодоления этого необходимо их деконструировать, т.е. разоблачать скрытую логику бинарной иерархии. Деконструкция значений бинарных оппозиций позволяет увидеть, что оппозиция сконструирована для определенных целей в определенном историческом контексте.

Применяя эти идеи к нашей теме, мы можем обнаружить, что в патриархатном дискурсе половые различия (контраст мужского/женского) служат кодированию или утверждению значения, которое буквально не относится к гендеру. В этом случае значение гендера становится связанным со многими типами культурных репрезентаций, а они, в свою очередь, формируют понятия, в которых организуются и понимаются отношения между женщинами и мужчинами. Так, мужчины постоянно выступают как некоторая норма, эталон, стандарт для сравнения при обсуждении вопроса о сходстве или различиях между полами. Вопрос всегда ставится следующим образом — *похожи женщины на мужчин или женщины отличаются от мужчин?* Иерархия полов не только продуцирует неравенство, но и придает социальную значимость половым различиям: пока биология одного пола является

ся социальным неудобством, а биология другого пола таковым не является, *оба пола одинаково различны, но не одинаково сильны*. Реальная проблема заключается не в том или ином биологическом отличии, но и в их социальной и культурной оценке. В демистификации этих бинарных оценок и заключается суть гендерной методологии.

Содержательно философские и гендерные дискурсы объединяют темы, которые параллельно обсуждаются с той и другой стороны — власть, субъективность, соотношение духовного и телесного — специфика современного научного знания. Однако философия по-прежнему довольно осторожно относится к использованию аналитической категории гендера. В целом можно заметить, что более активно гендерный подход актуализируется в философии и теории культуры. Интервенция гендерных идей в теорию культуры выразилась в ярко выраженном интересе к анализу практик символизации и репрезентации пола. Гендер рассматривается как культурная метафора, которая при использовании в научной дискурсивной практике организует бинарное восприятие мира и производит нормирование культурных норм. Введение гендера как аналитической категории создает возможность деконструировать оппозицию между женщинами и мужчинами и одновременно обозначить, что такая оппозиция является механизмом создания социальной, культурной и политической иерархии. Понимание гендера как метафоры и символа характерно для философии, культурологии, лингвистики, теории коммуникации, литературоведения, а методом работы с материалом является деконструкция гендера и связанных с ним феноменов.

В социологии, социальной психологии, социальной истории, этнографии и антропологии чаще всего используется теория социального конструирования гендера. Идеи о социальном конструировании реальности, выраженные в работах А. Шютца, П. Бергера и Т. Лукмана, И. Гофмана, Г. Гарфинкела, стали очень популярными в конце XX в. [Бергер П., Лукман Т., 1995; Труфанова Е.О., 2018]. Собственно идея гендера как социального конструкта известна по работе К. Уэст и Д. Зиммермана «Создание гендера» [Уэст К., Зиммерман Д., 1997]. В рамках этой концепции анализируют, как ген-

дер конструируется через институты социализации, разделения труда, семьи, массмедиа. Основными темами оказываются гендерные роли и стереотипы, гендерная идентичность, проблемы гендерной стратификации и неравенства. В гендерной психологии и педагогике изучают практики социализации, в ходе которых происходит принудительное принятие нормативной гендерной идентичности. Гендерная принадлежность индивида — это то, что человек сам создает и воспроизводит постоянно в процессе взаимодействия с другими людьми.

Эти подходы характерны для конструктивистской гендерной теории, инкорпорированной в академическое знание. Она развивалась параллельно с другими критическими и конструктивистскими научными концепциями, что в не малой степени обусловило ее принятие «академиками» и включение гендерного подхода в корпус научных исследований. Критический социальный запал, унаследованный некоторыми гендерными теоретиками от феминистской теории, привел к тому, что принцип соблюдения гендерного равенства вошел в политическую повестку дня международного сообщества [Гендерное равенство..., 2008].

Однако вместе с развитием постмодернистской феминистской философии концепция гендера начинает переосмысливаться, на смену конструктивистской приходит перформативная модель. Зачатки этой идеи можно увидеть уже в работе Уэст и Зиммерман, в которой они проводят идею, что гендер создается (делается) самими индивидами в процессе повседневной жизни. Иными словами, гендер является не только социальным конструктом, но и продуктом представления (перформанса) определенных идей посредством языка, искусства, литературы, кино, научных теорий. Именно поэтому Тереза де Лауретис назвала гендер продуктом идеологии [Лауретис де Т., 1998, с. 136]. М. Фуко отмечал, что биологический пол и тело также находятся в сфере идеологического контроля, поскольку именно общество делит человеческие существа на мужчин и женщин (хотя биология не так однозначно бинарна), контролируя этот процесс посредством общественной морали, системы здравоохранения, законов о браке, о возрасте вступления в половую жизнь, норм и законов

[Современный философский словарь..., 1998, с. 183–186]. В бинарной гендерной культуре тела определяются как мужские или женские, им предписывается соответствующий гендер и гетеросексуальные желания. Иными словами, тела тоже конструируются.

В основе перформативной теории гендера, которую выдвигает Джудит Батлер, лежит фукианская трактовка субъектности. Фуко утверждал, что субъект является продуктом властного дискурса, и его бытие всегда отмечено подчинением. Батлер рассматривает тезис субъекта через подчинение на основе анализа механизмов становления и производства субъективности у Гегеля, Ницше, Фрейда, Фуко и Альтюссера. Помимо этого она использует постструктуралистский подход, апеллируя к этимологической общности в английском языке существительного субъект (*a subject*) и глагола подчиняться, покоряться (*to subject*). На этих основаниях Батлер построила свою концепцию «субъекта подчинения», который появляется в результате дискурсивных практик и не существует вне речевых актов и властных отношений. Она резко критикует попытки феминисток представить женщину как автономного субъекта, выдвигая два контраргумента. Во-первых, это эссенциалистский подход, при котором утверждается единая концепция феминности. Во-вторых, и это еще более значимо с точки зрения Батлер, попытка интегрировать женщину в мужской дискурс субъективности ведет к укреплению бинарной матрицы и соответствующей ей нормы гетеросексуальности.

Батлер отвергает принятую в социальном знании дифференциацию анатомического пола как некоей природной сущности и культурного гендера, который специфическим образом трактует биологию для обоснования социального неравенства. Она утверждает, что эта концепция основана на представлении о существовании вне культуры некоей незыблемой «природы» мужчин и женщин. Однако, как считает Батлер, тело и гендер не существуют вне культурных рамок; «природа» недоступна нам в «чистом» виде, и ее понимание возможно лишь через знание, которое само является продуктом социальных институтов и властного дискурса. Таким образом, анатомия тела подвергается культурной интерпретации, которая утверждает неразрывность связи между анатомическим по-

лом, гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией, формируя таким образом нормативную бинарную матрицу. Батлер оспаривает неразрывность этой связи на том основании, что любая гендерная идентичность, как и сама «норма», не существуют вне перформативных актов. Понятия перформативность/перформанс (*performativity/performance*) обозначают регламентирующие и регулирующие действия [Батлер Дж., 2000, с. 318]. Идея о том, что гендер формируется в процессе действий (*gender doing*), не нова. Уэст и Зиммерман давно писали, что феминность и маскулинность являются и процессом, и результатом постоянных повторений культурных практик (без начала и конца), типичных для той или иной гендерной идентичности: жестикуляции, форм артикуляции, моды, походки, общественных норм поведения и т.д. Гендерная идентичность формируется при помощи специальных действий, перформансов, демонстрации принятия правил общества. Однако в процессе перформанса происходит и оспаривание, смещение норм (что Батлер пытается показать на примере поведения трансвеститов, у которых облик и идентичность не совпадают). Продолжая развивать свою концепцию, Батлер оспаривает тезис Фрейда о том, что первичным фактором возникновения культуры и создания идентичности является запрет инцеста. Таковым, по ее мнению, является запрет гомосексуальности. Эдипов комплекс и его успешное разрешение, по ее мнению, возможны лишь при условии запрета гомосексуальности и утверждения гетеросексуальной нормы [Батлер Дж., 2000; Butler J., 1990, p. 16].

Возникновение перформативной концепции гендера связано с несколькими обстоятельствами. Это, во-первых, переориентация социальной и гуманитарной науки с изучения структуры на изучение деятельности (*agency*). Во-вторых, лингвистический поворот в философии, социологии и антропологии, который означал переосмысление социальных практик (в том числе так называемых новых сексуальностей) с точки зрения символических форм, в которые они облечены. «Перформанс и перформативность становятся новыми ключевыми понятиями культуры», — констатирует аналитик-культуролог Дорис Бахман-Медик. Если категория текста связана с пониманием и ин-

терпретацией смыслов, то при перформативном подходе возникает вопрос о том, какие действия создают культурные значения: «смыслообразующая сила человеческих действий» вновь оказывается в поле зрения [Бахман-Медик Д., 2017, с. 129]. Помимо этого, вместе с развитием процессов глобализации отмечается кризис идентичности. Плюрализм идентичностей, сексуальных ориентаций, социальных практик, жизненных стилей — это характерная черта общества постмодерна, в котором люди формируются в социальном и культурном отношении как искатели и коллекционеры чувственного опыта, а не как производители и солдаты (З. Бауман). Мужчинам и женщинам эпохи постмодернити не требуется тщательного проектирования своей идентичности, более ценным качеством становится *гибкость*: все компоненты должны быть легкими и мобильными, чтобы их можно было мгновенно перегруппировать; не следует допускать слишком прочных, мешающих свободе движения связей между компонентами. Прочность, как и постоянство в целом, теперь считаются признаком плохой приспособляемости к быстро и непредсказуемо меняющемуся миру. Сексуальность тоже стала объектом вторжения культуры, половые характеристики личности, как и другие ее аспекты, не являются *данными* раз и навсегда, они должны быть *выбраны* и могут быть отвергнуты, если считаются неудовлетворительными или недостаточно удовлетворяющими. Не удивительно (хотя и печально), что новые поколения стремятся к «гибридности», квин-идентичности: «девочки, которые хотят быть мальчиками, мальчики, которые хотят быть девочками, мальчики и девочки, которые настаивают, что они — и то, и другое вместе; белые, которые хотят быть черными, чернокожие, которые хотят быть белыми; люди, которые идентифицируют себя как белые и черные, беззаботные и жесткие, маскулинные и феминные одновременно; или те, кто находит способы быть и не называть себя никак из вышеупомянутого» [Heuwood L., Drake J., 1997, p. 8].

До эпохи постмодерна и глобализации идентичность формировалась в значительной степени на основе происхождения, расовой, религиозной принадлежности, национального единства. Теперь очевиден скорее разлом, переход,

пересечение, трансформация, мозаичность. Переклочение с идентичности на различие заставило по-новому взглянуть на формирование культурной идентичности как на артикуляцию различий [Бахман-Медик Д., 2017, с. 243]. В современном мире из-за массовой миграции, информационной открытости и глобальной циркуляции культурных знаков и символов дихотомическая картина мира и старые способы построения идентичности разрушены.

Ситуация «мозаичной или множественной» идентичности детерминирует необходимость по-новому осмыслить соотношение биологического и социального в человеке. Так, если ранее людей с затруднениями гендерной идентичности формально (через обряды инициации) приписывали к той, которую они предпочитали в противоположность своей биологии, то теперь стало возможным изменение биологического статуса таких людей при помощи технологий. Таким образом, помимо женщин и мужчин (как бы ни понимались их роли) стали появляться люди с другими поло-гендерными статусами². В связи с этим несколько лет назад социальная сеть Facebook ввела для пользователей англоязычной версии в США возможность выбора в профиле не менее 58 вариантов самоназваний и самоидентичностей поло-гендерной идентичности. Список включает все варианты, которые можно было обнаружить в сети на тот момент (2014 г.) — от традиционных «мужчина», «женщина», до малопонятных «неопределившийся» и «всеполюй». Частично категории пересекаются и дублируются — например, термины «genderqueer» и «non-binary» используются для обозначения людей, принципиально отвергающих существование дихотомии полов. Публичное признание в современном обществе людей с ненормативной гендерной идентичностью³, выпадающей из

² По оценке Williams Institute в США насчитывается 700 000 трансгендерных индивидуумов, и по оценке американской организации Human Rights Campaign (HRC) примерно 10 % из них при заполнении графы «социальный пол» в различных анкетах пишут «трансгендер». Иногда еще уточняют — из мужчины в женщину или из женщины в мужчину [Райбман Н., Смирнов С., 2014].

³ Организация Объединенных Наций в 2018 г. включила в перечень базовых (критически необходимых) прав человека свободный доступ к операциям по смене пола [Гонтермахер Б., 2018].

бинарной матрицы, привело к появлению нового термина для обозначения этого феномена — квир (queer)⁴. Перформативная концепция пола была активно востребована в квир-исследованиях, поскольку давала обоснование для отвержения нормативной бинарной концепции телесности и соответствующей ей гетеросексуальности [Пулькинен Т., 1999, с. 177].

Первоначально квир использовался для позитивного самообозначения геев и лесбиянок. Сегодня он включает политическое движение, исследования и дискурсивную деконструкцию нормативной гетеросексуальности. Квир как политическое движение объединяет геев, лесбиянок, би-, транс- и интерсексуалов, трансвеститов и многих других носителей альтернативных форм сексуальности и представителей субкультур (ЛГБТ). Квир-исследования (распространенные в основном в университетах США и Германии) изучают гендерные идентичности в их историческом развитии, культурной значимости и в связи с этнической, классовой, возрастной, политической, экономической и т.д. принадлежностями [Техника «косого взгляда»..., 2015, с. 15].

Квир-теория определяется ее сторонниками как дискурсивная стратегия, «деконструктивистская фигура нестабильности, текучести и вариативности, “косого”, децентрирующего взгляда на структуры общества и его властные отношения». Эта стратегия, утверждают его адепты, может выступать «как инструментом анализа, так и эстетическим и/или политическим механизмом деконструктивистского смыслопроизводства, которое направлено на вскрытие и дестабилизацию иерархий, основанных и легитимизируемых господствующей гендерной и сексуальной политикой» [Техника «косого взгляда»..., 2015, с. 16]. Квир-стратегия нацелена на оспаривание концепции маскулинности и феминности, на разрыв связи между идентичностью и предписываемыми ей сексуальными практиками; она отвергает бинарность гетеро/гомо и выступает за признание сексуального плюрализма (вплоть до садомазохизма) [Техника «косого взгляда»...,

2015, с. 16]. Квир-стратегия и квир-эстетика (квир-искусство) нередко выступают как синонимы; их задачи декларируются как поиски новых способов самовыражения квир, не использующих язык и средства репрезентаций господствующих (гетеросексуальных) дискурсов. Например, в своем романе «Письмена на теле» Джанет Уинтерсон использует только местоимения первого и второго лица единственного числа, которые в английском языке не имеют рода. Остается неясным, идет ли речь о герое или героине, и именно это является основой драматургического конфликта. Фильмы «Жестокая игра» (Нил Джордан, 1992) или «Парни не плачут» (Кимберли Прайс, 1999) представляют эстетику немаркированного пола героев.

Иногда квир представляют как продолжение и расширение гендерных исследований — такова, в частности, позиция авторов сборника «Техника косого взгляда». Однако это представляется неверным. Квир-концепт (квир-стратегия) выглядит пока скорее как арт-проект, чем как теория, пусть даже и неклассического типа. Понимание внутренних механизмов взаимодействия биологических основ сексуальности, сексуальной ориентации, половой и/или гендерной идентичности (как и отказ от последней) пока не стало задачей этих исследований. Речь идет скорее об утверждении статуса квир наравне с другими культурными проектами. Более того, квир-концепт фактически не предлагает позитивной программы, а идея плюрализма сексуальных практик, вплоть до социально агрессивных (вроде садомазохизма), не кажется многим столь заманчивой.

В заключение необходимо кратко подвести итоги.

Гендерная теория (в ее феминистском, конструктивистском и культурно-символическом модусах) произвела значительный научный и социальный эффект. Использование гендерного подхода в социальном и гуманитарном знании дало возможность более глубокого понимания человека и общества. Принцип достижения гендерного равенства акцептирован мировым сообществом, он стал частью многих программ на международном и национальном уровнях.

⁴ Queer – букв. противопоставленный правилам, вопреки нормам.

Что же касается радикальной деконструкции гендера в квир и перформативной теории, то ее заслугой, возможно, стоит считать выявление некоторых не до конца осмысленных проблем гендерной теории. Но при этом, как справедливо отмечает Анна Номеровская, «отличительным признаком перформативов является отсутствие у них истинностного значения, так как их верификация невозможна или затруднена» [Номеровская А.Д., 2015, с. 80]. Но тогда невольно возникает вопрос: а как работать с этим вне абстрактных теоретических построений? Предложенный в квир-проекте вариант мозаичности, гибридности и релятивизма идентичности разрушает саму возможность социальных и политических преобразований в сфере гендерного равенства. Вместо этого квир-активисты выступают за призрачное равенство возможностей примеривать разные идентичности по личному выбору/прихоти. Но такой релятивизм пока трудно понимается и принимается даже на уровне теории, не говоря о практических мерах. Теоретический радикализм квир на данном этапе делает маловероятным развитие новых социальных программ, а они, по нашему мнению, необходимы. Однако проблемы в понимании соотношения пола и гендера, обнаруженные перформативной теорией и квир, актуализируются в ситуации распространения новых биотехнологий. Это требует проведения более обстоятельных исследований и продолжения дискуссий между различными школами.

Список литературы

- Батлер Дж.* Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–346.
- Бахман-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер с нем. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 504 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Воронина О.А.* Основные идеи и концепты феминистской социальной эпистемологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 141–151. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-141-151.
- Воронина О.А., Клименкова Т.А.* Гендер и культура // Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / под ред. З.А. Хоткиной. М., 1992. С. 10–22.
- Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. О.А. Воронина. М.: Макс-Пресс. 2008. 768 с.*
- Гонтермахер Б.* ООН включила смену пола в список базовых прав человека // Панорама. 2018. 11 апр. URL: <https://panorama.pub/2792-oon-vklyuchila-smenu-pola.html> (дата обращения: 16.09.2018).
- Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.) / пер. с нем. М.: ВЛАДОС, 1997. 301 с.
- Лауретис де Т.* Американский Фрейд // Гендерные исследования. Харьков, 1998. № 1. С. 136–137.
- Номеровская А.Д.* Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2015. 168 с.
- Пулькинен Т.* О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция. СПб., 1999. С. 167–181.
- Рабжаева М.В.* Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 2. С. 133–147.
- Райбман Н., Смирнов С.* Facebook предложила пользователям 58 полов на выбор // Ведомости. 2014. 14 февр. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/02/14/facebook-rasshiryaet-profil-polzovatelej> (дата обращения: 16.09.2018).
- Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемеров. Лондон и др.: Панпринт, 1998. 1064 с.*
- Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка / под ред. И. Градинари. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 352 с.*
- Труфанова Е.О.* Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2018. 320 с.
- Уэст К., Зиммерман Д.* Создание гендера / пер. с англ. Е. Здравомысловой // Гендерные тетради. Вып. 1: Труды СПб-филиала ИС РАН. СПб., 1997. С. 94–120.
- Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990, 256 p.
- Heywood L., Drake J.* Third-Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 280 p.
- Levi-Strauss C.* The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1969. 524 p.

Mead M. Sex and Temperament in three Primitive Societies. N.Y.: W. Morrow & Company, 1935. 335 p.

Moore H.L. Feminism and Anthropology. Cambridge: Polity Press, 1988. 320 p.

Ortner S.B. Is Female to Male as Nature is to Culture? // *Woman, Culture & Society* / ed. by M. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford, CA: Stanford University Press, 1974. P. 67–88.

Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex // *Toward an Anthropology of Women* / ed. by R.R. Reiter. N.Y.: Monthly Review Press, 1975. P. 157–210.

Sapiro E. Women in American Society: an Introduction to Women's Studies. Mountain View, CA: Mayfield Publishing Co., 1986. 511 p.

Stoller R. Sex and gender: on the development of masculinity and femininity. N.Y.: Science House, 1968. 383 p.

Получено 27.09.2018

References

Bachmann-Medik, D. (2017). *Kult'urnye povoroty. Novye orientiry v naukahh o kulture*. [Cultural turns. New landmarks in the sciences of culture]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 504 p.

Berger, P. and Lukman, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social construction of reality]. Moscow: Medium Publ., 323 p.

Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, London: Routledge, 256 p.

Butler, J. (2000). *Gendernoe bespokoystvo* [Gender Trouble]. *Antologiya gendernoy teorii* [Anthology of gender theory]. Minsk: Propilei Publ., pp. 297–346.

De Lauretis, T. (1998). *Amerikanskiy Freud* [American Freud]. *Gendernyye issledovaniya* [Gender Studies]. Kharkov, no. 1, pp. 136–137.

Gontermakher, B. (2018). *OON vklyuchila smenu pola v spisok bazovykh prav cheloveka* [The United Nations has included gender transition in the list of basic human rights]. *Panorama*. Apr. 11. Available at: <https://panorama.pub/2792-oon-vklyuchila-smenu-pola.html> (accessed 16.09.2018).

Gradinari, I. (ed.) (2015). *Tekhnika «kosogo vzglyada»*. *Kritika geteronormativnogo poryadka* [Technique Oblique view. Criticism of heteronormative order]. Moscow: The Gaidar Institute Publ., 352 p.

Heywood, L. and Drake, J. (1997). *Third-Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 280 p.

Kemerov, E.V. (ed.) (1998). *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern philosophical dictionary]. London et al.: Panprint Publ., 1064 p.

Levi-Strauss, C. (1969). *The Elementary Structures of Kinship*. Boston: Beacon Press, 524 p.

Mead, M. (1935). *Sex and Temperament in three Primitive Societies*. New York: W. Morrow & Company, 335 p.

Moore, H.L. (1988). *Feminism and Anthropology*. Cambridge: Polity Press, 320 p.

Nomerovskaya, A.D. (2015). *Issledovanie gendernoy identichnosti v filosofsko-antropologicheskoy perspective: dis. ... kand. filos. nauk* [The research of gender identity in the philosophical and anthropological perspective: dissertation]. Saint-Petersburg, 168 p.

Ortner, S.B. (1974). Is Female to Male as Nature is to Culture? *Woman, Culture & Society*. Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 67–88.

Pulkinen, T. (1999). *O performativnoy teorii pola*. *Problematizatsiya kategorii pola Judith Butler* [On the performative theory of sex. The problematization of the categories of sex by Judith Butler]. *Germenevtika i dekonstruktsiya* [Hermeneutics and deconstruction]. Saint-Petersburg, pp. 167–181.

Rabzhaeva, M.V. (2002). *Gendernaya antropologiya: kontseptualnaya i institutsionalnaya kharakteristika* [Gender anthropology: conceptual and institutional characteristics]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 5, no. 2, pp. 133–147.

Raibman, N., Smirnov, S. (2014). *Facebook predlozila pol'zovatelyam 58 polov na vybor* [Facebook offered users 58 sexes to choose from]. *Vedomosti*. Feb. 14. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/02/14/facebook-rasshiryaet-profil-polzovatelej> (accessed 16.09.2018).

Rubin, G. (1975). The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex. *Toward an Anthropology of Women*. New York: Monthly Review Press, pp. 157–210.

Sapiro, E. (1986). *Women in American Society: an Introduction to Women's Studies*. Mountain View CA: Mayfield Publishing Co., 511 p.

Stoller, R. (1968). *Sex and gender: on the development of masculinity and femininity*. New York: Science House, 383 p.

Trufanova, E.O. (2018). *Sub'ekt i poznanie v mire sotsialnykh konstruksiy*. [Subject and knowledge in the world of social constructions]. Moscow: Canon+ Publ., ROOI «Rehabilitation» Publ., 320 p.

Voronina, O.A. (ed.) (2008). *Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire* [Gender equality in the modern world: the role of national machinery]. Moscow: Max-Press Publ., 768 p.

Voronina, O.A. (2017). *Osnovnye idei i kontsepty feministской sotsial'noy epistemologii* [Main ideas and concepts feminist social epistemology]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Vol. 2, pp. 141–151. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-141-151.

Voronina, O.A. and Klimenkova, T.A. (1992). *Gender i kul'tura* [Gender and culture]. *Zhenschiny i sotsial'naya politika* [Women and social politics

(gender aspect)]. Moscow: ISEPN Publ., pp. 10–22.

West, K. and Zimmerman, D. (1997). *Sozdanie gendera* [Doing gender]. *Gendernye tetradi* [Gender Notebooks]. Iss. 1: Proceedings of St. Petersburg Branch of Inst. Of Sociology of RAS, Saint Petersburg, pp. 94–120.

Zider, R. (1997). *Sotsial'naya istoriya sem'i v zapadnoy i tsentralnoy Evrope (konets XVIII–XX veka)* [Social history of the family in Western and Central Europe (late 18th and 19th centuries)]. Moscow: VLADOS Publ., 301 p.

Received 27.09.2018

Об авторе

Воронина Ольга Александровна
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник сектора
философии культуры

Институт философии Российской академии наук,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: olga-voronina777@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1122-2886

About the author

Olga A. Voronina
Doctor of Philosophy,
Leading Researcher (Professor) of the Department
of Philosophy of Culture

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str. Moscow, 109240, Russia;
e-mail: olga-voronina777@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1122-2886

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Воронина О.А. Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 5–16.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16

For citation:

Voronina O.A. Construction and deconstruction of gender in the contemporary humanities // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 5–16. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16

УДК 123/124:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-17-28

ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ФОРМ НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ

Коромыслов Виталий Валерьевич

Пермский государственный аграрно-технологический университет им. акад. Д.Н. Прянишникова

Целью исследования является выделение социально необходимого содержания в человеческом бытии и его противопоставление содержанию, которое обладает малой или даже отрицательной значимостью для развития общества. Под социально необходимым понимается необходимое в его высшем, собственно человеческом содержании, в отношении к человеческой природе, к обществу и индивиду. Поскольку необходимое и случайное содержание в обществе диалектически связаны, то исследование сводится к раскрытию этой взаимосвязи социальных форм необходимости и случайности. Исследование опирается на конкретно-всеобщую теорию развития, разрабатываемую коллективом авторов, под руководством В.В. Орлова. Концепция человека, разработанная В.В. Орловым в рамках этой теории, позволяет выявить объективные основания для выделения критериев степени необходимости содержания в обществе. Одно из таких оснований связано с универсальной, потенциально бесконечной сущностью человека, ее глубинными законами и потребностями, а другое, диалектически связанное с ним, — с трудовой деятельностью человека, ее целями и задачами. Данные основания позволяют проследить, как распределяется необходимое содержание в общественном и индивидуальном бытии человека, выявить наиболее социально необходимое содержание. Диалектическая взаимосвязь этих оснований позволяет сохранить традиционный подход к пониманию необходимости и случайности как соотносительных понятий и при определенных условиях переходящих в собственную противоположность. Проведенное исследование дает важный инструмент для критического анализа существующих порядков в обществе и тенденций его развития с позиции глубинных потребностей универсальной человеческой сущности. С этих позиций наиболее необходимым содержанием в человеческом бытии оказывается все то, что способствует раскрытию плодотворного потенциала человеческой сущности все более полно и ярко, соответствует проверенным в веках общечеловеческим ценностям и гуманистическим идеалам.

Ключевые слова: социальная необходимость, необходимость и случайность в обществе, сознательное, общество, сущность человека, конкретно-всеобщее.

DIALECTICS OF SOCIAL FORMS OF NECESSITY AND RANDOMNESS

Vitaliy V. Koromyslov

Perm State Agrarian and Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov

The study aims to identify the socially necessary content in human existence and to contrast it with the content that has little or even negative significance for society development. Socially necessary means necessary in its higher, precisely human content, in relation to the human nature, society and individual. Since the necessary and random content in society are dialectically related, the study is reduced to revealing this interrelationship of the social forms of necessity and randomness. The study is based on the concrete-universal theory of development proposed by the group of authors under the leadership of V.V. Orlov. The concept of person developed by V.V. Orlov within the framework of this theory makes it possible to identify objective grounds for defining criteria for the degree of necessity of content in society. One of these grounds is linked with the universal, potentially infinite essence of a person, its deepest

laws and needs, while the other ground, dialectically associated with that, is linked with a person's work activity, its goals and objectives. These grounds allow one to trace the way the necessary content is distributed in the social and individual being of a person, revealing the most socially necessary content. The dialectical interrelationship of these grounds makes it possible to preserve the traditional approach to the understanding of necessity and randomness as correlative concepts turning into their own opposite under certain conditions. The study provides an important tool for critical analysis of the order existing in society and trends of its development in terms of the underlying needs of the universal human essence. In this light, it appears that the most necessary content in human existence is everything that contributes to unlocking of the fruitful potential of the human essence and corresponds to human values and humanistic ideals proven throughout the centuries.

Keywords: social necessity, necessity and randomness in society, conscious development, society, human essence, concrete-universal.

В современной научной литературе тема необходимого и случайного в обществе затрагивается удивительно редко. Однако, на наш взгляд, эта тема обделена вниманием незаслуженно, поскольку ключ к решению многих проблем современного общества лежит как раз в правильном понимании диалектики необходимого и случайного в общественном развитии. В культуре современного общества часто воспеваются случайность и стихийность, неопределенность и непредсказуемость. Игровое, легкомысленное отношение к действительности становится идеалом жизни современной молодежи, для которой истина, ответственность и дальновидность все чаще воспринимаются как пережитки прошлого. Как следствие таких тенденций, роль случайности в обществе преувеличивается, а роль необходимости дискредитируется, порой и вовсе отрицается. В свете этого становится закономерным духовный кризис общества, выражающийся в преуменьшении роли нравственности, любых правил и норм и обостряющий любые формы взаимоотношений в обществе, в том числе на международном уровне. Такая ситуация обуславливает значимость исследования диалектики социальных форм необходимости и случайности.

Развитие человека напрямую связано с освоением все более глубоких, разнообразных и тонких форм необходимости и случайности. Человек не только пассивно вбирает в свое бытие все природные формы необходимости и случайности, они в нем получают практическое использование, наполняясь при этом новым, более сложным содержанием, содержанием необходимого и случайного труда и мысли. Социальные необходимость и случайность — это необходимость и случайность в их высшем,

собственно человеческом содержании в отношении к человеческой природе, к обществу и индивиду.

Способность человека к преобразованию мира, созданию благоприятных условий для своего бытия связана не только с познанием его законов и свойств, но и с такой спецификой мироустройства, благодаря которой необходимость везде и всюду дополняется случайностью и проявляется в ней. Человек использует случайность единичных, многообразных проявлений необходимости с тем, чтобы направлять их в связи с собственными интересами и потребностями, во благо собственной необходимости. Он *использует природные формы случайности и необходимости для превращения их в собственную необходимость прогрессивного исторического развития.*

Исследование того, как необходимость и случайность выражены в человеческом бытии, автором проводилось в рамках диссертационного исследования [Коромыслов В.В., 2007]. В данном случае нас больше интересует не традиционный подход к исследованию диалектики необходимого и случайного в человеческой истории, а те их формы, которые являются таковыми по отношению к человеческой сущности, глубинным потребностям развития общества и индивида.

Многие современные учения низводят роль необходимого содержания в обществе до роли случая, временно удобного фактора, а порой и вовсе растворяют его в субъективности и принципиальной неопределенности и непредсказуемости. И в этом, безусловно, есть рациональное зерно, особенно в условиях современного, все более усложняющегося общества, его противоречивых тенденций и многоаспектности, одна-

ко нужно отдавать себе отчет в том, что полная дискредитация фундаментальной роли объективно необходимого содержания в культуре способна привести к пагубным последствиям в обществе и, что еще более настораживает и возмущает, это уже происходит, но опасность таких тенденций далеко не всеми осознается.

Как известно, понятия необходимости и случайности являются взаимодополняющими, соотносительными. Так, обобщая подходы к пониманию необходимого и случайного в различных областях знания, М.А. Парнюк пишет: «*Всякая действительность представляет диалектическое единство необходимого и случайного. В одном отношении она необходима, в другом — случайна. В одном отношении, прежде всего со стороны внутреннего, сущности, действительность бывает только такой, а не другой, характеризуется общностью, а в другом отношении она детерминирована дополнительными факторами, поэтому представляет собой совокупность многообразного. Всякая вещь как производное (действие) необходимым образом зависит от главных существенных факторов и случайным образом зависит от дополнительных (второстепенных) факторов*» [Необходимость и случайность, 1988, с. 89].

Во многом перекликается с такой формулировкой о взаимосвязи необходимого и случайного и утверждение Ю.В. Иноземцевой, которая отмечает, что эти понятия «конкретизируют представления о способах взаимозависимости явлений, а также выражают типы связей этих явлений и степень их обусловленности. В категории необходимости происходит фиксация закономерного характера связи явлений, который обуславливается их внутренним содержанием. В категории случайности происходит обращение к такому типу связи явлений с окружающим миром, который определяется внешними, входящими обстоятельствами. Жесткой демаркационной линии между категориями необходимости и случайности не существует» [Иноземцева Ю.В., 2014, с. 113].

Итак, как минимум некорректно говорить о безусловно необходимом характере того или иного момента действительности самого по себе. И то же самое следует сказать о случайности. Более того, мы знаем, что необходимое способно переходить в случайное, а случайное становится необходимым. Неудивительно по-

этому, что понять истинную роль необходимого в содержании общества оказывается не такто просто. На первый взгляд, возникает иллюзия равнозначимости этих двух сторон действительности и отсутствия целесообразности как и объективных оснований для выделения необходимого *содержания* в обществе. В то же время о важности определения того, что для общества объективно необходимо, а что — нет, пишут многие исследователи. В отношении российского общества об этом пишут, например, Б.В. Мартынов, В.В. Орлов, Т.С. Васильева, И.С. Уварова [Мартынов Б.В., 2008; Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006; Уварова И.С. 2016]. Очевидно, что для того, чтобы правильно расставить приоритеты в развитии общества, оптимально распределяя его силы и средства, нужны четкие и ясные критерии важности тех или иных моментов социальной действительности. Следовательно, предполагается, что такие основания для выделения необходимого содержания в обществе должны существовать.

На наш взгляд, для того, чтобы найти основания и критерии, по которым можно было бы судить о степени необходимости тех или иных моментов социальной действительности, мы должны исходить из самых глубинных основ существования, начиная с законов глобальной эволюции.

Основания для выделения необходимого содержания в обществе

С этой точки зрения интересна концепция человека, разрабатываемая в рамках конкретно-всеобщей теории развития В.В. Орловым [Орлов В.В., 1999, 2012]. В этой концепции обосновывается, что по мере единого закономерного мирового процесса происходило материальное обобщение взаимодействий природного мира, в результате происходила аккумуляция наиболее ценных (с точки зрения возможностей дальнейшего развития) свойств низшего в высшем, более развитом, сложноорганизованном. Таким образом, сущность человека в своей основе «соткана» из концентрированного всеобщего, сущностного содержания мира, несет в себе «в сокращенном и обобщенном виде» интеграцию сущностей всех основных форм материи, а потому ее содержание имеет глубокое родство с окружающей природной действительностью, в лице человека развитие всей все-

ленной получает наиболее творческое, эффективное, наиболее мощное средство для продолжения этого развития. Аккумулируя в своем бытии самые мощные природные силы, человек оказывается способен реализовывать необходимость, связанную с развитием всего бесконечного мира. Разум человека, потенциал, заложенный в нем по мере всего предшествующего природного развития, подготавливающего его появление, позволяет осознать эту *вселенскую необходимость как необходимость собственного прогрессивного развития, раскрытия собственных сущностных сил наиболее полно и ярко.*

Таким образом, необходимое содержание общества в этой концепции оказывается своеобразным продолжением необходимого содержания всего природного мира, связанного с созидательной сущностью материи. Все самое «ценное» содержание вселенной, самая большая ее творческая мощь, оказывается заключена в руках человечества, что наделяет его не только наиболее свободным, наиболее независимым от обстоятельств способом существования (преобразующим), но и самой большой ответственностью перед будущим всего мира.

Такой подход не только не противоречит традиционному пониманию диалектики необходимого и случайного, но и дополняет его столь важным для развития общества основанием для выделения критериев, определяющих степень необходимости тех или иных процессов или моментов социальной действительности. С этих позиций поиск критериев необходимости или случайности содержания в обществе следует начинать с наиболее глубоких основ бытия, наиболее глубоких законов, определяющих ведущее, магистральное направление развития мира.

Как известно, необходимость мира в целом связана с процессами наибольшей общности и глубины. Чем более они глобальны и устойчивы, тем более причастны к глубинным законам действительности, а значит, имеют более необходимую природу. Так, наибольшая степень необходимости связана с направленностью единого закономерного мирового процесса, в отношении которого его многообразные ответвления выступают как случайные [Барг О.А., 2006, с. 93–110]. Конкретно-всеобщая теория развития показала, что эта

направленность демонстрирует рост богатства содержания, его независимости от окружающих условий, расширение возможностей дальнейшего развития каждой новой ступени по сравнению с предыдущими [Орлов В.В., 1999, с. 71–112; Грунин И.В., 1987].

Если в отношении единого закономерного мирового процесса наиболее фундаментальным содержанием, определяющим его законы и направленность, является сущность материи как *causa sui* [Барг О.А., 1997; Грунин И.В., 1987; Козин Н.Г., 1993], то применительно к человеку таким фундаментальным основанием необходимости, очевидно, является его собственная сущность, которая своеобразно выражает в себе это субстанциальное свойство материи в способности творить свое бытие и сущность.

Таким образом, универсальная, потенциально бесконечная сущность человека, вытекающие из нее законы, определяющие направленность исторического процесса, являются наиболее необходимым, фундаментальным основанием в отношении конкретных процессов производства человеком своего бытия. Тогда многообразные отклонения от этой направленности будут выступать как случайные, имеющие меньшую причастность к сущностному содержанию исторического процесса, а значит, обладающие менее существенным и устойчивым содержанием [Васильева Т.С., 1996, 1998].

На данном этапе наиболее глубокий обнаруженный закон развития общества связан со способом производства общественной жизни, который определяет закономерную смену общественно-экономических формаций в историческом процессе. Согласно этому закону история развития человечества представляет собой поступательное движение к коммунистическому обществу, характеризующемуся условиями, способствующими наиболее полной и всесторонней реализации универсальной человеческой сущности, развитию творческих возможностей индивида, где будет возможно осуществление принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям». В отношении этого глубинного закона отклонения от указанного направления развития выступают как случайные [Васильева Т.С., 1996, 1998, 1999; Мусаелян Л.А., 2006].

С другой стороны, осознание глубинных пластов необходимого содержания универсальной человеческой сущности происходит не сразу, а предполагает опыт «проб и ошибок», определенный уровень зрелости социального познания. Исторические обстоятельства накладывают свой отпечаток на понимание социально необходимого в тот или иной момент времени. Таким образом, необходимость, закономерность и направленность исторического процесса обусловлена трудовой, целесообразной деятельностью конкретных людей в их конкретных жизненных обстоятельствах. Так, М. Парнюк отмечает: «Главное отличие исторической необходимости от необходимости природы состоит в том, что она является необходимостью человеческой деятельности... Необходимость истории осуществляется не автоматически, а через сознательную деятельность людей, классов, народных масс, личности. Деятельность людей, их цели и идеалы, воля, желания и стремления входят составной частью в исторический процесс» [Необходимость и случайность, 1988, с. 114].

Поэтому в процессе развития необходимость и случайность имеют свойство *переходить в собственную противоположность*. История человеческого общества представляет собой смену одного исторического этапа другим, в отношении которых одно и то же содержание человеческого бытия может выступать как необходимым, так и случайным [Необходимость и случайность, 1988, с. 110]. То, что было необходимым для условий жизни первобытного общества, в условиях современности, как правило, встречается лишь в качестве случайно сохранившихся пережитков прошлого. А то, что в условиях современного общества неуверенно зарождается в виде неустойчивых тенденций, «ростков», несущих черты будущего, более прогрессивного общества, и пока еще пресекается сложившимися стереотипами и общественными отношениями, то в условиях более зрелых отношений в обществе обретет характер необходимости. Так, основание для выделения социально необходимого в отношении трудовой деятельности, ее конкретных целей и задач предполагает другие критерии необходимости содержания общества, а значит, может давать иную оценку значимости этого содержания по сравнению с критериями необходимости, свя-

занными с универсальной человеческой сущностью. Труд может быть направляем целями, сформировавшимися под влиянием иллюзорного представления о действительности. Такой труд может пробуждать разрушительный потенциал природы и человеческой сущности.

Тем не менее, производя свою историю, конкретно-исторические законы своего развития через труд, исходя из своих способностей и потребностей, человек руководствуется при этом собственными пользой и благом, достижение наибольшей степени которых возможно только благодаря тонкому пониманию глубинных потребностей человеческой природы. А значит, накопление исторического опыта, повышение зрелости социального познания закономерно будет приводить к сложному, противоречивому, но последовательному процессу развертывания богатства человеческой сущности. Трудовая деятельность человека в конечном счете направлена на создание более благоприятных условий для жизни всего общества, на бессмертие человеческого рода, и в этом контексте главным критерием социально необходимого будет служить *соответствие человеческой деятельности, ее проявлений материальному и духовному прогрессу человечества, раскрепощению всех сущностных сил человека*. Так, Т.И. Ящук пишет: «Общественная необходимость реализуется как внутренняя побудительная причина деятельности людей, когда они познают необходимость преобразования общества и используют это знание как средство своей деятельности» [Необходимость и случайность, 1988, с. 184]. А.Г. Тихоглаз дополняет эту мысль, отмечая, что сознательная деятельность человека в конце концов переходит «в историческую необходимость общественного прогресса на пути всестороннего развития общества и личности, слияния гуманизма и свободы» [Необходимость и случайность, 1988, с. 26].

Таким образом, оба выделяемых основания социальной необходимости диалектически взаимосвязаны: трудовая деятельность в конечном счете направлена на более глубокое познание сущности человека и обустройство человеческого общества на основе этих знаний, а в человеческой сущности заложены глубинные законы, определяющие магистральную направленность трудовой и мыслительной деятельности человека.

Необходимое и случайное содержание в обществе

Чтобы проследить как распределяется необходимое содержание по всему кругу человеческого бытия, обратимся к основанию необходимости, связанному с универсальной, потенциально бесконечной человеческой сущностью. Как мы выяснили, природа человека и вытекающие из нее законы представляют собой наиболее необходимый, глубинный пласт в человеке, который определяет все остальное необходимое содержание меньших порядков.

В первую очередь, этот наиболее глубинный пласт задает принципиальные *черты и свойства человека вообще*, рамки которых определяют его возможную конкретную организацию, т.е. задает все потенциально возможное многообразие черт и свойств индивида. Помимо свойств, связанных с биологическим, химическим и физическим уровнями его организации, это и те свойства его материальной организации, что отличают его как социальное существо, создают возможность для труда и мысли, а также обусловленные последними наиболее фундаментальные свойства человека как духовного существа: его духовные способности и потребности, наиболее общие особенности процесса восприятия и осмысления мира, формирования духовной жизни человека [Коромыслов В.В., 2007, с. 170].

Эти принципиальные черты человека а priori определяют значимость тех или иных моментов действительности в отношении к человеческой природе, ее глубинным потребностям. Однако будучи опосредованной процессом производства человеческой жизни, эта значимость обретает исторический характер, по мере развития общества наполняется различной смысловой окраской в зависимости от контекста обстоятельств и степени понимания глубинных законов развития человеческой сущности. При этом такая объективная значимость в отношении к человеческой природе, ее глубинным потребностям выступает в качестве наиболее устойчивого и фундаментального в отношении остальных производимых смыслов [Коромыслов В.В., 2007, с. 170–171].

В результате обобщения исторического опыта человечеством такая объективная значимость закрепляется в формировании системы

общечеловеческих ценностей и гуманистических идеалов. Однако в каждом конкретном случае это обобщение ограничивается теми или иными рамками этого опыта, а значит, в зависимости от обобщаемого опыта расставляются различные акценты при его осмыслении, что образует своеобразие систем ценностей того или иного общества. Тем не менее, степень соответствия провозглашаемых ценностей вечным, непреходящим, высоким жизненным ценностям, формирующимся на основе объективной значимости, служит главным критерием их необходимости для человека.

Безусловно, не стоит забывать и о материальной стороне необходимого содержания общества. Как известно, прежде чем совершенствовать условия своей духовной жизни, человек должен иметь все необходимое для выживания. Субстанциальная основа сущности человека предполагает закономерность в его стремлении и усилиях по преодолению своей зависимости от внешней среды путем ее преобразования [Орлов В.В., 1999, с. 96–111]. Чтобы создать благоприятные условия своего существования, человек присоединяет к собственным силам силы природы, превращая часть окружающей его среды в свое «неорганическое тело». Однако обеспечить устойчивое повышение благосостояния общества возможно лишь при стабильном повышении производительности труда, что предполагает необходимость постоянного совершенствования *средств труда: инфраструктуры, техники и технологий*. Это, в свою очередь, предполагает исключительно *важную роль науки и образования* в развитии общества.

Осознание фундаментальной роли общечеловеческих ценностей ведет к пониманию необходимости формирования *общественного устройства* на принципах, заложенных в этих ценностях, что, в свою очередь выражается в понимании необходимости определенных *норм взаимоотношений и правил поведения* людей в обществе, создания *справедливой структуры общества*, построения *системы социальных институтов и других общественных механизмов*, направленных на достижение и поддержание порядков в обществе, соответствующим этим ценностям [Коромыслов В.В., 2007, с. 171–172].

В этом контексте глубоко необходимым содержанием может обладать лишь социально

ориентированное государство, главной целью которого является постоянное совершенствование условий жизни людей в направлении создания среды, наиболее благоприятной для самореализации всех своих граждан. Как отмечает Б.В. Мартынов, такое государство «должно обеспечивать соблюдение прав и свобод человека, создавать гражданам возможность свободно реализовать трудовой и интеллектуальный потенциал, осуществлять при любых системных и структурных преобразованиях в обществе сильную, последовательную государственную социальную политику, ориентированную на максимально возможные инвестиции в человека, на достижение высоких жизненных стандартов для большинства граждан, на адресную поддержку наиболее уязвимых слоев и групп населения, а также признавать и реализовать систему социального партнерства в качестве основного механизма достижения общественного согласия в рамках трипартизма» [Мартынов Б.В., 2008, с. 32].

Социальное государство должно быть гарантом социальной справедливости, стремиться минимизировать неоправданные социальные различия, создавать одинаковые стартовые возможности, следить за эффективностью работы «социальных лифтов», создавать условия состязательности, «здоровой» конкуренции на всех уровнях, поощрять частную инициативу, активное участие в политической, экономической и культурной жизни страны. Ведь только совокупные усилия всех членов общества, осознающих свое место и роль в общем деле по строительству государства гуманистической направленности, способны сделать прогрессивное развитие общества не случайным и стихийным, а устойчивым и закономерным процессом.

В этой связи большую роль играет свободный доступ к качественному образованию, которое должно не только готовить высококвалифицированных специалистов в своем деле и вовремя обнаруживать таланты личности, способствуя как можно более эффективному их раскрытию, но и формировать у обучающихся картину мира, отражающую законы и взаимосвязи мира в такой степени точности и тонкости, чтобы их образ мышления был дальновиден и подготовлен к решению самых разнообразных жизненных задач.

Необходимое содержание государства, безусловно, также связано с обеспечением безопасности жизнедеятельности общества. Это и охрана границ, и проведение сбалансированной, дальновидной международной политики, и создание эффективной системы предупреждения правонарушений, и своевременное разрешение актуальных экологических проблем. Поддержание здоровья и создание условий для как можно более комфортной и долголетней жизни, очевидно, также является необходимой составляющей в функционировании государства.

Однако государство — это не безличная и слепая сила, как бы нам это иногда ни казалось, оно создается и поддерживается силами и мыслями людей с их пристрастиями, эмоциями, амбициями, умонастроениями, иллюзиями и предубеждениями. Поэтому устойчивость эффективной социально ориентированной политики государства предполагает отлаженность не только механизмов принятия взвешенных и дальновидных решений, но и механизмов воспитания общества.

Как показывает история, права и свободы могут быть использованы по-разному, в том числе и преимущественно на удовлетворение своих низших потребностей, что в конечном счете разрушает не только само богатство содержания личности, но и ту созидательную, конструктивную атмосферу, которая необходима для поддержания гуманистической солидарности индивидов. «Общество потребления», которое является закономерным следствием развития капитализма на его этапах достижения высоких стандартов жизни, является отклонением от магистрального, сознательного пути, связанного с наиболее полным раскрытием плодотворного потенциала человеческой сущности. А потому оно, преимущественно, несет случайное содержание в отношении глубинных оснований исторического процесса как продолжения единого закономерного мирового процесса. Феномен формирования «потребительского сознания» во многом связан со стихийными, рыночными процессами, которые хотя и содержат в себе определенные закономерности, однако эти закономерности часто оказываются чужды гуманистическим идеалам и общечеловеческим ценностям [Мартынов Б.В., 2008, с. 33–34; Орлов В.В., Васильева Т.С.,

2006]. Сущность исторического процесса предполагает, что человек способен сам выбирать путь своего развития, а значит, и закономерности, ему сопутствующие. И из этих закономерностей именно те наиболее глубинны и несут более необходимое содержание, которые способны раскрыть его творческий потенциал наиболее ярко и всесторонне.

Однако важность выбора пути собственного развития предполагает необходимость отлаженности механизмов воспитания личности, воспитания у нее чувства должного, гражданской ответственности, гуманистической направленности образа мышления. Помимо дошкольных и образовательных учреждений большую роль в этом отношении играет культура общества.

Степень необходимости содержания в культуре, таким образом, определяется его соответствием общечеловеческим ценностям и гуманистическим идеалам. Необходимое в культуре выражает в особой, красочной и символической форме наиболее ценный *опыт и знания* человечества. Наиболее случайное, стихийное содержание в культуре, как правило, выражает протестное отношение к существующим условиям человеческого бытия, а потому обладает ценностью лишь в контексте данной эпохи. То есть это все то, что имеет *временный, преходящий характер* или ведет к *утрате высоких жизненных ценностей*, затмевает их.

В частности, в искусстве необходимое — это прежде всего то содержание, что выражает цельность и полноту человеческой жизни [Необходимость и случайность, 1988, с. 106–107], ее многогранность и порой причудливые повороты судьбы человека; закономерность тех или иных последствий, жизненных ситуаций и трудностей, как и находчивость, силу воли, способствующих их разрешению; уникальность и потенциальное богатство внутреннего мира личности; красоту и гармонию природы. То есть прежде всего это все то, что затрагивает те тонкие грани человеческого духа, которые вызывают ощущение прекрасного, возвышенного и гармоничного, воодушевляют на подвиг и труд во благо всего человечества. Тогда наиболее случайное, пустое, вредное содержание в искусстве — это то, что пробуждает в человеке низменные чувства и устремления, способствует иллюзорному восприятию действительности,

формирует вредные для общества и самого индивида ценности и приоритеты.

Не стоит путать случайное по отношению к наиболее глубинным основаниям содержание в искусстве со случайным как средством выражения необходимого содержания, придающим ему нужную акцентированность, особую выразительность, остроту и полноту чувств [Коромыслов В.В., 2007, с. 176–177]. В этом смысле комическое и трагическое являются важными средствами выражения того или иного содержания, которое может быть по своей пользе более или менее необходимым.

Одним из наиболее важных механизмов, закрепляющих в общественном сознании наиболее необходимое содержание, являются традиции. Благодаря тому что они способны аккумулировать в себе наиболее важные знания и опыт человечества, становится возможной долгосрочная преемственность прогрессивного направления развития. Однако, безусловно, их конструктивная роль зависит от степени необходимости передаваемого ими из поколения в поколение, содержания. И если их необходимость была связана лишь с временными историческими обстоятельствами, то рано или поздно из важного фактора развития они превращаются в его «оковы».

Итак, ранее выявлено, что по отношению к наиболее глубинным своим основаниям необходимое содержание в обществе связано с нормами, правилами, социальными структурами, институтами и механизмами, направленными на достижение и поддержание порядков в обществе, соответствующих гуманистическим идеалам и общечеловеческим ценностям. Мера этого соответствия определяет степень необходимости их конкретного содержания. Однако, безусловно, исторические обстоятельства накладывают свой отпечаток на необходимость тех или иных моментов социальной действительности. В то же время мы выяснили, что основания необходимости, связанные с трудом и сущностью человека, диалектически взаимосвязаны: трудовая деятельность в конечном счете направлена на более глубокое познание сущности человека и обустройство человеческого общества на основе этих знаний, а в человеческой сущности заключены глубинные законы, определяющие магистральную направленность трудовой и мыслительной деятельно-

сти человека. Поэтому необходимое для конкретно-исторических условий трудовой деятельности можно рассматривать лишь как средство на пути сложного и противоречивого процесса ко все более глубокому познанию сущности человека и совершенствования человеческого бытия благодаря этим знаниям.

В силу сложности и многофакторности процесса выбора оптимального пути развития, не всегда достаточных глубины социального познания и уровня духовного развития общества случайное содержание в отношении конструктивного потенциала человеческой сущности может превратиться в историческую необходимость, а социально необходимое содержание стать временно малозначимым. Тем не менее, это не отменяет более фундаментальной оценки их значения в отношении единого закономерного исторического процесса как продолжения единого закономерного мирового процесса. Чем более широкое и глубокое основание необходимости рассматривается, тем более адекватную и дальновидную оценку тех или иных моментов человеческого бытия оно способно дать.

Необходимое и случайное содержание в бытии индивида

То же самое можно сказать об оценке необходимости содержания в индивидуальном бытии человека. В субъективной оценке индивида необходимость, прежде всего, связана с его собственными желаниями, побуждениями и целями, которые в разной степени точности могут отражать глубинные потребности его индивидуальной сущности. С другой стороны, возможность реализации желаний и достижения целей сталкивается с внешней необходимостью обстоятельств жизни, которые бывают столь суровы и неумолимы, что индивид не только вынужден с ними считаться, а порой и полностью переосмыслить свои приоритеты и ориентиры в жизни. Так, Т.И. Ящук отмечает: «Наиболее очевидной формой социальной необходимости для человека выступает внешняя необходимость. В повседневной практической деятельности люди сталкиваются не с абстрактной социальной необходимостью как таковой, а с ее конкретно-историческими проявлениями в виде конкретных общественных отношений и институтов, определяющих способ существования субъекта, его связи с обще-

ственным целым. Люди приспосабливаются к этим эмпирически фиксируемым в сознании обстоятельствам. Такая необходимость связана с регулированием общественных отношений через различные системы принуждения, нормы долженствования, запреты и т.д.» [Необходимость и случайность, 1988, с. 180].

Однако обстоятельства не являются чисто внешней по отношению к человеку необходимостью, совершенно чуждой ему, абсолютно случайной по отношению к его бытию, как это представляется в экзистенциализме и постмодернизме. Социальные обстоятельства, обуславливающие и порой полностью определяющие деятельность людей, сами создаются и изменяются людьми [Необходимость и случайность, 1988, с. 114]. Действия индивида способны изменить эти обстоятельства, если не сразу, то в перспективе развития ситуации. Эффективность его действий в этом направлении будет зависеть от глубины понимания взаимосвязей и законов, реализующихся в этих обстоятельствах. Последствия его решений, тактики и стратегии его поведения, выбора средств и методов достижения цели по-разному будут сказываться на различных промежутках времени, на собственной судьбе и жизни других людей. И здесь невозможно просчитать все последствия, особенно то, к чему приведет тот или иной путь в конце концов. Поэтому, чтобы оценить степень необходимости тех или иных решений в конкретных обстоятельствах, можно исходить из разных оснований, которые будут приводить к совершенно различным оценкам, вплоть до противоположных. Однако наиболее надежным критерием необходимости того или иного поведения, того или иного решения будут проверенные испытаниями многовековой истории общечеловеческие ценности и гуманистические идеалы. Чем больше мотивы действий человека наполнены этим необходимым содержанием, тем больший смысл и ценность его жизнь будет иметь для всех остальных.

Таким образом, необходимость содержания в индивидуальном бытии человека связана, с одной стороны, с внешними условиями: глобальными природными и общественными процессами; взаимосвязями, закономерностями и законами развития природы и общества; особенностями взаимодействия с внешним миром, — которые формируют у индивида *чувство*

должного, представление об ответственности, понимание социально значимого и важного. А с другой — особенностями производства им собственной жизни, определяемыми его способностями, потребностями, задатками, склонностями, характером, опытом, знаниями, миропониманием, мировосприятием, установками, устремлениями, целями и т.д., которые формируют его индивидуальную систему значимого и важного. Результат взаимодействия этих качеств и устремлений человека с внешними обстоятельствами определяет ход всей его жизни.

Заметим при этом, что процесс интериоризации, адекватного обобщения жизненного опыта индивидом, формирования индивидуального сознания в понимании общности социальных интересов приводит порой к такой степени концентрации необходимого содержания, что личность бывает способна на самопожертвование ради общего блага (в труде, боевом подвиге, альтруистическом поведении и т.д.).

Если говорить о случайном содержании в бытии индивида, то, безусловно, наша жизнь полна спонтанности, неожиданностей и незначительных деталей, ошибок, недочетов и откровенных просчетов, сожалений и разочарований, озарений и перемен настроений. Однако вовсе не они составляют наиболее случайное, наиболее пустое и бессмысленное содержание в индивидуальной жизни. Такое содержание прежде всего связано с деструктивным миропониманием, полным отрывом внутреннего мира человека от понимания глубинных взаимосвязей и законов развития общества, от понимания высоких жизненных ценностей и идеалов. Такие иллюзии формируют ложные ценности и приоритеты в жизни, побуждают личность к действиям, закономерно порождающим вредные или даже опасные последствия. Жизнь такой личности будет обладать наименьшей ценностью для общества, а в ее историческом значении может быть оценена лишь негативно, в качестве урока, который не следует повторять.

Заключение

Производя свое бытие, человек оказывается вынужден вести вечную борьбу необходимого и случайного, что выражается в борьбе добра и зла, справедливости и несправедливости, правды и лжи, истины и заблуждения, возвышенно-

го и низменного, борьбе классов, партий, интересов и т.д. В этом смысле человек постоянно стоит перед необходимостью борьбы со случайным содержанием в обществе. С одной стороны, с целью обезопасить свое бытие от непредсказуемости, возможных неблагоприятных последствий: несчастных случаев, заболеваний, преждевременной смерти; с другой — он вынужден бороться с тем содержанием, что противостоит гуманистическим идеалам, препятствует процветанию, гармонии, свободному развитию общества и личности. Человек стремится преодолеть случайность, делая процесс своего развития более сознательным, предсказуемым, планомерным и эффективным. А там, где это становится целесообразным, стремится приручить ее, поставить ее на службу своим интересам, делая процесс своей жизни более увлекательным и разносторонним, пробуждая остроту и полноту чувств.

В то же время человек стремится преодолеть и жесткую необходимость, найти полноту своего бытия с помощью свободного волеизъявления, возможности свободного выбора. Однако, что не было в полной мере понято в экзистенциализме и особенно постмодернизме, борьба с необходимостью приводит к непоправимым последствиям, так как не устраняет ее, а лишь пробуждает в ней стихийные силы. Стихийность общественного процесса в своем крайнем проявлении придает необходимости силу слепой, неконтролируемой, разрушительной мощи, превращает свободную волю индивидов в произвол движимых ими страстей [Необходимость и случайность, 1988, с. 115, 182]. Как это показали Б. Спиноза, И. Кант и Г. Гегель, произвол, спонтанность проявления воли и чувств не наделяет человека свободой, а делает его рабом своей чувственной природы в ее самых низменных, животных проявлениях. Так, Гегель пишет: «...произвол подразумевает, что содержание (моей воли. — В.К.) определяется к тому, чтобы быть моим, не благодаря природе моей воли, а благодаря случайности... Произвол есть случайность, какова она в качестве воли» [Гегель Г.В.Ф., 1934, с. 80].

Концепция человека В.В. Орлова, разрабатываемая в рамках конкретно-всеобщей теории развития, на наш взгляд, позволяет сформулировать объективные основания для определения критериев степени необходимости тех или иных моментов социального бытия. Это дает

важный инструмент для критического анализа существующих порядков в обществе и тенденций его развития с позиции глубинных потребностей человеческого развития, заложенных в универсальной, потенциально бесконечной человеческой сущности. С этих позиций наиболее необходимым содержанием в человеческом бытии оказывается все то, что способствует раскрытию плодотворного потенциала человеческой сущности все более полно и ярко, соответствует проверенным в веках общечеловеческим ценностям и гуманистическим идеалам.

Список литературы

Барг О.А. Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. 165 с.

Барг О.А. Человек и мир: Как материя заставляет человека ее усложнять // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1997. Вып. 6. С. 55–59.

Васильева Т.С. Всеобщий исторический закон // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1999. Вып. 8. С. 23–27.

Васильева Т.С. Сущность и смысл истории. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1996. 135 с.

Васильева Т.С. Перспективы человечества: тупики и магистраль развития // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Вып. 7. С. 185–192.

Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. Т. 7. 384 с.

Грунин И.В. Тенденция автономизации развития как единый закономерный мировой процесс // Концепция единого закономерного мирового процесса и современность / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1987. С. 264–265.

Иноземцева Ю.В. Категории необходимости и случайности в философии, науке и социальном познании // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. № 2(20), т. 5. С. 113–117.

Козин Н.Г. Необходимость человека // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. Вып. 2. С. 100–109.

Коромыслов В.В. Сущность человека и проблема всеобщего: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2007. 197 с.

Мартынов Б.В. Социальное государство в России: необходимость и случайность как объективная реальность развития // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 3. С. 32–35.

Мусаелян Л.А. Концепция исторического процесса К. Маркса: человеческий контекст // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. Вып. 15(1). С. 44–57.

Необходимость и случайность / под ред. М.А. Парнюка. Киев: Наукова думка, 1988. 312 с.

Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Ч. 3: Современный интеллект. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1999. 184 с.

Орлов В.В. Проблема системы категорий философии / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012. 262 с.

Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. 264 с.

Уварова Е.С. Факторы и условия, обеспечивающие необходимость совершенствования и повышения эффективности управления государственными социальными проектами // Инновационные технологии в управлении. М.: МАКС-Пресс, 2016. С. 251–258.

Получено 30.10.2018

References

Barg, O.A. (1997). *Chelovek i mir: Kak materiya zastavlyaet cheloveka ee uslozhnyat* [Human and the world: how matter makes human complicate it]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Perm: Perm State University Publ., iss. 6, pp. 55–59.

Barg, O.A. (2006). *Filosofskie problemy khimii: konkretno-vseobschiy podkhod*. [Philosophical problems of chemistry: concrete — universal approach]. Perm: Perm State University Publ., 165 p.

Grunin, I.V. (1987). *Tendentsiya avtonomizatsii razvitiya kak edinyy zakonomernyy mirovoy protsess* [The trend of autonomization of development as a single natural world process]. *Kontseptsiya edinogo zakonomernogo mirovogo protsessa i sovremennost* [The concept of general naturally determined universal process and modernity]. Perm: Perm State University Publ., pp. 264–265.

Hegel, G.W.F. (1934). *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. *Hegel G.W.F. Sochineniya: v 14 t.* [Hegel G.V.F. Writings: in 14 Vols.]. Moscow: Leningrad: State Socio-economic Publ., vol. 7, 384 p.

Inozemtseva, Yu.V. (2014). *Kategorii neobkhodnosti i sluchaynosti v filosofii, nauke i sotsial'nom poznanii* [Categories of necessity and randomness in philosophy, science and social knowledge]. *Izvestiya MGTU «MAMI»*. No. 2(20), vol. 5, pp. 113–117.

Kozin, N.G. (1993). *Neobkhdimost cheloveka* [Necessity of human]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Perm: Perm State University Publ., iss. 2, pp. 100–109.

Koromyslov, V.V. (2007). *Suschnost' cheloveka i problema vseobshchego: dis. ... kand. filos. nauk* [Human essence and the problem of universal: dissertation]. Perm, 197 p.

Martynov, B.V. (2008). *Sotsial'noe gosudarstvo v Rossii: neobkhdimost' i sluchaynost' kak obektivnaya realnost' razvitiya* [The welfare state in Russia: necessity and randomness as an objective reality of development]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki* [University news. North-Caucasian Region. Social sciences series]. No. 3, pp. 32–35.

Musaelyan, L.A. (2006). *Kontsepsiya istoricheskogo protsessa K. Marxa: chelovecheskiy kontekst* [The concept of the historical process of Karl Marx: the human context]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Perm: Perm State University Publ., iss. 15, vol. 1, pp. 44–57.

Orlov, V.V. (1999). *Istoriya chelovecheskogo intellekta Ch. 3: Sovremennyy intellekt* [History of human intellect Pt. 3: Modern intellect]. Perm: Perm State University Publ., 184 p.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (2006). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of economics]. Perm: Perm State University Publ., 264 p.

Orlov, V.V. (2012). *Problema sistemy kategoriy filosofii*. [The problem of the categories of philosophy]. Perm: Perm State University Publ., 262 p.

Parnyuk, M.A. (ed.) (1988). *Neobkhdimost' i sluchaynost'* [Necessity and randomness]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 312 p.

Uvarova, E.S. (2016). *Faktory i usloviya, obespechivayushchie neobkhdimost' sovershenstvovaniya i povysheniya effektivnosti upravleniya gosudarstvennymi sotsial'nymi proektami* [Factors and conditions that ensure the need to improve the management of public social projects]. *Innovatsionnye tekhnologii v upravlenii* [Innovative management technologies]. Moscow: MAKS Press Publ., pp. 251–258.

Vasil'eva, T.S. (1999). *Vseobshchiy istoricheskiy zakon* [Universal historical law]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Perm: Perm State University Publ., iss. 8, pp. 23–27.

Vasil'eva, T.S. (1998). *Perspektivy chelovechestva: tupiki i magistral' razvitiya* [Prospects for humanity: deadlocks and highway development]. *Novye idei v filosofii*. [New Ideas in Philosophy]. Perm: Perm State University Publ., iss. 7, pp. 185–192.

Vasil'eva, T.S. (1996). *Suschnost' i smysl istorii* [Essence and meaning of history]. Perm: Perm State University Publ., 135 p.

Received 30.10.2018

Об авторе

Коромыслов Виталий Валерьевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии

Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. акад. Д.Н. Прянишникова,
614990, Пермь, ул. Петропавловская, 23;
e-mail: vvk79@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6115-3631>

About the author

Vitaliy V. Koromyslov

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of History and Philosophy

Perm State Agrarian and Technological University
named after Academician D.N. Pryanishnikov,
23, Petropavlovskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vvk79@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6115-3631>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Коромыслов В.В. Диалектика социальных форм необходимости и случайности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 17–28. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-17-28

For citation:

Koromyslov V.V. Dialectics of social forms of necessity and randomness // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 17–28. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-17-28

УДК 141.8:1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-29-43

ДЕГРАДАЦИЯ СОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Корякин Вячеслав Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Во второй половине XX в. в советской гуманитарной науке стал отчетливо проявляться кризис ее философских оснований — материалистического понимания истории. В гносеологическом плане он был вызван обнаружившимися эвристическими пределами абстрактно-всеобщей материалистической теории, которая описывает общее в развитии действительности, но нивелирует все многообразие особенного в нем. С течением времени проявились две взаимосвязанные тенденции этого кризиса — постепенного оформления конкретно-всеобщей теории, которая описывает как общее, так и в обобщенном виде все многообразие особенного в развитии, и деградации абстрактно-всеобщей теории. Распад абстрактно-всеобщей теории стал доминирующей тенденцией. Он проявился в том, что, признавая общие положения материализма в принципе верными, большинство советских авторов начали отходить от них при анализе конкретных исторических явлений. В частности, были сделаны выводы о том, что в конкретной ситуации общественное бытие не всегда определяет общественное сознание, базис надстройку, материальное производство, политическую жизнь и культуру. Одновременно происходил отказ от диалектики — неотъемлемой части марксизма. Часто высказывалось мнение о равнозначности противоположностей в их единстве и относительности тех сторон, которые в традиционном марксизме признавались в качестве абсолютных. Итогом подобных теоретических выводов стал отказ от исторического материализма и переход подавляющего большинства представителей отечественной гуманитарной науки на позиции домарксистской и неклассической философии.

Ключевые слова: материалистическое понимание истории, советский марксизм, диалектика, исторический процесс.

DEGRADATION OF SOVIET MARXISM THROUGH THE EXAMPLE OF PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University

In the second half of the 20th century, the Soviet humanities faced crisis of their philosophical foundations — the materialist understanding of history. In epistemological terms, it was caused by the discovered heuristic limits of the abstract-universal materialist theory, which describes the general in the development of reality but eliminates all the diversity of the particular in it. Over time, there emerged two interrelated trends within this crisis — the gradual formulation of the concrete-universal theory, which describes both the general and (in a generalized form) the whole diversity of the particular in development, and the degradation of the abstract-universal theory. The disintegration of the abstract-universal theory has become the dominant trend. It manifested itself in the fact that, recognizing that the general provisions of materialism were true in principle, most Soviet authors began to depart from them when analyzing specific historical phenomena. It was concluded that in a particular situation, social being does not always determine social

consciousness, the basis does not always determine the superstructure, material production does not always determine political life and culture. At the same time, there was a rejection of dialectics, an integral part of Marxism. The opinion was often expressed about the equivalence of opposites in their unity and relativity of those parties that were recognized as absolute in traditional Marxism. Such theoretical conclusions resulted in the rejection of historical materialism and transition of the overwhelming majority of the national humanities representatives to the positions of pre-marxist and non-classical philosophy.

Keywords: materialistic understanding of history, Soviet Marxism, dialectics, historical process.

Начиная с середины XX в. в отечественной материалистической социальной философии и исторической науке издержки сведения особенного к общему, свойственного абстрактно-всеобщей теории, проявились в наиболее явной форме. Стало очевидным, что выявление общего в историческом процессе в рамках традиционного материалистического понимания истории и основанной на нем формационной теории сопряжено с элиминацией всего многообразия особенного в нем. Подобная элиминация особенного становилась существенным препятствием на пути развития частнонаучного гуманитарного знания (в первую очередь исторической науки), поскольку именно особенное является предметом изучения частных наук. Чем больше эмпирических данных попадало в поле исследования представителей частных гуманитарных наук, тем ощутимее становился разрыв между философской материалистической теорией и частнонаучной методологией.

Эвристические пределы абстрактно-всеобщей теории первоначально проявились при попытке историков применить формационный подход, дававший описание и объяснение всемирно-исторического процесса, общего в развитии человечества, к развитию отдельных обществ. Представитель любой частной науки всегда исходит из того особенного круга явлений, который составляет предмет его исследования. В данном плане применение философской теории и методологии в частнонаучном исследовании приобретает сообразный предмету частной науки вид. Как правило, в частных исследованиях используется только феноменологический пласт философской теории, т.е. такие теоретические обобщения, которые касаются явлений, но не сущности, имплицитно представленной в них, особенного, но не общего, которое скрыто в нем. Если феноменологические выводы философии устраивают частного исследователя и способствуют обнаружению новых эмпирических данных и их частнонауч-

ному обобщению, то собственно философские основания, на которых данные выводы делаются, воспринимаются им как нечто доказанное, или постулативно верное. Примечательно, что в исследованиях отечественных историков, следовавших материалистической традиции, формационная теория бралась в тех формулировках, которые дал К. Маркс во введении «К критике политической экономии», при этом истоки, базовые теоретические и методологические принципы, аргументация данных формулировок, изложенных родоначальниками исторического материализма в более ранних работах, оставались практически без внимания.

Первые трудности в применении абстрактно-всеобщей теории обнаружились в ходе дискуссии рубежа 40–50-х гг. XX в. о периодизации всемирной и отечественной истории. Предметом спора, по сути, стала отмеченная еще В.И. Лениным неравномерность общественного развития по отдельным регионам, явное хронологическое несовпадение в развитии всемирной истории и истории России, отсутствие в истории отдельных стран, в том числе России, целых формаций. В частности, существенным вопросом стало отсутствие в истории восточных славян рабовладельческой формации [Данилова Л.В., 1968; Об итогах дискуссии..., 1951].

В середине 50-х гг. спор о периодизации всемирной истории усугубился тем, что в развитии человечества обнаружились такие формы общественного устройства, формационную принадлежность которых практически не удавалось классифицировать без ущерба эмпирическим данным. Наиболее примечательной стала дискуссия о так называемом «азиатском» способе производства. Данная дискуссия началась в середине 50-х гг. XX в. в зарубежной марксистской историографии, а затем развернулась и в отечественной исторической науке [Неронова В.Д., 1992, с. 249–254]. Во многом она продолжила споры 20–30-х гг. XX в., но на

качественно ином уровне. До 30-х гг. в мировой и отечественной исторической науке и особенно в востоковедении наиболее распространенными были феноменологические трактовки обществ как особых политических систем. Подобное несубстанциальное объяснение истории отдельных обществ нередко приводило к пониманию их развития как циклического. Например, существовала феодальная концепция Древнего Востока, где феодализм рассматривался как особого рода социально-политическое явление [Неронова В.Д., 1992, с. 18–20].

В 20–30-е гг. XX в. представления об особом «азиатском» типе развития были характерны для авторов, стоявших на альтернативных историческому материализму позициях. В данной ситуации стремление историков-марксистов опровергнуть существование «азиатского» типа развития и доказать наличие рабовладельческого общества на Древнем Востоке было продиктовано в первую очередь задачей утверждения научной материалистической методологии в исторической науке. Переход на позиции материализма в востоковедении существенно расширил диапазон исследований и обеспечил их систематизацию. Особое внимание востоковеды стали уделять экономической истории. Однако чем больше вскрывалось фактов экономической жизни древних цивилизаций, тем острее становилось различие в социально-экономическом, политическом и духовном развитии типичных рабовладельческих обществ Древней Греции и Рима, с одной стороны, и древневосточных обществ — с другой. В результате спор об «азиатском» типе развития, или, в марксистской терминологии, об «азиатском» способе производства развернулся вновь, но теперь уже на единых материалистических основаниях. Причем с течением времени число востоковедов, склонявшихся к признанию «азиатского» способа производства на Древнем Востоке, а впоследствии и на Востоке вплоть до начала европейской колонизации, становилось все больше. Установленные к середине XX в. факты, действительно, не давали повода судить о господстве или даже о значимом наличии в древневосточных обществах рабовладельческих производительных сил и производственных отношений.

Исследования, спровоцированные дискуссиями о периодизации всемирной истории и истории отдельных обществ, показали, что не все страны в своем развитии проходят известные формационные ступени, наблюдается перескакивание через целые этапы; что существуют значительные различия в обществах, принадлежавших, как представлялось, к одной и той же формации. Ко всему прочему историки столкнулись с проблемой определения формационной принадлежности ряда стран (восточных обществ, в том числе кочевых, стран Восточной, Центральной и Северной Европы на момент оформления в них государственного строя и т.д.).

В данной ситуации многие исследователи предприняли попытку пересмотреть классическую для формационной теории периодизацию исторического процесса. Материалистическое понимание истории предполагает введение множества вытекающих друг из друга критериев периодизации общественного развития в зависимости от глубины рассмотрения человеческой жизни. Если выстроить данные критерии от сущности к явлению, то среди них можно выделить состояние самого труда и его исторические формы; состояние средств производства, используемых в процессе труда, и соответственно исторических форм техники; состояние производственных отношений (в первую очередь отношений собственности), социальной структуры, политической организации, духовной жизни и т.д. Наиболее фундаментальным и при этом общим критерием периодизации исторического процесса у К. Маркса является качественная определенность способа производства как единства производительных сил и производственных отношений. Именно на основе данного критерия родоначальник исторического материализма выделил известные пять формаций (первобытнообщинную, рабовладельческую, или античную, феодальную, капиталистическую и коммунистическую). В некоторых работах К. Маркса можно встретить также представление об «азиатском» способе производства и соответственно об «азиатской» формации, хотя четкого анализа данного этапа общественного развития, во многом из-за отсутствия достаточной информации у автора, в данных работах не обнаруживается. Пятичлен-

ная формационная схема с течением времени стала считаться классической.

В связи с обнаружившимся несовпадением этапов всемирной истории и истории отдельных стран ряд отечественных методологов истории попытались пересмотреть последовательную смену пяти известных формаций, дополняя или сокращая число этапов общественного развития. К примеру, М.Н. Мейман, С.Д. Сказкин, Е.М. Штаерман, ссылаясь на тот исторический факт, что большинство стран, исключая Грецию и Рим, не знали рабовладения как господствующего способа производства, сочли данный способ производства тупиковой ветвью исторического развития, по сути, случайным явлением во всемирно-историческом масштабе [Мейман М.Н., Сказкин С.Д., 1960; Штаерман Е.М., 1968]. Напротив, С.В. Юшков, анализируя состояние европейского раннесредневекового общества (преимущественно стран Центральной, Северной и Восточной Европы), пришел к выводу о необходимости выделения новой формации — дофеодальной, или периода варварского государства [Юшков С.В., 1946]. По пути дополнения формационной схемы пошли и сторонники «азиатского» способа производства.

Само по себе упрощение или дополнение перечня основных формаций, продиктованное открытием новых эмпирических данных и их частнонаучным обобщением, не подрывает еще идеи исторического материализма о единстве и закономерном, объективном, поступательном характере общественного развития, при условии, что всемирно-историческая значимость каждого этапа общественного развития получает свое эмпирическое и теоретическое обоснование. Дискуссии середины XX в. о периодизации исторического процесса как раз выявили некоторые трудности в данном обосновании. Обнаружилось, что общая идея Маркса о последовательной закономерной смене формаций адекватна лишь ходу всемирно-исторического процесса, но она не отражает в достаточной мере смену этапов развития каждого общества в отдельности. В условиях, когда историки и философы обошли вниманием несовпадение методологии исследования всемирной истории и методологии исследования локальной истории, подойдя тем самым с одной методологической меркой к анализу общего в особенном и

особенного в единстве с общим в общественном процессе, обнаружилось, что какой бы перечень формаций не вводился, как бы он не уточнялся, он никогда не будет одинаков для каждой страны в отдельности.

Ближайшим следствием подобного вывода становилось стремление выработать отдельную методологию для анализа особенного в социальном развитии, без ущерба общей методологии, поскольку общая методология выглядела вполне адекватной в плане анализа всемирно-исторического процесса. Вместе с тем выработка методологии анализа особенного не может не изменить и общей методологии. Общее всегда реализуется через особенное, а особенное — в связи с общим. По данной причине углубление понимания общего всегда приводит к углубленному описанию и объяснению особенного и наоборот. В случае с дискуссиями второй половины XX в., в том числе споров о периодизации исторического процесса, именно общая методология оставалась, по сути, без изменений. Такое неизменное состояние общего взгляда на исторический процесс с течением времени привело к тому, что частнонаучные изыскания все больше приобретали самостоятельный вид, поскольку частнонаучная методология все меньше находила оснований в общей теории. Одновременно со «смысловым разрывом» между анализом общего и особенного обнаружился процесс взаимного «выхолащивания» теоретических основ понимания как общего, так и особенного в истории. Обнаружился и обострялся конфликт между двумя типами теоретических изысканий. Стремление сохранить общую теорию исторического процесса без ее существенного изменения в условиях выработки методологии анализа особенного в итоге привело к обратному эффекту — кризису данной общей теории и постепенному отказу от нее.

Примечателен в данном плане итог дискуссий о периодизации исторического процесса. В 1966 г. в журнале «Вопросы истории» вышла любопытная статья Л.С. Васильева и И.А. Стучевского, посвященная возникновению и эволюции дакапиталистических обществ. Основной тезис статьи заключался в том, что в зависимости от специфики социальных и климатических условий в отдельных обществах возможен непосредственный переход от первобытно-

сти к различным способам внеэкономического принуждения и, надо полагать, хотя авторы напрямую такого вывода не сделали, соответствующим способам производства — «азиатскому», рабовладельческому или феодальному [Васильев Л.С., Стучевский И.А., 1966, с. 86–90]. Отличие «азиатского», рабовладельческого и феодального способов производства, согласно авторам, состоит лишь в динамике развития, т.е. не в главном — внеэкономическом принуждении, а во второстепенном [Васильев Л.С., Стучевский И.А., 1966, с. 89–90]. Анализируя историю стран Востока до утверждения в них капитализма, авторы пришли к выводу, что особенностью «азиатского» пути развития является переплетение всех трех форм внеэкономической эксплуатации [Васильев Л.С., Стучевский И.А., 1966, с. 85].

Работая в рамках материалистической традиции, отечественные востоковеды постоянно сталкивались с тем, что родоначальники и ближайшие последователи формационной теории крайне мало внимания уделяли истории неевропейских стран, особенно их древней истории. В такой ситуации, с одной стороны, историки Востока приобретали широкое поле для теоретических обобщений, с другой — получали возможность довольно вольной и не всегда последовательной интерпретации основ исторического материализма. Однако статья Л.С. Васильева и И.А. Стучевского обращает на себя внимание не столько объективными и субъективными трудностями, с которыми сталкивалось отечественное востоковедение, сколько самими принципами рассуждения авторов.

Примечательно, что авторы, будучи представителями частной науки, в основу своих рассуждений положили феноменологический пласт формационной теории: они начали не с производящего свою сущность человека, не с труда и средств производства, а с экономических отношений, т.е. с формы, в которой реализуется человек как производящее существо. При этом производственные отношения авторы подвергли рассмотрению лишь в плане их политической реализации — принуждения. Подобное неосознанное редуцирование сущности исторического процесса к явлению, а содержания к форме в итоге всегда приводит к тому, что в тумане остаются внутренние пружины всякого развития, субстанциальные основания

смены этапов развития, качественная определенность этих этапов, в результате чего вполне возможным становится шаг к представлению о случайной связи формаций, их случайном появлении и взаимозаменяемости. Вполне эмпирически обоснованный, но странный с точки зрения формационной теории вывод о возможности перехода от первобытности к любой из трех докапиталистических формаций, как раз является следствием обычного растворения сущности исторического процесса в явлении. При таком взгляде формации из этапов общественного развития незаметно превращаются в рядоположенные формы общества, а вместо содержательного критерия при различении формаций по уровню сложности развития общественной жизни вводится формальный критерий — динамика развития. Под удар попадает эмпирически подтверждаемая идея исторического материализма о прогрессивной направленности общественного развития.

Отношения между формациями в таком плане кажутся абсолютно случайными. Они могут существовать изолированно друг от друга, будучи географически локализованными, а могут сосуществовать. Объяснение, которое авторы попытались дать различиям в характере существования докапиталистических форм общества, также обнаруживает чисто феноменологический характер, вызывая тем самым еще больше вопросов. Различия в типе устройства были увязаны со спецификой социальных и климатических условий. Такое объяснение наталкивает на мысль, что социальная структура и предмет человеческой преобразовательной деятельности (климатические условия) понимаются авторами как нечто существующее рядом с экономическими отношениями, как нечто, не имеющее формационной определенности.

Таким образом, редукция сущности к явлению, содержания к форме имплицитно несет в себе распад важнейшей абстракции исторического материализма — формации. Формация, по сути, перестает пониматься как этап развития общества, поскольку этапы при анализе, предпринятом авторами, утрачивают свою качественную определенность, сохраняя лишь количественную. Более того, формация перестает пониматься как общество (целостное общественное образование) на определенном этапе развития, поскольку каждая из сторон обще-

ственной жизни начинает восприниматься как нечто в существенной мере самостоятельное, а не как проявление и выражение одной и той же качественно определенной человеческой сущности.

В последующих работах Л.С. Васильева разведение сторон общественной жизни приобрело более четкий вид. В частности, автор высказал предположение о том, что развитие Востока зависело в большей мере от социально-политических отношений, в отличие от Запада, где определяющими оказались отношения экономические [Васильев Л.С., 1968]. В начале 90-х гг. автор уже пришел к выводу о принципиальных различиях в истории стран Запада и Востока. В западных странах, по его мнению, ведущими являются экономические факторы развития, исторический процесс по данной причине идет здесь поступательно, что вполне адекватно отражает формационная теория. В странах Востока, наоборот, определяющим фактором развития является отношение к власти, государству, развитие здесь поэтому приобретает циклический характер, что отражает теория цивилизаций [Васильев Л.С., 1994]. Подобный вывод, по сути, означал, что формационная теория не отражает хода всемирно-исторического процесса, общего в нем, что она, подобно цивилизационным концепциям, описывает лишь особенное в развитии, в данном случае — историю Европы. В середине 90-х гг. Л.С. Васильев, по сути, уже полностью перешел на позиции цивилизационного подхода, стал интерпретировать отдельные общества как культурно-религиозные общности [Васильев Л.С., 1995].

Эволюция взглядов Л.С. Васильева показательна тем, что она типична для многих отечественных исследователей второй половины XX в., поскольку в некоторых узловых моментах выражает общую логику применения абстрактно-всеобщей теории к анализу особенно в общественном развитии и постепенный распад данной теории по мере подобного ее применения. Схожих с Л.С. Васильевым позиций придерживались, к примеру, Н.Ф. Колесницкий, Ю.А. Ющенко А.М. Ковалев [Колесницкий Н.Ф., 1968; Ющенко Ю.А., 1991; Ковалев А.М., 1996, с. 99–102].

Использование абстрактно-всеобщей теории в качестве основы анализа особенного в исто-

рическом процессе имело и другое далеко идущее следствие: оно выявляло не только эвристическую ограниченность данной теории, но и способствовало ее феноменологизации и постепенному распаду. Все попытки решения проблемы конкретно-всеобщего в истории на основе абстрактно-всеобщей теории приводили в конечном счете к ревизии ключевых положений исторического материализма в духе старой (классической, домарксовской) социальной философии и философии истории и их неклассического направления.

Трансформация отечественного исторического материализма в 60–80-е гг. XX в. проходила в двух планах — гносеологическом и онтологическом. Обозначившаяся эвристическая ограниченность абстрактно-всеобщей теории исторического процесса особенно актуальной делала проблему познаваемости социального развития. Особенно примечательной стала поднятая в 60–70-е гг. тема о соотношении логического и исторического. В.Я. Израитель отмечал, что в литературе часто встречается тенденция к смешению философской категории «формация» с конкретными этапами исторического развития и отождествления ее с историей отдельного общества [Израитель В.Я., 1975, с. 14–15]. По его мнению, к определению категории формации есть два подхода: структурно-логический, или понятийный, и структурно-исторический, или фактуальный. При первом подходе формация выступает как общее понятие в рамках логического анализа, в результате чего становится возможным выделение основных стадий и общих закономерностей исторического процесса. При втором подходе выясняется, как то, что отражает категория формации, реализуется в конкретном историческом процессе, в эмпирически наблюдаемых обществах. В.Я. Израитель подчеркнул необходимость диалектического сочетания обоих подходов [Израитель В.Я., 1975, с. 15–16].

В некотором роде оба выделенных подхода к определению понятия формации и использованию данного понятия в процессе анализа исторического процесса в их диалектической связи соответствуют общему методу К. Маркса, продемонстрированному в «Капитале» и предварительных к нему работах. Структурно-логический подход, по сути, является выражением метода восхождения от конкретного к аб-

страктному; структурно-исторический — обратного восхождения — от абстрактного к конкретному. В данном плане В.Я. Израитель был прав, подчеркивая единство обоих подходов, однако он оставил без внимания их принципиальное различие. Содержательное отличие подходов заключается не столько в их направленности, сколько в их предмете. Предметом структурно-логического подхода (в терминологии Израителя), как и процесса восхождения от конкретного к абстрактному, в конечном счете является общее. Несмотря на то что исследование начинается с единичного и особенного, но именно это единичное и особенное в процессе выявления общего в них постепенно элиминируется. Предметом структурно-исторического подхода и процесса восхождения от абстрактного к конкретному, является уже общее в его связи с особенным, интегрированное многообразие общего и особенного. Данное содержательное различие отмеченных подходов В.Я. Израитель фактически не замечает, для него категория формации, в каком бы логическом, понятийном срезе она ни бралась, отражает лишь общее в социальной действительности. Ссылаясь на К. Маркса и Ф. Энгельса, автор отмечал, что логическое отражает лишь общие тенденции в действительности, очищенные от случайностей; в чистом виде в реальности формаций не существует, всегда есть лишь некоторое приближенное к ним состояние общества [Израитель В.Я., 1975, с. 17–18]. Близких Израителю позиций придерживались многие советские теоретики [Лысманкин Е.Н., 1969; Разин В.И. 1979].

Понятие как элементарная логическая форма, безусловно, отражает общее в действительности, тогда как сама действительность раскрывается в единстве всех своих сторон — общего, особенного и единичного. Данное различие между понятием предмета и предметом участники дискуссии взяли за основу решения проблемы соотношения логического и исторического. Будучи приверженцами научного материализма, участники дискуссии по проблемам исторической гносеологии в том числе всегда стояли на позициях безусловной познаваемости мира в целом, общественной жизни в частности. Однако то различие между понятием предмета и самим предметом, которое было положено исследователями в 60–70-е гг. в ос-

нову соотношения логического и исторического, как ни странно, имплицитно содержало в себе момент агностицизма. Если признать, что понятие отражает только общее в предмете, то придется сделать вывод и о том, что особенное и единичное в предмете принципиально не могут быть отражены на уровне логического познания.

Причины «коррозии» исторического материализма, в данном случае научной теории исторического познания, стоит искать в эвристической ограниченности старой (абстрактно-всеобщей) формы научной теории общества. Участники дискуссии 60–70-х гг. уловили различие между описанием общего и общего в его связи с особенным в историческом процессе, но не сделали необходимого вывода о том, что и сами категории, отражающие эти два плана реальности, различаются.

Эвристически ограниченным является уже само исходное положение о том, что понятие отражает лишь общее в действительности, действительность же представлена единством общего, особенного и единичного. Согласно марксизму принципиальное различие между понятием и предметом, который оно отражает, состоит не в том, как в них раскрывается общее и особенное, а в том, какова их сущность. Принципиальное отличие понятия от объективно существующего предмета отображения состоит в его идеальности, т.е. в том, что предмет в понятии лишается не своих особенных или единичных характеристик, а своего непосредственного материального субстрата. Иными словами, понятие отражает все присущие предмету характеристики, не только общее в нем, но и особенное и единичное. При этом все же стоит оговориться, что особенные и единичные характеристики предмета отражаются в понятии в обобщенном виде. Большинство советских авторов, по сути, не заметили, что в марксизме имеется два плана категорий — абстрактно-всеобщие, схватывающие лишь общее за вычетом всего многообразия особенного и единичного; и конкретно-всеобщие, отражающие единство многообразия предмета в обобщенном виде, представляющие собой, по выражению К. Маркса, «синтез многочисленных определений» [Маркс К., 1978, с. 37]. В.Я. Израитель, в частности, категорию формации счел исключительно абстрактно-всеобщей, тем самым согласившись с ограни-

ченностью возможностей ее использования при анализе конкретного многообразия исторического процесса.

Не менее примечательными стали дискуссии об историческом процессе онтологической направленности. Неоднозначность смены формаций и их реализации в развитии отдельных обществ, зафиксированная историками, естественным образом породила дискуссию об одном из важнейших положений исторического материализма — об объективных законах общественного развития. В отечественной науке данная дискуссия известна как спор об отношении социологических законов и исторических закономерностей, особо ярко проявившийся в 60–80-х гг. XX в.

В ходе дискуссии обозначилось несколько точек зрения. Ряд авторов пришли к выводу, что историческая наука в силу своего частнонаучного инструментария способна лишь описывать историческую действительность, не раскрывая ее сущности и законов ее развития. В связи с этим делался вывод о том, что существуют только социологические законы, выражающие общее в социальном развитии, которые способна выявить только социальная философия [Гулыга А.В., 1964; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я., 1981, с. 112, 269; Марксистско-ленинская..., 1964, с. 294; Рожин В.П., 1962, с. 36–37; Федосеев П., Францев Ю., 1964]. Иную точку зрения высказали некоторые методологи истории. В частности, А.Я. Гуревич считал, что существуют особые конкретные (отличающиеся от общих) исторические закономерности, доступные частнонаучному описанию историка [Гуревич А.Я., 1965]. Позже появилась компромиссная точка зрения. Известный методолог истории Е.М. Жуков высказал мнение, что историческая наука исследует конкретный путь проявления общих закономерностей. Исторический материализм открывает законы общественного развития, историческая наука исследует их конкретное воплощение [Жуков Е.М., 1964, с. 221]. Исторические законы, существование которых автор признавал, вскрывают механизм действия социологических законов в определенных конкретно-исторических условиях. Они подчинены социологическим законам, находятся с ними в генетической связи, но при этом автономны [Жуков Е.М., 1979, с. 15–16]. Согласно автору,

исторический закон, в отличие от социологического, не жесток, он есть своего рода тенденция [Жуков Е.М., 1979, с. 17].

Мнение Е.М. Жукова получило свое развитие в работах М.А. Барга, Е.Б. Черняка. Авторы пришли к выводу, что социологический закон един во всех странах, но вместе с тем на его основе нельзя объяснить отклонений в общественном развитии, которые, стало быть, могут быть объяснены при обнаружении исторических законов [Барг М.А., 1984, с. 188–190, 193–196; Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 55]. Социологические законы, согласно авторам, — необходимое условие возникновения и действия исторических законов, отправной механизм их функционирования, их содержание и сущность, границы их приложения [Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 150–151]. Исторический закон позволяет объяснить особенное, в котором проявляется всеобщее [Барг М.А., 1984, с. 24], поэтому он — форма проявления социологического закона в пространственно-временном континууме [Барг М.А., 1984, с. 183–184]. Исторические законы автономны, являются принципом движения конкретно-исторических форм социальной действительности [Барг М.А., 1984, с. 190–191], верхняя граница их действия — всемирно-исторический процесс, нижняя — этнополитическая общность [Барг М.А., 1984, с. 25]. По сути, историческими законами, согласно М.А. Баргу, оказываются социологические законы, лишенные жесткости [Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 74–144]. Близкая позиция была высказана А.В. Санцевичем [Санцевич А.В., 1990, с. 56].

Если в 60–70-е гг. в споре об исторических закономерностях многие методологи истории стремились согласовать социально-философскую методологию с частнонаучной, то в 80-е гг. среди историков-теоретиков вновь возобладали тенденция к отмежеванию от общей методологии исторического материализма. В частности, Б.Г. Могильницкий обращая внимание в очередной раз на то, что социологические законы не позволяют объяснить конкретного исторического многообразия [Могильницкий Б.Г., 1986, с. 10–11], высказал ставшее впоследствии типичным для отечественной исторической науки мнение, что конкретное в принципе не выводимо из абстрактного [Могильницкий Б.Г., 1986, с. 12–13]. В результате

автор пришел к выводу о необходимости создания независимой от социологической типологии, ориентированной на многообразие исторической эмпирии [Могильницкий Б.Г., 1986, с. 13]. Согласно Б.Г. Могильницкому, социологические законы имеют генерализирующий, общий характер, безусловны в действии, исторические же законы — в большей степени индивидуальны, конкретны, тесно связаны с человеческой деятельностью, условны, вероятностны, указывают на случайность, носят в целом индивидуализирующе-генерализирующий характер [Могильницкий Б.Г., 1986, с. 15–17; 1989, с. 33, 41].

Дискуссия об исторических закономерностях показательна в двух планах. Во-первых, она демонстрирует эвристическую несостоятельность абстрактно-всеобщей теории исторического процесса при описании и объяснении всего многообразия особенного в социальной действительности в связи с общим. Данные эвристические рамки спровоцировали среди исследователей-историков, предметной областью изучения которых как раз выступает особенное в социальном развитии, тягу к выработке самостоятельной, дистанцированной от социально-философской, конкретно-исторической методологии. Примечательно, что среди философов, участвовавших в дискуссии, практически не удается обнаружить хоть какой-нибудь существенной попытки модифицировать материалистическую философию таким образом, чтобы она учла достигнутые наработки исторической науки, не искажая или не игнорируя при этом фактов и не отступая от ключевых положений исторического материализма.

Во-вторых, дискуссия об исторических закономерностях показала, что при малейшей попытке втиснуть в рамки абстрактно-всеобщей теории конкретный материал обнаруживается тенденция к размыванию ее базовых положений, принципов и категорий и переходу на альтернативные материализму позиции. Показательны, к примеру, выводы М.А. Барга и Е.Б. Черняка, стремившихся рассматривать исторические закономерности как модификацию и вариативное проявление общих социологических законов. По их мнению, жесткая зависимость надстройки от базиса на социологическом уровне (вообще) может оказаться относительной, а порою и обратной на историческом

уровне (особенном). Общественное развитие на историческом уровне может оказаться не всегда поступательным, роль географической среды не всегда подчиненной и т.п. [Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 75–139].

Более того, стремление представить исторический закон как вариативный, социологический подрывает само понятие закона как устойчивой и необходимой связи. Подрывает оно и принципы диалектики, являющиеся составляющей исторического материализма. Представление о вариативности закона содержит в себе мысль о возрастающей роли случайности по отношению к необходимости. Согласно диалектике случайность всегда относительна, тогда как необходимость абсолютна, случайность — момент необходимости, она не может быть «больше или меньше» последней.

Смысловые трудности абстрактно-всеобщего рассуждения негативным образом выявляют, что социологический закон нельзя трактовать только как общий закон исторического развития и тем самым редуцировать его исключительно к его общему содержанию. Помимо общего содержания в социологическом законе представлено и все многообразие особенного его содержания, которое при абстрактно-всеобщем диалектическом анализе игнорируется, порождая столь же абстрактные представления о неких самостоятельных исторических закономерностях. Объективно существуют только социологические (в терминологии дискуссии) законы, которые являются конкретно-всеобщими по содержанию.

Другой распространенной попыткой выведения многообразия особенного в его единстве с общим в истории стал пересмотр отношения различных сторон социальной действительности, в конечном итоге — отношения базиса и надстройки. Исследуя конкретное выражение формации в отдельных обществах, Ф. Энгельс высказал положение об автономности и активности надстройки, ее обратном влиянии на базис, акцентируя при этом внимание на том, что в конечном счете именно базис определяет характер надстройки. Будучи автономной, надстройка может опережать в своем развитии наличное состояние базиса, хотя она всегда отстает от глубинных тенденций его развития [Энгельс Ф., 1965а, с. 394–395; 1965b, с. 416–418; 1966а, с. 175; 1966b]. Оказывая обратное

влияние на базис, надстройка, в частности государство, сообразно своему состоянию может стимулировать или тормозить развитие базиса [Энгельс Ф., 1965b, с. 417]. Отечественные методологи истории предприняли попытку увязать особенное в общественном развитии с асинхронностью развития базиса и надстройки. С их точки зрения, базис во всех обществах, принадлежащих одной формации, одинаков, свои особенные вариации он приобретает только благодаря подвижности надстройки, ее различному состоянию и соответствующему данному состоянию обратному влиянию на него [Жуков Е.М., 1975, с. 16–17; 1987, с. 98–102; Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 88; Лапин Н.И., 1991, с. 117].

Попытка связать особенное в историческом процессе с автономностью надстройки и ее обратным действием на базис дала противоречивый результат. С одной стороны, положение об автономности надстройки от базиса, в котором реализуется якобы только общее всем странам состояние общественной жизни, открывает возможность частных обобщений, выделения особенного при анализе социальных, политических и духовных отношений между людьми, что является необходимым условием решения проблемы конкретно-всеобщего в историческом процессе в целом. Представление о соответствии надстройки базису, т.е. определенном их тождестве, при условии, что кроме общего в базисе ничего не обнаруживается, безусловно, является существенным препятствием на пути выделения особенного на уровне надстройки. Тождественность надстройки базису, содержание которого сведено к общему в нем, приводит соответствующим образом к сведению всего многообразия особенных проявлений надстройки к общему ее состоянию. В данном плане тезис Ф. Энгельса об автономности надстройки, ее несовпадении с базисом стал для отечественных методологов истории своеобразной индульгенцией, позволяющей искать основания особенного в общественном развитии в обход базису, т.е. всецело в области надстроечных явлений.

С другой стороны, стремление увязать особенное в историческом развитии только с состоянием и действием надстройки превращает ее, по сути, в некий вполне самостоятельный фактор общественной жизни и во многом ста-

вит ее как фактор человеческой жизни, наравне с базисом. Проще говоря, оказывается, что на уровне базиса реализуется общее в истории, на уровне надстройки — особенное. В тенденции такое понимание соотношения базиса и надстройки содержит в себе вывод о том, что базис не определяет общественной жизни человека целиком, в единстве ее общего и всего многообразия особенного содержания, т.е. не является, по сути, базисом. При таком подходе естественным становится представление о дуализме базиса и надстройки, в котором каждый из уровней общественной жизни в равной мере значим, в равной мере является определяющим.

К концу дискуссии о соотношении базиса и надстройки данный дуализм проявился в очевидной форме. К примеру, В.И. Разин пришел к выводу, что по мере исторического развития активность и формирующая роль надстройки возрастает [Разин В.И., 1979, с. 31]. К.Х. Момджян высказал мнение, вполне согласующееся с выводами неомарксистов, что материальные потребности и удовлетворяющее их материальное производство играли определяющую роль лишь в древности, в современном обществе определяющими стали духовные потребности и духовное производство [Момджян К.Х., 1991]. Е.Б. Черняк предположил, что базис и надстройка в истории могут быть попеременно ведущими [Черняк Е.Б., 1993, с. 81]. А.В. Санцевич высказал предположение, что историческое событие представляет собой сложное сочетание законов различных социальных процессов — социологических, психических, экономических, идеологических [Санцевич А.В., 1990, с. 57]. Стремление вывести многообразие особенного в историческом процессе из надстройки и ее обратного действия на базис, таким образом, пошло вразрез с основными положениями исторического материализма об определяющей роли базиса в общественной жизни, первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию.

Рассуждая об автономности надстройки и ее обратном действии на базис, важно разобраться, в чем именно эти автономность и обратное действие состоят. Формула соотношения базиса и надстройки, изложенная в переписке Ф. Энгельса, имеет предельно общий, абстрактный и во многом формальный вид и может быть понята только в контексте материалистического пони-

мания истории в целом. Основанием автономности надстройки является то, что она по своей сущности не сводима к базису, хотя им порождена. Базис, если следовать определению К. Маркса, данному им в «Предисловии к критике политической экономии», составляют производственные, экономические отношения, которые, в свою очередь, являются формой производительных сил [Маркс К., 1959]. Важнейшей производительной силой, как, впрочем, и единственной подлинной субстанцией исторического процесса, является сам человек — социальное материальное существо, производящее собственную жизнь и сущность посредством преобразования природы. Труд в данном плане выступает в качестве способа развития человека, его субстанциального свойства. Производственные отношения, т.е. отношения, которые складываются между людьми в процессе производства ими собственной жизни, таким образом, являются непосредственной формой и адекватным выражением материального производства труда (включая его вещные элементы) как способа развития человека, и в этом смысле они оказываются объективными, субстанциальными отношениями. Надстройка составлена социальными, политическими, духовными отношениями, которые, при определенной несводимости друг к другу, схожи, тем не менее, в том, что они являются отношениями несубстанциальными, формой несубстанциальных человеческих свойств (общения, власти, сознания).

Надстройка в конечном счете идеальна и в этом плане является своего рода отрицанием базиса, который материален; в этом собственно и состоит ее определенность как надстройки. Вместе с тем она является порождением базиса, ее существование и развитие опосредуются вещественными, созданными в рамках производственных отношений элементами, и в этом плане она тождественна ему. Выражаясь языком Гегеля, надстройка является своего рода «инобытием» базиса. К примеру, сознание и складывающиеся на его основе духовные отношения есть «инобытие» труда, преобразуемой в нем природы и возникающих на его основе производственных отношений, в котором труд, его вещные элементы и производственные отношения оказываются лишены своего непосредственного материального субстрата; иными словами, они существуют идеально. Утрачивая свой

субстанциальный характер в надстройке, базис, способ производства в целом лишаются способности саморазвития, что обеспечивает с необходимостью возвратное движение от надстройки к базису, т.е. к восстановлению субстанциального характера человеческого бытия. Активность надстройки, ее обратное действие на базис, таким образом, следует рассматривать как возвращение субстанции к себе, тождественному себе состоянию. Активность надстройки (и ее непосредственного содержания — сознания) есть не что иное, как продолжение активности субстанции, «инобытийная» форма субстанциальной активности. Активность надстройки тем выше, тем сильнее ее влияние на базис, чем адекватнее она базису как форма его «инобытия». К примеру, человеческое мышление обеспечивает полный возврат к его субстанциальным основаниям, будучи адекватным их отображением. В научном мышлении, как истинном, адекватном отображении действительности, субстанция приобретает законченный «акциденционный» вид (она отражает себя целиком в своей сущности, будучи при этом лишена себя как объективная действительность), что становится отправной точкой возврата субстанции к себе, восстановления ее в «субстанциальных правах».

Принимая во внимание субстанциальные основания отношения базиса и надстройки, стоит подчеркнуть, что надстройка как «акциденция» базиса не способна что-либо самостоятельно породить. Все то, что обнаруживается в надстройке, в том числе и ее определенность как «акциденции», предопределяется базисом. Надстройка не порождает особенного в общественной жизни и не придает особенных модификаций базису как общему, как это предположили отечественные методологи истории. Общее и все многообразие особенного в их связи содержатся в базисе и в своих «инобытийных» формах реализуются благодаря базису в надстройке. Конкретно-всеобщее содержание исторического процесса, таким образом, нельзя вывести только из специфики отношения базиса и надстройки, оно должно быть выведено первоначально из самого базиса, точнее из определяющих его производительных сил, труда как субстанциального свойства человека, в первую очередь человека как производящего свою жизнь существа.

К концу советского периода отечественная социальная философия, гуманитарная наука в целом оказалась в ситуации, когда абстрактно-всеобщая материалистическая теория общества оказалась фактически разрушена изнутри. Все попытки увязать многообразие особенного в истории с общим, выразившиеся, по сути, в процессе простого дополнения абстрактных обобщений конкретными, частнонаучными обобщениями, привели к существенному обеднению понимания истории в целом даже по сравнению с тем, как оно было раскрыто у родоначальников исторического материализма.

Столь легкая, на грани научной беспринципности смена теоретических позиций многими отечественными гуманитариями на рубеже 80–90-х гг. объясняется не только объективными обстоятельствами распада социализма, но и субъективными причинами — кризисом абстрактной материалистической теории. Позднесоветский марксизм, формирующийся по принципу дополнения абстрактно-всеобщей материалистической теории частными обобщениями, эмансипировал конкретно-научные изыскания, а деградация материалистического понимания истории в целом способствовала стремительному переходу гуманитариев на альтернативные позиции — классической и неклассической философии.

Список литературы

Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 315 с.

Барг М.А., Черняк Е.Б. Исторические структуры и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. 330 с.

Васильев Л.С. История Востока. М.: Высшая школа, 1994. Т. 1. 495 с.

Васильев Л.С. Социальная структура и динамика древнекитайского общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 455–515.

Васильев Л.С. Цивилизация Востока: специфика, тенденции, перспективы // Цивилизации. М.: Наука, 1995. Вып. 3. С. 121–130.

Васильев Л.С., Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ (к проблеме «азиатского» способа производства) // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 84–90.

Гулыга А.В. О предмете исторической науки // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 20–31.

Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 14–30.

Данилова Л.В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 27–35.

Жуков Е.М. Историческая наука и общая методология // Методологические проблемы науки. М.: Наука, 1964. С. 218–231.

Жуков Е.М. Некоторые вопросы теории общественно-экономических формаций // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 10–19.

Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1987. 256 с.

Жуков Е.М. Социологические и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. 330 с.

Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. 191 с.

Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М.: Политиздат, 1981. 290 с.

Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 97–104.

Колесницкий Н.Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 610–625.

Латин Н.И. О многомерности истории // Социальная философия в конце XX века. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 108–117.

Лысманкин Е.Н. Развитие В.И. Лениным учения об общественно-экономической формации // В.И. Ленин как философ. М.: Политиздат, 1969. С. 150–165.

Маркс К. Предисловие к критике политической экономии. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 5–13.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1978. Т. 46, ч. 1. 614 с.

Марксистско-ленинская философия. М., 1964. 512 с.

Мейман М.Н., Сказкин С.Д. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 64–69.

- Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
- Могильницкий Б.Г. О специфических исторических законах // Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. С. 6–31.
- Момдзян К.Х. Маркс и современная история // Социальная философия в конце XX века. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 140–148.
- Неронова В.Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1992. 311 с.
- Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 15–19.
- Разин В.И. Марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях и современность. М.: Изд-во МГУ, 1979. 245 с.
- Рожин В.П. Введение в марксистскую социологию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 159 с.
- Санцевич А.В. Методика исторического исследования. Киев: Наукова думка, 1990. 196 с.
- Федосеев П., Францев Ю. История и социология // Коммунист. 1964. № 2.
- Черняк Е.Б. Цивилизации и революции // Цивилизации. М.: Наука, 1993. Вып. 2. С. 70–93.
- Штаерман Е.М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 626–635.
- Энгельс Ф. Письмо И. Блоху // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 393–397.
- Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 174–177.
- Энгельс Ф. Письмо Ф. Мерингу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 56–57.
- Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 414–422.
- Юшков С.В. К вопросу о дофеодалном («варварском») государстве // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 28–37.
- Ющенко Ю.А. К вопросу о типологии и направленности исторического процесса // Социальная философия в конце XX века. М.: МГУ, 1991. С. 223–230.

Получено 10.01.2019

References

- Barg, M.A. (1984). *Kategorii i metody istoricheskoy nauki* [Categories and methods of historical science]. Moscow: Nauka Publ., 315 p.
- Barg, M.A. and Chernyak, E.B. (1979). *Istoricheskie struktury i istoricheskie zakony* [Historical structures and historical laws]. Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B. and Pavlov, V.I. *Teoreticheskiye problemy vsemirno-istoricheskogo protsessa* [Zhukov, E.M., Barg, M.A., Chernyak, E.B. and Pavlov, V.I. Theoretical problems of the world-historical process]. Moscow: Nauka Publ., 330 p.
- Chernyak, E.B. (1993). *Tsivilizatsii i revolyutsii* [Civilizations and Revolutions]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., vol. 2, pp. 70–93.
- Danilova, L.V. (1968). *Diskussionnyye problemy teorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Discussion problems of the theory of pre-capitalist societies]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Problems of history of pre-capitalist societies]. Moscow: Nauka Publ., vol. 1, pp. 27–35.
- Engels, F. (1965). *Pis'mo I. Blokhu* [Letter to I. Bloch]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37. pp. 393–397.
- Engels, F. (1966). *Pis'mo V. Borgiusu* [Letter to V. Borgius]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 39, pp. 174–177.
- Engels, F. (1966). *Pis'mo F. Meringu* [Letter to F. Mering]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 39, pp. 56–57.
- Engels, F. (1965). *Pis'mo K. Shmidtu* [Letter to K. Schmidt]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37, p. 414–422.
- Fedoseyev, P. and Frantsev, Yu. (1964). *Istoriya i sotsiologiya* [History and Sociology]. *Kommunist* [Communist]. No. 2.
- Gulyga, A.V. (1964). *O predmete istoricheskoy nauki* [On the subject of historical science]. *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 20–31.
- Gurevich, A.Ya. (1965). *Obschiy zakon i konkretnaya zakonomernost' v istorii* [General law and specific pattern in history]. *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 14–30.
- Izrael', V.Ya. (1975). *Problemy formatsionnogo analiza obschestvennogo razvitiya* [Problems of Formation Analysis of Social Development]. Gorkiy: Volgo-Vyatka book Publ., 191 p.
- Kelle, V.Zh. and Kovalzon, M.Ya. (1981). *Teoriya i istoriya* [Theory and History]. Moscow: Politizdat Publ., 290 p.

Kovalev, A.M. (1996). *Esche raz o formatsionnom i tsivilizatsionnom podkhodakh* [Once again about the formational and civilization approaches]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 1, pp. 97–104.

Kolesnitskiy, N.F. (1968). *K voprosu o ranneklassovykh obschestvennykh strukturakh* [On the issue of early class social structures]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Problems of history of pre-capitalist societies]. Moscow: Nauka Publ., vol. 1, pp. 610–625.

Lapin, N.I. (1991). *O mnogomernosti istorii* [On the multidimensionality of history]. *Sotsialnaya filosofiya v kontse XX veka* [Social philosophy at the end of the XXth century]. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 108–117.

Lysmankin, E. (1969). *Razvitie V.I. Leniny ucheniya ob obschestvenno-ekonomicheskoy formatsii* [Development of V.I. Lenin's doctrine of socio-economic formations]. *V.I. Lenin kak filosof* [V.I. Lenin as a philosopher]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 150–165.

Marx, K. (1959). *Predislovie k kritike politicheskoy ekonomii. Vvedeniye* [Preface to criticism of political economy. Introduction]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 13, pp. 5–13.

Marx, K. (1978). *Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1859 gg.* [Economic manuscripts of 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 46, pt. 1, 614 p.

Meyman, M.N. and Skazkin, S.D. (1960). *K voprosu o neposredstvennom perekhode k feodalizmu na osnove razlozheniya pervobytno-obshchinnogo sposoba proizvodstva* [On the issue of direct transition to feudalism on the basis of the decomposition of the primitive communal mode of production]. *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 64–69.

Mogilnitskiy, B.G. (1989). *Vvedeniye v metodologiyu istorii* [Introduction to the methodology of history]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 175 p.

Mogilnitskiy, B.G. (1986). *O spetsificheskikh istoricheskikh zakonakh* [About specific historical laws]. *Metodologicheskiye i istoricheskiye voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and Historical Issues of Historical Science]. Tomsk: Tomsk University Press Publ., pp. 6–31.

Momdzhyan, K.Kh. (1991). *Marx i sovremennaya istoriya* [Marx and modern history]. *Sotsialnaya filosofiya v kontse XX veka* [Social philosophy at the end of the 20th century]. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 140–148.

Neronova, V.D. (1992). *Formy ekspluatatsii v drevnem mire v zerkale sovetskoy istoriografii* [Forms of exploitation in the ancient world in the mirror of soviet historiography]. Perm: Perm State University Publ., 311 p.

Ob itogakh diskussii o periodizatsii istorii SSSR (1951). [On the outcome of the discussion on the periodization of the history of the USSR]. *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 15–19.

Razin, V.I. (1979). *Marksistsko-leninskoye uchenie ob obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiyakh i sovremennost'* [Marxist-Leninist doctrine of socio-economic formations and modernity]. Moscow: Moscow State University Publ., 245 p.

Rozhin, V.P. (1962). *Vvedeniye v marksistskuyu sotsiologiyu* [Introduction to Marxist Sociology]. Leningrad: Leningrad University Publ., 159 p.

Rozhin, V., Tugarinov, V and Chagin, B. (eds.) (1964). *Marksistsko-leninskaya filosofiya* [Marxist-Leninist philosophy]. Moscow: Politizdat Publ., 512 p.

Santsevich, A.V. (1990). *Metodika istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 196 p.

Shtayerman, E.M. (1968). *Antichnoe obschestvo. Modernizatsiya istorii i istoricheskie analogii* [Antique society. Modernization of history and historical analogies]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Problems of the history of pre-capitalist societies]. Moscow: Nauka Publ., vol. 1, pp. 626–635.

Vasil'ev, L.S. (1994). *Istoriya Vostoka* [Eastern history]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., vol. 1, 495 p.

Vasil'ev, L.S. (1968). *Sotsialnaya struktura i dinamika drevnekitayskogo obschestva* [Social structure and dynamics of ancient Chinese society]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Problems of history of pre-capitalist societies]. Moscow: Nauka Publ., vol. 1, pp. 455–515.

Vasil'ev, L.S. (1995). *Tsivilizatsiya Vostoka: spetsifika, tendentsii, perspektivy* [Civilization of the East: specifics, trends, prospects]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., vol. 3, pp. 121–130.

Vasil'ev, L.S. and Stuchevskiy, I.A. (1966). *Tri modeli vzniknoveniya i evolyutsii dokapitalisticheskikh obschestv (k probleme «aziatskogo» sposoba proizvodstva)* [Three models of the emergence and evolution of pre-capitalist societies (to the problem of the «Asian» mode of production)]. *Voprosy istorii*. No. 5, pp. 84–90.

Yushkov, S.V. (1946). *K voprosu o dofeodalnom («varvarskom») gosudarstve* [On the issue of the pre-feudal («barbaric») state]. *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 28–37.

Yuschenko, Yu. A. (1991). *K voprosu o tipologii i napravlenosti istoricheskogo protsessa* [On the issue of typology and orientation of the historical process]. *Sotsialnaya filosofiya v kontse XX veka* [Social philosophy at the end of the twentieth century] Moscow: Moscow State University Publ., pp. 223–230.

Zhukov, E.M. (1964). *Istoricheskaya nauka i obshchaya metodologiya* [Historical science and general methodology]. *Metodologicheskie problemy nauki* [Methodological problems of science]. Moscow: Nauka Publ., pp. 218–231.

Zhukov, E.M. (1975). *Nekotoryye voprosy teorii obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy* [Some questions of the theory of socio-economic formations]. *Problemy sotsialno-ekonomicheskikh for-*

matsiy [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 10–19.

Zhukov, E.M. (1987). *Ocherki metodologii istorii* [Essay history methodology]. Moscow: Nauka Publ., 256 p.

Zhukov, E.M. (1979). *Sotsiologicheskie i istoricheskie zakony* [Sociological and historical laws]. Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B. and Pavlov, V.I. *Teoreticheskiye problemy vseмирno-istoricheskogo protsessa* [Zhukov, E.M., Barg, M.A., Chernyak, E.B. and Pavlov, V.I. Theoretical problems of the world-historical process]. Moscow: Nauka Publ., 330 p.

Received 10.01.2019

Об авторе

Корякин Вячеслав Владимирович
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>

About the author

Vyacheslav V. Koryakin
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корякин В.В. Деградация советского марксизма на примере философии и методологии истории второй половины XX века // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 29–43. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-29-43

For citation:

Koryakin V.V. Degradation of Soviet Marxism through the example of philosophy and methodology of history of the second half of the 20th century // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 29–43. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-29-43

УДК 1:304.42

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-44-54

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Шарков Антон Валерьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Отечественные и зарубежные ученые все чаще обращаются к понятию социального государства, его проблемам и перспективам существования. Есть основания полагать, что при решении вопросов, связанных с будущим социального государства, с проблемами его развития, свой вклад должны внести и философы. Перед учеными стоит задача описать и объяснить существенные изменения роли современного государства в управлении общественными делами (особенно в социальной сфере). При этом поставленная задача решается исследователями с разных, порой противоположных, теоретико-методологических позиций. С опорой на современную научную теорию исторического процесса исследована проблема реализации современными государствами своих социальных функций. Предпринимается попытка выявить антропологические основания государства и его социальной функции через философскую концепцию человеческой сущности. Дано авторское определение социальной функции государства. Раскрыто понимание социальной функции государства в широком и узком значениях. Доказывается мысль о том, что проблема социальных функций современных государств является следствием кризиса антропологических оснований современной человеческой цивилизации. Кризис человека экономического (*homo economicus*) обуславливает пересмотр и последующую оптимизацию социальных обязательств современного государства, сокращение его социальных функций. Бедность работающего населения, его старение и закредитованность, сокращение рабочих мест вследствие внедрения автоматизированного производства, глубокая классовая дифференциация и другие проявления этого кризиса требуют новых подходов к управлению делами общества. «Уход» государства из социальной сферы неизбежно приводит к усилению религиозности в обществе, повышению роли крупных международных корпораций, которые имеют значительный потенциал к замещению социальных функций государства. В статье предлагаются базовые рекомендации и основные пути преодоления антропологического кризиса в современной России.

Ключевые слова: государство, социальная функция, неолиберализм, человек, кризис, человек экономический, мальтузианство, социальный дарвинизм, капитализм.

THE PROBLEM OF SOCIAL FUNCTIONS OF THE MODERN STATE: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Anton V. Sharkov

Perm State University

Russian and foreign scientists are increasingly turning to the concept of the social state, its problems and prospects of existence. There are grounds for believing that in addressing issues related to the future of the welfare state and problems of its development, philosophical thought should contribute among others. Scientists set the task of describing and explaining significant changes in the role of the modern state in the management of public affairs (especially in the social sphere). This problem is solved by researchers from different, sometimes opposite, theoretical and methodological positions. Based on the modern scientific theory of the historical process, the paper studies the problem of the implementation of social functions by modern states. It attempts to identify the anthropological foundations of the state and its social

function in terms of the philosophical concept of human nature. The author gives his own definition of the social function of the state, which is presented in a wide and narrow sense. The paper proves the idea that the problem of social functions of modern states is a consequence of the crisis of the anthropological foundations of the modern human civilization. The crisis of the homo economicus determines the revision and subsequent optimization of the social obligations of the modern state, the reduction of its social functions. The poverty of the working population, its aging and debt load, job cuts due to the introduction of automated production, deep class differentiation, and other manifestations of this crisis require new approaches to managing the affairs of society. «Departure» of the state from the social sphere inevitably leads to the increased religiosity in society, enhanced role of major international corporations that have a significant potential for the replacement of the state's social functions. The paper provides basic recommendations and suggests the main ways to overcome the anthropological crisis in modern Russia.

Keywords: state, social function, neoliberalism, human, crisis, homo economicus, Malthusianism, Social Darwinism, capitalism.

Введение

Начиная с 80-х гг. XX в. и по настоящее время в мире доминирует неолиберальная концепция государственной социальной политики. Эта политика основывается на представлениях о том, что государство должно свести к минимуму свое присутствие в экономической и прежде всего в социальной сфере (*Laissez-fair, laissez passer*). Вопрос о степени участия государства в социальной сфере сегодня является дискуссионным в мировом сообществе, в том числе политической элите современной России. Отстранение государства от решения социальных проблем, финансирование образования, здравоохранения и социального обеспечения по остаточному принципу привели в 90-х гг. в России к настоящей антропологической катастрофе, которая, в частности, выразилась в депопуляции населения [Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ, 2000].

В теоретическом аспекте неолиберальный подход обосновывается особым взглядом на человека и государство. Человек представляется как атом общества, существующий в отрыве от другого человека и от общества в целом. Философия индивидуализма обосновывает приоритет личной ответственности человека за свою судьбу и благополучие. Например, Фуко полагает, что забота человека о самом себе есть основа рационального поведения человека [Фуко М., 2007]. Карл Поппер с позиции критического рационализма призывает объяснять общественные явления и действия социальных институтов как результаты деятельности конкретных индивидов, а не каких-либо коллективных субъектов, таких как государство [Поппер К., 1992]. Вместе с тем абсолютизация ин-

дивидуальной ответственности человека за свое благополучие имеет теоретические корни в социальном дарвинизме и мальтузианстве.

Государство может и, конечно, должно в разумных пределах поддерживать чувство собственной ответственности граждан за свое благополучие, но злоупотребление таким подходом является ошибочным и крайне вредным для общества. Методологическая ошибка Т. Мальтуса и сторонников социального дарвинизма состоит в том, что борьба за существование, присущая животному миру, переносится без всяких условий и оговорок на человеческое общество [Внутских А.Ю., 2006, с. 48–49]. Проблема бедности, по мнению Мальтуса, это проблема естественная, а потому он отказывает бедным, неимущим в праве получать государственную поддержку, в праве содержаться за общественный счет [Мальтус Т., 1993, с. 71]. На самом деле характер материального производства порождает бедность и нищету, а потому для предупреждения и искоренения бедности и иждивенчества следует проводить мероприятия в сфере материального производства.

Кризис, с которым сегодня имеет дело мировое сообщество, — это третий кризис капитализма (два предыдущих сопровождалось двумя мировыми войнами), который характеризуется исчерпанием для капитала внешних источников роста. Следствием этого уже явилось то, что капиталистическая система прибегла к политике всеобщего потребления, которая сопровождается последние 30–40 лет увеличением долгов не только домохозяйств, но и национальных государств. Антропологическая катастрофа, постигнувшая нашу страну в 90-е гг., являлась продолжением кризиса субстанциональных оснований современной цивилиза-

ции — кризиса человека экономического, человека-потребителя [Мусаелян Л.А., 2014, с. 74]. Закономерным результатом этого кризиса становится дегуманизация всех сфер общественной жизни, обесценивание социальных норм, ценностей и, как следствие, депопуляция населения страны.

Следует отметить, что большинство тех исследователей, которые сегодня занимаются изучением социального государства и социальных функций государства, являются правоведами. Однако представляется, что проблема реализации государством своей социальной функции требует именно философского осмысления на глубинном, сущностном уровне. При этом в качестве методологического основания может быть использована современная научная теория исторического процесса, в которой исследуются субстанциональные (сущностные) основания истории. Философский анализ сущности социальной функции государства позволит выделить ее антропологические основания и на этой основе разработать определенные рекомендации для принятия управленческих решений.

Проблема социальных функций современного государства как следствие кризиса антропологических оснований человеческой цивилизации

С нашей точки зрения, *социальная функция государства* — это система мер, принимаемая государством на постоянной основе, для воспроизводства населения и поддержания определенного уровня его жизни с целью сохранения единства и целостности государства. *В широком смысле* слова социальная функция государства — это политика государства в основных сферах общественной жизни по сохранению и развитию родовой сущности человека в условиях отчужденного бытия этой сущности. *В узком смысле* социальная функция государства рассматривается как политика государства в социальной сфере развития общества, выражающаяся в определенной системе мероприятий, проводимых государством в области образования, здравоохранения и социального обеспечения.

Современные государства под воздействием глобализационных процессов и технологического прогресса вступили в новую реальность, обусловленную новыми вызовами и угрозами. По мнению Е.В. Осиповой, достижения цивили-

зации в XXI в. должны подтолкнуть человечество отказаться от субъективистского и волюнтаристского подхода к управлению обществом [Осипова Е.В., 2009, с. 202]. С нашей точки зрения, на сегодняшний день неолиберальный подход к управлению государством, к финансированию социальной сферы по остаточному принципу проявил себя как несостоятельный, в значительной степени усугубляющий антропологический кризис современной человеческой цивилизации. Неолиберальная концепция государства пришла на смену государству «всеобщего благосостояния» в 80-х гг. прошлого века (прежде всего в Великобритании и США) и сопровождалась оптимизацией социальных расходов и социальных обязательств перед населением. Своеобразный «уход» государства из социальной сферы был спровоцирован прежде всего изменениями в области материального производства. Переход к неолиберальной политике происходил постепенно, он ознаменовал собой становление глобального капитализма. Как отмечает Л.А. Мусаелян, капиталистическая формация приобрела планетарный масштаб и стала олицетворять собой современную человеческую цивилизацию [Мусаелян Л.А., 2016, с. 108]. При этом распространение капитализма по всему миру стало стимулом его дальнейших поисков внутренних, а не внешних источников роста. Этот поиск привел к небывалому росту потребления среди населения и становлению феномена всеобщего потребления. Одним из основных инструментов стимулирования роста потребления стали кредиты, без которых обладание необходимыми благами для индивидов, становилось крайне затруднительным. Следствием такой политики явилось увеличение долгов домохозяйств и государств [Мусаелян Л.А., 2016, с. 109], причем особую роль здесь сыграли Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ). МВФ является одним из столпов неолиберальной мировой политики, основными целями деятельности которого являются обеспечение условий для беспрепятственного перемещения капитала по всему миру, развития мировой торговли и поддержания международной валютно-финансовой системы [Статьи соглашения МВФ, 2011]. Для того чтобы достичь этих целей, фонд организует консультации с правительствами национальных государств, которые оказались в затрудни-

тельном экономическом положении. Смысл проведения консультаций в том, чтобы помочь тому или иному государству привести свой бюджет к определенному балансу и гармонии с мировой экономической системой. По итогам консультаций МВФ вправе на определенных условиях предоставить нуждающейся стране кредит. Условия предоставления кредитных денег фонда согласовываются с каждым государством-получателем в индивидуальном порядке. Однако МВФ не является благотворительной организацией; по отношению к государству-получателю финансового транша фонд выступает кредитором и принимает необходимые меры по обеспечению возврата предоставленных денег. Общеизвестным является факт, что при оказании кредитной поддержки некоторым странам Латинской Америки, Греции, Украине и другим МВФ требовал провести непопулярные внутренние реформы, которые затрагивали в первую очередь социальную сферу. Также известно, что условия, на которых выдается кредит государству-получателю, выстраиваются таким образом, чтобы в обозримой перспективе именно эти денежные средства являлись основным источником роста экономики. Всемирный банк и Международный валютный фонд являются важнейшими институциональными составляющими глобального капитализма и апологетами неолиберализма [Ананьин О. и др., 2010].

Глобальный капитализм поставил интересы национальных государств «на службу» интересам транснациональных корпораций, которые распространили свое влияние по всему миру (особенно в странах периферии и полупериферии). Эти корпорации в менее развитых странах эксплуатировали дешевую рабочую силу и в некоторой степени выполняли социальные функции государств, которые не могли гарантировать своему населению желаемый уровень занятости и дохода.

А.В. Бузгалин отмечает, что прогресс в области технологий, который сегодня имеет место в развитых странах, связан с особым характером эволюции производительных сил. По его мнению, этот тип производительных сил формировался под влиянием «заказа» корпоративного капитала, который усилиями развитых стран создавал себе институциональные условия существования и развития. Результатом воплощения в реальность этого «заказа» в разви-

тых странах стало снижение регулирования реального сектора экономики и сокращение социальных функций государства [Бузгалин А.В., 2018, с. 130–131]. Таким образом, развитые производительные силы в XXI в. работают на обслуживание корпоративного капитала (прежде всего финансового), а не на решение социальных проблем людей. Некоторые исследователи полагают, что транснациональные корпорации могут стать институтами, которые в перспективе смогут взять на себя социальные функции государства [Васильев В.П., 2015, с. 34]. В пользу этой точки зрения говорит практика международных компаний по добровольному поддержанию высоких стандартов корпоративной социальной ответственности по отношению к своим работникам и местным сообществам.

Самый главный вызов, который сегодня стоит перед государством и его социальными обязательствами, — это кризис антропологических оснований человеческой цивилизации. Это кризис человека экономического (*homo economicus*), человека частичного, человека-потребителя. «Человек экономический, — пишет Л.А. Мусаелян, — есть предельная форма человека частичного, и как таковой он представляет закономерный результат развития общественного разделения труда, достигшего высшей ступени в современном капитализме» [Мусаелян Л.А., 2016, с. 102]. Возникновение человека экономического явилось негативным результатом общественного разделения труда, которое обусловило закрепление за каждым классом определенного рода занятий. В конечном итоге это привело к появлению односторонне развитых индивидов. Нравственную и физическую деградацию, которую испытывает человек, занятый однообразным изнурительным трудом в свое время на конкретном историческом примере продемонстрировал Ф. Энгельс в одной из своих классических работ [Энгельс Ф., 1955]. Возникновение предельной формы частичного человека становится возможным в позднем (развитом) капитализме, когда отчуждение между родовой и индивидуальной сущностью человека становится наиболее острым. Феномен человека-потребителя, который был схвачен и общих чертах описан представителями франкфуртской школы (Г. Маркузе, Э. Фромм и др.) [Маркузе Г., 1994; Фромм Э., 2010], был актуализирован

сначала в США, потом начал распространяться по земному шару.

Кризис человека экономического обуславливает пересмотр и последующую оптимизацию социальных обязательств государства, сокращение его социальных функций. Увеличение долгов домохозяйств и высокая закредитованность населения зачастую приводят к обнищанию людей, банкротству предприятий, где работают сотни и тысячи человек, которые будут нуждаться в последующем трудоустройстве. Поощрение политики всеобщего потребления приводит к сокращению в развитых странах среднего класса, который традиционно является важнейшей опорой политической власти, таким образом подрывается стабильность и устойчивость политической системы.

Нищета населения, недоступность образования и медицинской помощи, невозможность со стороны государства создавать условия для самореализации индивидов могут провоцировать усиление религиозности в обществе, повышать вероятность радикализации молодежи. Согласно исследованиям социальная дифференциация, низкий уровень заработной платы, безработица, отсутствие доступного образования являются одними из основных причин вступления молодых людей в террористические группировки [Международный терроризм..., 2007, с. 9–10; Андреев В.В. и др., 2016, с. 299; Стальмахов В.А., 2010, с. 158, 160].

Среди причин сокращения социальных обязательств современных государств также называются бедность работающего населения, его старение. Этот феномен привел к кризису института социального страхования и пенсионного обеспечения во многих странах мира. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечается, что старение населения в развитых странах идет параллельно с увеличением численности и бедности населения в развивающихся, обуславливая глобальные миграционные процессы [Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ..., 2008]. Результатом этих миграционных процессов является постоянно увеличивающаяся нагрузка на социальные системы развитых стран. Такое положение дел в развитых странах будет неизбежно приводить к сокращению национальными государствами своих социальных расходов. Одним из самых распро-

страненных и болезненных способов оптимизировать социальные расходы государства — это повышение пенсионного возраста, которое уже затронуло и Россию. В развитых странах повышение пенсионного возраста в основном вызвано малодетностью в семьях и увеличением продолжительности жизни.

Кризис современного социального государства и его обязательств по отношению к населению провоцирует дискуссию относительно борьбы с социальным иждивенчеством как феноменом, которое все шире и шире распространяется в развитых и некоторых развивающихся странах. Необходимость для государства адекватно реагировать на изменения демографической структуры населения, реагировать на миграционные притоки людей, взвешивать и соотносить взятые на себя обязательства в рамках социальной функции имеет огромное значение для существования современных государств. В самом изменении структуры и форм социальных выплат со стороны государства (если это экономически оправдано) нет ничего необычного. Возможности государства направлять (перераспределять) часть общественного богатства на нужды людей, которые оказываются в трудной жизненной ситуации по разным, от них не зависящим причинам, подвержены изменениям. При этом представляется, что если государство решило оптимизировать те или иные свои социальные расходы, то это прежде всего подлежит обсуждению в экспертном сообществе, институтах гражданского общества. Неоправданное и экономически необоснованное сокращение социальных расходов (даже если оно протекает в рамках закона) часто обосновывается некоторыми исследователями и представителями политической власти ростом социального иждивенчества. Опасность данной ситуации состоит в том, что разработчики и исполнители подобных мер экономии (как правило, это представители крайне правых, неолиберальных и либертарианских убеждений) придерживаются теоретико-методологических позиций мальтузианства и социального дарвинизма (социал-дарвинизма). На наш взгляд, методологически несостоятельна ни одна концепция, которая исходит из идеи абсолютной ответственности индивидов за свое благополучие.

Сегодня одной из проявившихся тенденций в мире является увеличение разницы между стра-

нами по уровню и качеству жизни людей. Согласно докладам международных организаций:

– среди населения мира каждый девятый страдает от голода, а каждый третий — от неудовлетворительного питания [Доклад о человеческом развитии, 2016];

– разрыв в уровнях человеческого развития является отражением неравенства возможностей доступа к обучению, медицинскому обслуживанию, занятости, кредитам и природным ресурсам;

– 1 % населения мира владеет 82 % мирового богатства [Индексы и индикаторы человеческого развития, 2018];

– только 45 % населения мира реально пользуется правом хотя бы на один вид выплат социальной защиты, а остальные 55 %, т.е. 4 млрд. человек, остаются незащищенными;

– лишь 21,8 % безработных получают пособия по безработице, а 152 млн. безработных остаются за рамками систем социальной защиты;

– право на охрану здоровья еще не стало реальностью во многих странах мира, особенно в сельской местности, где 56 % населения не охвачено медицинским обслуживанием, по сравнению с 22 % жителей городов [Доклад МОТ ООН о социальной защите..., 2018].

В этой связи С.В. Калашников полагает, что механизмы, которыми ранее пользовались государства для противостояния социальным рискам, сегодня устарели и требуют реформирования, пересмотра [Калашников С.В., 2010, с. 7].

Кризис в деле исполнения социальных обязательств замечен сегодня и в России. Так, С.С. Сулакшин отмечает, что трех россиян из четырех беспокоит дифференциация населения по признаку материального достатка [Сулакшин С.С. и др., 2017]. При этом кризисные явления в российском обществе последних лет только усиливают эту дифференциацию. По данным Росстата в структуре доходов граждан на социальные выплаты из бюджетных средств приходится 18,2 % доходов (2015 г.). То есть только одна пятая доходов россиян обеспечивается бюджетом России [Сулакшин С.С. и др., 2017, с. 8]. При этом исследователь обращает внимание на тревожную тенденцию — передачу части государственных функций (в т.ч. социальных) коммерческим и некоммерческим организациям [Сулакшин С.С. и др., 2018, с. 450, 477].

Основные пути преодоления антропологического кризиса в современной России

На наш взгляд, преодоление антропологического кризиса современной России потребует от государства определенных *реформ и преобразований в социальной сфере* (образование, здравоохранение и социальное обеспечение). Базовыми направлениями в преодолении этого кризиса должны стать:

– разумный и взвешенный подход при реформировании социальной сферы, недопустимость исключительно рыночного регулирования;

– разграничение ответственности между государством и человеком за благополучие последнего, а именно: недопущение абсолютизации индивидуальной ответственности человека за свое благополучие, а также полная и всесторонняя ответственность государства за людей, которые в силу возраста, состояния здоровья и по другим не зависящим от них причинам не могут самостоятельно создавать материальные условия своего существования;

– ответственная политика в области улучшения демографии, предполагающая, с одной стороны, ориентацию на увеличение продолжительности жизни россиян, а с другой — создание социально-экономических условий молодым семьям для рождения и воспитания детей;

– ориентация образования на развитие человеческого потенциала, а не на создание конкурентоспособного «товара»;

– недопущение последующей коммерциализации сфер образования и здравоохранения, обеспечение для населения равного доступа к ним;

– реальная федерализация страны, предполагающая ответственность властей регионов и муниципалитетов за здравоохранение и образование в той мере, в какой в соответствующие бюджеты идут налоговые поступления;

– систематизация (кодификация) законодательства в области социального обеспечения;

– изъятие сверхдоходов у сырьевых компаний и монополий (например, инициатива помощника Президента РФ А.Р. Белоусова в отношении химических и металлургических компаний), а также отказ от поддержки коммерческих структур за государственный счет (как это

было продемонстрировано Правительством РФ в период экономического кризиса 2008 г.);

- предоставление больших возможностей институтам гражданского общества влиять на процесс принятия решений органами государственной власти;

- наращивание усилий по сокращению безработицы и созданию новых рабочих мест, прежде всего в реальном секторе экономики.

Российское государство должно последовательно соблюдать международное гуманитарное законодательство, т.к. оно является нормативным и ценностным фундаментом развития человека. Философская мысль на протяжении своей истории вынашивала и в конечном итоге привнесла идею ценности человека и его жизни как базовую основу современного международного права. Также правительству России следует подписать и соблюдать конвенции и иные рекомендательные документы Международной организации труда по борьбе с бедностью, по расчету минимального размера оплаты труда и т.д.

Конечно, акты международного уровня необходимо исполнять в полном объеме. Однако следует учитывать, что международное законодательство создает лишь нормативную и гуманистическую основу для выполнения странами своих обязательств. Это означает, что каждое государство самостоятельно определяет методы и средства обеспечения достойного уровня жизни своему населению [Определение Конституционного суда РФ..., 2003].

Председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин обращает внимание на то, что реализация социальных прав граждан напрямую связана с сохранением социального мира и политической стабильности в стране, без соблюдения этих прав теряет ценность общее благо населения России. Под защитой этих прав, поясняет В. Зорькин, понимается не государственная благотворительность из политических и моральных мотивов, а реализация государством своей обязанности обеспечить наиболее слабым членам общества равенство стартовых возможностей [Зорькин В., 2014].

Само по себе устранение государства от решения социальных проблем опасно, поскольку такой подход способствует размыванию среднего класса, который в современных государствах является основой стабильности. Несмотря на то, что модель патерналистского государ-

ства (государства всеобщего благосостояния) в 80-х гг. XX в. изжила себя, сегодня становится все более явным запрос на активное участие государства в жизни людей — к такому мнению пришли эксперты Института социологии РАН. «Начавшийся в 2014 г. экономический кризис продемонстрировал, что средний класс достиг той пороговой точки, после которой его ресурсы уже не позволяют ему решать собственные социальные проблемы самостоятельно» [Горшков М.К. и др., 2016].

Между тем еще в XVIII в. М.В. Ломоносов справедливо полагал, что не в обширных территориях нашей страны, а в сохранении и умножении российского народа состоит могущество и богатство нашего государства [Ломоносов М.В., 1950, с. 599]. России сегодня нужна берегающая человека политика, имеющая целью сохранить человека, его жизнь, здоровье и достоинство. Для политики российского государства 90-х гг. в социальной сфере характерны бессистемность, отсутствие цельности, непродуманность и как результат низкая эффективность. Ощущаемое безразличие и безучастность государства к социальным проблемам порождали симметричную реакцию населения, что усиливало степень отчужденности. Глубокая классовая поляризация и сегодня является следствием неравномерного доступа населения к социальным благам.

Реальная гуманизация всех сфер жизнедеятельности человека, сохранение человека как человека — это требование современной философии [Мариносян Х.Э., 2016, с. 11]. Государственная политика, особенно в социальной сфере, должна иметь исключительно человеческое измерение. Социальная функция российского государства должна придать новое звучание известному высказыванию древних философов — «человек есть мера всех вещей».

Человеческой историей и наукой доказано, что индивидуальное и общественное сознание людей формируются преимущественно под влиянием внешних материальных факторов и обстоятельств. Для того чтобы человек в современном государстве чувствовал и воспроизводил себя не строителем мирового рынка, не творцом чужого благополучия, не homo economicus, а живым, чувствующим, созидующим, индивидуальным существом, государство должно способствовать созданию ему соответствующих условий. На наш взгляд, это воз-

можно путем усиления социальных функций государства. Говоря словами классиков, необходимо создать условия жизни, достойные самого человека, сделать окружающие его обстоятельства «человечными» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 145].

Российское Правительство при поддержке Президента РФ должно разработать стратегию государственного развития, где с опорой на ст. 7 Конституции РФ и нормы международного гуманитарного права закрепить основные принципы и пути реализации социальной политики государства. При разработке такой стратегии следует учесть те положения и показатели, которые содержатся в «майских указах» Президента [Указ Президента РФ, 2018]. Представляется, что работа должна вестись именно *над стратегией*, в основе которой должен быть комплексный подход к реформированию социальной сферы. Опыт показывает, что точечное решение вопросов (национальные проекты, индексация пенсий, увеличение зарплат бюджетников и др.) приносит лишь кратковременный, но не стратегический эффект. Необходимо последовательное формирование государством системы социальных условий, обеспечивающих сохранение здоровья, воспитание и образование нового поколения на уровне современных стандартов, гарантирующих равенство стартовых возможностей и дающих условия для универсального развития сущностных сил человека.

Список литературы

Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 15–27.

Андреев В.В., Кадышев Е.Н., Кортунов А.И., Семенов В.Л. Социально-экономические причины распространения терроризма // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 289–300.

Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.

Васильев В.П. Влияние глобальных процессов на эволюцию социальных функций государства // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 29–42.

Внутских А.Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. Пермь, 2006. 335 с.

Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Аникин В.А и др. Российский средний класс в условиях стабильно-

сти и кризисов: Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. 34 с.

Доклад Международной организации труда ООН о социальной защите в мире 2017–2018. Всеобщая социальная защита для достижения целей в области устойчивого развития. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_614330.pdf (дата обращения: 22.01.2019).

Доклад о человеческом развитии, 2016. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 22.01.2019).

Зорькин В. Конституция живет в законах // Российская газета — федеральный выпуск. 2014. № 6560 от 18 дек. URL: <https://rg.ru/2014/12/18/zorkin.html> (дата обращения: 22.01.2019).

Индексы и индикаторы человеческого развития, 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 22.01.2019).

Калашиников С.В. Социальная функция государства в XXI веке // Социальная политика и социология. 2010. № 5(60). С. 7–13.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 22.01.2019).

Ломоносов М.В. Избранные философские произведения / под общ. ред. и с предисл. Г.С. Васецкого. М.: Госполитиздат, 1950 (Л.: Тип. «Печатный двор»). 759 с.

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. М.: Эконом-Ключ, 1993. 486 с.

Мариносян Х.Э. Электронная цивилизация как глобальная перспектива // Философские науки. № 6. 2016. С. 7–31.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 3–230.

Маркузе Г. «Одномерный человек». Очерки по идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 368 с.

Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / под. ред. А.В. Возженикова. М.: Эксмо, 2007. 528 с.

Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация: монография / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.

Мусаелян Л.А. Кризис современной цивилизации и его антропологических оснований // Новые идеи в философии. 2014. Вып. 22(1). С. 69–80.

Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.2003 № 343-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” и статьи 7 федерального закона “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45177/ (дата обращения: 22.01.2019).

Осинова Е.В. Человек и современная социальная реальность // Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФРАН, 2009. С. 194–213.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ., под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. 528 с.

Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию РФ 08 июля 2000 г. «Какую Россию мы строим» (г. Москва). URL <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (дата обращения: 22.01.2019).

Статьи соглашения Международного Валютного Фонда (1944). Вашингтон, округ Колумбия: Международный Валютный Фонд, 2011.

Стальмахов В.А. Социальные причины терроризма в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 1(17). С. 158–161.

Сулакшин С.С., Аргунова В.Н., Багдасарян В.Э. и др. Государство справедливости — праведное государство (от теории к проекту). М.: Наука и политика, 2018. 512 с.

Сулакшин С.С., Хвилья-Олинтер Н.А., Кравченко Л.И. Социально-экономическое положение россиян в кризисный период // Труды ЦНПМИ. 2017. № 24. М.: Наука и политика, 2017. 47 с.

Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 22.01.2019).

Фромм Э. Иметь или быть / пер. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ: Астрель, 2010. 320 с.

Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе 1981–1982 учебном году / пер.с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 231–517.

Получено 01.02.2019

References

Anan'in, O., Khaitkulov, R. and Shestakov, D. (2010). *Vashingtonskiy konsensus: peyzazh posle bitv* [Washington Consensus: landscape after the battle]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 12, pp. 15–27.

Andreev, V.V., Kadyshev, E.N., Kortunov, A.I. and Semenov, V.L. (2016). *Sotsial'no-ekonomicheskie prichiny rasprostraneniya terrorizma* [Socio-economic causes of terrorisms proliferation]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* [Russian Journal of Criminology]. No. 2, pp. 289–300.

Buzgalin, A.V. (2018). *Zakat neoliberalizma (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa)* [Decline of neoliberalism (on the 200th anniversary of the birth of Karl Marx)]. *Voprosy ekonomiki*. No. 2, pp. 122–141.

Doklad Mezhdunarodnoy organizatsii truda OON o sotsialnoy zaschite v mire 2017–2018. Vseobshchaya sotsialnaya zaschita dlya dostizheniya tseley v oblasti ustoychivogo razvitiya [Report of the UN International Labor Organization on social protection in the world 2017–2018. Universal social protection for achieving the Sustainable Development Goals]. Available at: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_614330.pdf (accessed 22.01.2019).

Doklad o chelovecheskom razviti (2016) [United Nations Human Development Report]. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (accessed 22.01.2019).

Engels, F. (1955). *Polozhenie rabochego klassa v Anglii* [The position of the working class in England]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 2, pp. 231–517.

Fromm, E. (2010). *Imet' ili byt'* [To have or to be]. Moscow: AST Publ., 320 p.

Foucault, M. (2007). *Germevntika sub'ekta: Kurs lektсий, pročitannykh v Kollezhe de Franse 1981–1982 uchebnoy godu* [Subject Hermeneutics: Course of lectures given at the Collège de France 1981–1982 academic year]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 677 p.

Gorshkov, M.K., Tikhonova, N.E., Anikin, V.A. et al. (2016). *Rossiyskiy sredniy klass v usloviyakh stabil'nosti i krizisov* [Russian middle class in conditions of stability and crises], Moscow: Institute of Sociology RAS Publ., 34 p.

Indeksy i indikatory chelovecheskogo razvitiya (2018) [Indices and Human Development Indicators]. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (accessed 22.01.2019).

Kalashnikov, S.V. (2010). *Sotsial'naya funktsiya gosudarstva v XXI veke* [The social function of the state in the 21st century]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology]. No. 5(60), pp. 7–13.

Kontsepsiya dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda, utv. rasporyazheniem Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r. [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020, approved Decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (accessed 22.01.2019).

Lomonosov, M.V. (1950). *Izbrannye filosofskie proizvedeniya, pod red. G.S. Vasetskogo* [Selected philosophical works, ed. by G.S. Vasetskiy]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 759 p.

Malthus, T. (1993). *Opyt o zakone narodonaseleniya* [An Essay on the Principle of Population]. *Antologiya ekonomicheskoy klassiki* [Anthology of economic classics]. Moscow: Ekonov-Klyuch Publ., 486 p.

Marinosyan, Kh.E. (2016). *Elektronnaya tsivilizatsiya kak globalnaya perspektiva* [Electronic civilization as a global perspective]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 6, pp. 7–31.

Marx, K. and Ehgels, F. (1955). *Svyatoe semeystvo ili Kritika kriticheskoy kritiki. Protiv Bruno Bauera i kompanii* [The holy family, or critique of critical criticism. Against Bruno Bauer and company]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 2, pp. 3–230.

Marcuse, G. (1994) «*Odnomernyy chelovek*». *Ocherki po ideologii razvitogo industrialnogo obschestva* [«One-dimensional man». Essays on the ideology of a developed industrial society]. Moscow: REFL-book Publ., 368 p.

Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [Historical process and globalization]. Perm: Perm State University Publ., 128 p.

Musaelyan, L.A. (2014). *Krizis sovremennoy tsivilizatsii i ego antropologicheskikh osnovaniy* [The crisis of modern civilization and its anthropological bases]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. No. 22(1), pp. 69–80.

Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 05.11.2003 № 343-O «Po zaprosu gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy o provere konstitutsionnosti polozheniy federalnogo zakona “O trudovykh pensiyakh v Rossiyskoy Federatsii” i stati 7 federalnogo zakona “Ob obyazatelnom pensionnom strakhovanii v Rossiyskoy Federatsii”» [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation from November 5, 2003 No. 343-O «At the request of a group of deputies of the state Duma to verify the constitutionality of the provisions of the Federal law “on labor pensions in the Russian Federation” and article 7 of the Federal law “on compulsory pension insurance in the Russian Federation”»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45177/ (accessed 22.01.2019).

Osipova, E.V. (2009). *Chelovek i sovremennaya realnost'* [Human and modern social reality]. *Antropologicheskoe izmerenie rossiyskogo gosudarstva, pod red. V.N. Shevchenko* [Anthropological dimension of the Russian state, ed. by V.N. Shevchenko]. Moscow: IFRAN Publ., pp. 194–213.

Popper, K. (1992). *Otkrytoe obschestvo i ego vragi. T. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel, Marks i drugie orakuly* [Open society and its enemies. Vol. 2: The High tide of prophecy: Hegel, Marx, and the aftermath]. Moscow: Feniks Publ., Kulturnaya iniciativa Publ., 512 p.

Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federalnomu sobraniyu RF Kakuyu Rossiyu my stroim 8 iyulya 2000 g.(Moskva) [Message from the President of the Russian Federation V.V. Putin's to Federal Assembly of the Russian Federation What kind of Russia we are building]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (accessed 22.01.2019).

Stat'i soglasheniya Mezhdunarodnogo Valyutnogo Fonda, (2011) [Articles of Agreement of the International Monetary Fund], Mezhdunarodnyy Valyutnyy Fond. Washington, okrug Kolumbiya, USA.

Stalmakhov, V.A. (2010). *Sotsial'nye prichiny terrorizma v sovremennoy Rossii* [Social causes of terrorism in modern Russia]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 1, pp. 158–161.

Sulakshin, S.S., Argunova, V.N., Bagdasaryan, V.E. et al. (2018). *Gosudarstvo spravedlivosti — pravednoe gosudarstvo (ot teorii k proektu)* [The state of justice is a righteous state (from theory to project)]. Moscow: Nauka i Politika Publ., 512 p.

Sulakshin, S.S., Khvylya-Olinter, N.A. and Kravchenko, L.I. (2017). *Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie rossiyan v krizisnyy period* [Socio-economic situation of Russians during the crisis period]. *Trudy TsNPMI. № 24. yanvar 2017 g.* [Works of Center for Scientific political thought and ideology. No. 24 of January, 2017]. Moscow: Nauka i Politika Publ., 47 p.

Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. N 204 «O natsionalnykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda» [Presidential Decree from May 7, 2018 N 204 «About the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024»]. Available at: <http://base.garant.ru/71937200> (accessed 22.01.2019).

Vasil'ev, V.P. (2015). *Vliyanie globalnykh protsessov na evolyutsiyu sotsial'nykh funktsiy gosudarstva* [The impact of global processes on the evolution of the social functions of the state].

darstva [The impact of global processes on the evolution of the social functions of the state]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seirya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. No. 1, pp. 29–42.

Vnutskikh, A.Yu. (2006). *Otbor v prirode i otbor v obschestve: opyt konkretno-vseobshchey teorii* [Selection in nature and selection in society: the experience of a specifically-universal theory]. Perm: Perm State University Publ., 335 p.

Vozzhenikov, A.V. (ed.) (2007). *Mezhdunarodnyy terrorizm: bor'ba za geopoliticheskoe gospodstvo* [International terrorism: the struggle for geopolitical dominance]. Moscow: Eksmo Publ., 528 p.

Zor'kin, V. (2014). *Konstitutsiya zhivet v zakonakh* [Constitution lives in the laws]. *Rossiyskaya gazeta — federal'nyy vypusk* [Rossiyskaya Gazeta — Federal issue]. No. 6560, Dec. 18. Available at: <https://rg.ru/2014/12/18/zorkin.html> (accessed: 22.01.2019).

Received 01.02.2019

Об авторе

Шарков Антон Валерьевич

старший преподаватель кафедры философии, старший преподаватель кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: av.sharkov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-5654>

About the author

Anton V. Sharkov

Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: av.sharkov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-5654>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шарков А.В. Проблема социальных функций современного государства: философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 44–54.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-44-54

For citation:

Sharkov A.V. The problem of social functions of the modern state: philosophical analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 44–54. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-44-54

УДК 130.2:2

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-55-66

**ПОНЯТИЕ КЛАССА (SAMGRAHA)
В ЛОГИКЕ РАННЕЙ ЙОГАЧАРЫ
(ПО ТРАКТАТУ АСАНГИ «АБХИДХАРМА-САМУЧЧАЯ»)**

Бурмистров Сергей Леонидович

Институт восточных рукописей РАН

Понятие класса (saṃgraha) было введено в философию ранней йогачары как элемент логической структуры буддийского дискурса для классификации не самих дхарм, а множеств дхарм — групп, элементов познавательного акта и источников сознания. Введение понятия класса, дополняющее классификацию дхарм по группам, элементам и источникам сознания, обеспечило более полную и вместе с тем более детальную классификацию состояний сознания в соответствии с буддийской догматикой, что имело первостепенное значение в контексте религиозной прагматики буддизма, нацеленной на обретение просветления. В «Абхидхарма-самуччае» выделяется одиннадцать классов, определяемых по их месту относительно друг друга, по отношению к времени и пространству и по их эмоциональному аспекту, что связано с задачей обретения нирваны. При этом они представляют собой не более чем ментальные конструкты, сформированные для более точного описания психики в перспективе просветления. Единственной реальностью в буддийской философии являются дхармы, а просветление наступает тогда, когда прекращается возникновение и исчезновение обусловленных дхарм и остается лишь необусловленная дхарма — сознание-сокровищница, избавленное от аффектов и кармически детерминированных диспозиций. Таким образом, классы не отражают истинную реальность (tathatā), как она понимается в буддизме махаяны, но являются инструментами для изменения психики адепта.

Ключевые слова: буддийская логика, йогачара, философия буддизма махаяны, Асанга.

**THE CONCEPT OF CLASS (SAMGRAHA) IN EARLY YOGĀCĀRA LOGIC
(BASED ON ASANGA'S «ABHIDHARMA-SAMUCCAYA»)**

Sergey L. Burmistrov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

The concept of class (saṃgraha) was introduced in the philosophy of Yogācāra as an element of logical structure of Buddhist discourse for the classification of sets of dharmas (skandha, dhātu, āyatana) rather than dharmas themselves. This classification, added to the traditional classification of dharmas by groups (skandha), elements (dhātu) and bases of consciousness (āyatana), provided more detailed classification of states of consciousness according to Buddhist dogmatic principles aimed at the attainment of nirvāṇa. Asanga in the «Compendium of Abhidharma» (Abhidharma-samuccaya) formulates eleven classes defining them by their mutual relations, their relations to time and space and by their emotional aspect relevant to the final enlightenment. Nevertheless they are nothing more than mental constructions formed for more exact description of mind in the perspective of enlightenment. Dharmas are the only reality in Buddhist philosophy, and enlightenment comes when appearance and disappearance of the conditioned dharmas stops and only the unconditional dharma remains. It is the treasure trove, and it is free from affects and determined dispositions. So, classes do not describe the true reality (tathatā) as it is understood in Mahāyāna Buddhism and are but instruments for the transformation of adept's mind.

Keywords: Buddhist logic, Yogācāra, Mahāyāna Buddhist philosophy, Asanga.

Samgraha как слово, не содержащее специфически философского значения и обозначающее буквально «получение, добывание, схватывание, удержание вместе, сохранение», часто встречается в названиях философских трактатов — как буддийских, так и брахманистских. В этом случае его значение — «свод, компендиум, краткое изложение». Однако в трактате Асанги (IV в.) «Абхидхарма-самуччая» (далее — АС), представляющем основные положения буддийской философской системы йогачара и связывающем ее с Абхидхармой сарвастивадинов, это слово используется уже в качестве философского термина со строго определенным значением, и исследование его позволяет прояснить ряд особенностей буддийской логики, которые впоследствии получили развитие в трудах Дигнаги, Дхармакирти и Дхармоттары — классиков буддийской логической школы (которые по общефилософским своим воззрениям тоже принадлежали к школе йогачара).

Как слово, не имеющее терминологического значения, samgraha можно встретить в классической работе Васубандху (IV в.) «Абхидхармакоша» и автокомментарии к ней «Абхидхармакоша-бхашья» (далее — АК и АКБ соответственно). В карике 11 первой книги АКБ, например, речь идет о четырех грубых элементах, и комментатор Васубандху описывает их действия: «Фундаментальные элементы земля, вода, огонь и ветер проявляются соответственно в действиях поддержания, притяжения, изменения и распространения» [Васубандху, 1998, с. 203]. Здесь словом «притяжение» и переведено санскритское samgraha [Vasubandhu, 1967, р. 8], так что в этом случае его следует интерпретировать как «установление единства чего-либо». Аналогично далее, в карике АК 1.18: «Все [дхармы] включены в соответствующие группу, источник сознания и класс элементов» (sarvasamgraha ekena skandhepāyatanena sa dhātunā sa) (курсив мой. — С.Б.) [Васубандху, 1998, с. 209; Vasubandhu, 1967, р. 12]. Таким же образом используется это слово и далее в АК и АКБ.

Это слово встречается (всего несколько раз) в «Ньяя-сутрах» Гаутамы и комментарии Ватсьяяны (IV–V вв.) «Ньяя-бхашья». О грубом элементе воды там, в частности, говорится: «Но

и держание, и притягивание обуславливаются [наличием] агрегата [атомов]. Агрегатность (samgraha. — С.Б.) же — это отдельное качество, соотносимое с соединением и обуславливаемое вязкостью и текучестью» [Ньяя-сутры, 2001, с. 211]. Как видим, это слово не является в рассмотренных текстах специальным термином.

Иначе дело обстоит у Асанги, который в АС вводит его в качестве термина, определяющего некоторые классы множеств дхарм. Понятие samgraha, которое можно перевести в данном случае как «класс» (чтобы отличить его от группы-skandha), в АС позволяет распределить не сами дхармы, которые распределяются по скандхам, дхату и аятанам, а целые множества дхарм, так что если использовать математическую терминологию, то samgraha следует переводить именно как класс в том смысле, который придается этому слову в теории множеств. Валпола Рахула, переводя АС на французский язык, дает для этого термина эквивалент «groupe», а Сара Бойн-Вебб, следуя за Рахулой, в английском переводе (выполненном с французского), переводит samgraha как «grouping» [Asanga, 1971, р. 53; 2001, р. 71].

Сам Асанга использует термин samgraha в следующем контексте: «Каково [распределение дхарм по] классам? Классы следует понимать [как имеющие] одиннадцать аспектов: класс [выделяемый] по признакам; класс [выделяемый] по сферам; класс [выделяемый] по родам (jāti); класс [выделяемый] по состояниям (avasthā); класс [выделяемый] по взаимосвязям (sahāya); класс [выделяемый] по направлениям (deśa); класс [выделяемый] по времени (kāla); частичный класс (ekadeśasamgraha); универсальный класс (sakalasamgraha); соотносительный класс (itaretarasamgraha); абсолютный класс (paramārthasamgraha)» [Asanga, 1950, р. 32]. Таким образом, у нас есть одиннадцать способов классификации дхарм и множеств дхарм, причем в перечислении оснований классификации прослеживается определенная логика. Классы выделяются, во-первых, по признакам, которые отличают одну дхарму или множество дхарм от другой, — это позволяет адепту выделить в собственной психике те или иные состояния, точно определить их, отнести к тем или иным типам, и описать словесно. Вербализация состояний психики, как было пока-

зано нами ранее [Бурмистров С.Л., 2017, *passim*], дает адепту возможность описать их и для наставника, и для самого себя; описание для «другого» (наставника, старшего монаха и т.п.) позволяет «другому» направить духовное развитие адепта в нужное русло, описание же для себя — осуществлять самоконтроль и оценивать свое место на пути духовного развития. Асанга дает здесь такое разъяснение: «Что такое класс, [выделяемый] по признакам? [Это отнесение] каждой конкретной группы, элемента [или] источника [сознания] к соответствующему классу по собственному признаку (*svalakṣaṇa*)» [Asanga, 1950, p. 32]. Стихимамати объясняет мысль Асанги следующим образом: «Посредством классификации по признакам группа материи (*rūpa-skandha*) включается в класс (*saṃgrhīta*) группы материи в целом и так далее — до дхармовой опоры, [которая охватывается] дхармовой опорой» [Sthiramati, 1976, p. 46]. Этот не вполне понятный на первый взгляд фрагмент можно истолковать следующим образом: каждая *скандха* определяется в зависимости от определенного собственного признака (*svalakṣaṇa*), по которому входящие в нее дхармы и выделяются как отличные от дхарм всех других классов. Иными словами, в данном случае понятие класса, если попытаться реконструировать его, определяется так: класс — это множество дхарм или групп дхарм, выделяемых по собственному, только им присущему признаку. Следует обратить внимание при этом, что Асанга говорит о собственном признаке, а не о признаках, так что каждая дхарма или группа дхарм определяются по *одному* признаку, который и является для них характеристическим (в данном случае — выделяющим во всем универсуме элементарных психофизических состояний определенное их множество уникальным образом, так что определяемая по данному признаку *скандха* не может иметь общих элементов ни с какой другой *скандхой*).

При этом, однако, нельзя не заметить, что существуют дхармы, которые не входят ни в одну группу (*skandha*), — это два вида прекращения (посредством интеллектуальной деятельности и без нее) и пространство эмпирического опыта (*ākāśa*). Не входя ни в одну *скандху*, они, тем не менее, тоже охватываются этой классификацией, так как относятся к числу не-

обусловленных (*asaṃskṛta*) дхарм, которые тоже обладают каждая собственным признаком (*svalakṣaṇa*) [Розенберг О.О., 1991, с. 226–229]. Это дхармы, не обладающие четырьмя признаками непостоянства (*anityatā*) — возникновением, пребыванием, изменением и исчезновением [Розенберг О.О., 1991, с. 120]. Тем не менее они тоже определяются как нечто, имеющее собственный признак, уникальный для каждой из этих необусловленных дхарм.

Во-вторых, классы выделяются по сферам — *dhātu* (в данном случае речь идет у Асанги именно о трех сферах буддийского психокосма — чувственном мире, мире форм и мире не-форм, — а не об элементах познавательного акта). Асанга определяет класс дхарм, выделяемый по сферам таким образом: «Что такое класс, [выделяемый] по сферам? [Это отнесение] групп, элементов и источников [сознания] к соответствующей сфере (*dhātu*) [в зависимости от] сознания-сокровищницы и их семени (*bīja*)» [Asanga, 1950, p. 32]. Ключевыми здесь, конечно, являются понятия семени (*bīja*) и сознания-сокровищницы (*ālaya-vijñāna*, также переводится как сознание-вместилище). *Биджа* — это потенциальный аффект, заложенный в сознании-сокровищнице с безначальных времен (буддийский космос, как известно, не имеет начала во времени), но еще не проявившийся как реальный аффект (*kleśa*). Условия, в которых оказывается живое существо после рождения, побуждают некоторые из потенциальных аффектов-*биджа* к актуализации, результатом чего является возникновение реальных аффектов-*клеша*, которые и помрачают человеческое сознание, препятствуя видению истинной реальности (*tathatā*) и обретению нирваны. Стихимамати поясняет этот фрагмент так: «Классификацией по сферам (*dhātu*) все *скандхи*, *дхату* и *аятаны* классифицируются как собранные в сознании-сокровищнице по причине наличия семян в каждом [из них]» [Sthiramati, 1976, p. 46]. Таким образом, все множества дхарм, по каким бы признакам они ни выделялись, понимаются Асангой как пребывающие в сознании-сокровищнице и охваченные ею как вместилищем. Это принципиальный момент, указывающий на то, что все множества дхарм суть лишь результат актуализации потенциальных аффектов. Иначе говоря, каждое семя уже заранее, до того, как оно «прорастет» в какой-

то актуальный аффект (*kleśa*), принадлежит к определенному типу — подобно тому, как пшеничное зерно уже заранее заключает в себе стебель пшеницы, колос и прочее, а желудь может прорасти только как дуб, а не сосна или что-то другое. Отсюда следует, что существование определенных *различных* множеств дхарм заложено в их природе (*svabhāva*) с безначальных времен и ни одна *биджа* не представляет собой некое недифференцированное начало, которое могло бы реализоваться как угодно — в виде ли «имени и формы» (*nāmarūpa*, т.е. материальное тело индивида), чувства (*vedanā*), понятия-представления (*saṃjñā*) etc. Каждое семя может прорасти только в виде определенной реалии, суть которой заключена в ней изначально. Из текста АС и комментария Стхирамати неясно, можно ли говорить о своеобразном «предопределении» в космологии йогачары. Из вышесказанного можно, конечно, сделать радикальный вывод, что все наблюдаемое мной сейчас во всех его деталях есть результат прорастания семян, так что в определенный момент времени я неизбежно должен увидеть рядом с собой, например, именно кота, а не собаку, и именно черного, а не серого, или услышать именно звук проезжающей по улице машины, а не голоса прохожих на улице и т.д. Оснований для такого радикального вывода в данных йогачаринских текстов недостаточно, и более близким к истине кажется мысль, что данная *биджа*, относящаяся, скажем, к *рупа-скандхе*, реализуется именно как нечто чувственное, но *недифференцированно-чувственное* и может получить свою окончательную форму только в конкретной ситуации во взаимодействии с другими дхармами, кармически обусловленными диспозициями (*vāsanā*), и кармой данного индивида. Впрочем, решение этого вопроса требует специального анализа текстов ранней йогачары и здесь о нем пока нет смысла говорить.

Далее Асанга говорит о классах, выделяемых по родам (*jāti-saṃgraha*): «Что такое класс, [выделяемый] по родам? [Это отнесение] групп, элементов и источников [сознания] к классу, иному, чем другие (*vilakṣaṇa*, букв. «имеющие иные признаки») группы, элементы и источники [сознания]» [Asanga, 1950, p. 32]. Стхирамати поясняет: «В класс, [выделяемый по] родам, объединяются все формы и т.д.,

скандхами соединенные во множества (*rāśi*) по смыслу, по причине их однородности (*ekajātīyatvāt*) по отношению друг к другу благодаря наличию собственного признака. Также в них объединяются способность зрения и т.д., соединенные со значениями “входа” [в сознание] и со значениями “наслаждения” и удержания в элементах и опорах сознания» [Sthiramati, 1976, p. 46]. Речь идет об однородности элементов (не в смысле *dhātu*, а в смысле элементарных «частиц», входящих в некоторое множество), которые именно благодаря этой однородности и входят *вместе* в данное множество. *Биджа* одного рода объединяются в одно множество на универсуме дхарм, и логическим основанием для этого выступает их принадлежность к одному роду. Но в каком отношении они однородны? Есть ли это однородность их собственных признаков только или также и их кармических последствий? Стхирамати ясно дает понять лишь, что *svalakṣaṇa* есть несомненное логическое основание для объединения некоторого множества дхарм в одну *джати*, но при этом ничего не говорит о кармических последствиях. Во второй фразе Стхирамати указывает на то, что каждая из таких *джати* относится к той или иной способности (*indriya*); в буддийской философии выделяются способность познания (*jñāna-indriya*) или способность действия (*karma-indriya*), но очевидно, что здесь говорится лишь о первой из них, посредством которой информация о внешнем предмете (*vastu*) «входит» в сознание и он становится уже не просто *vastu* (вещь), а *viṣaya* (объект чувственного восприятия). «Наслаждение» (*upabhoga*) тоже не следует понимать в обыденном смысле: под ним имеется в виду восприятие *viṣaya* сознанием, благодаря чему над объектом чувственного восприятия надстраивается концептуальный объект (*ālambana*), который и удерживается познающим сознанием. Иначе говоря, классификация по родам — это классификация по признакам, однородным относительно эпистемологической роли данной дхармы, ее функции в акте познания.

«Что такое класс, [выделяемый] по состояниям? — продолжает Асанга. — [Это] множество групп, элементов и источников [сознания, объединенное по] состоянию счастья [как их] собственному признаку, [а также] по состоянию страдания и по состоянию [отсутствия как]

счастья, [так и] страдания, — в зависимости от [конкретного] состояния» [Asanga, 1950, p. 32]. Согласно Сthирамати, *скандхи*, *дхату* и *аятаны* ограничиваются состояниями счастья, страдания и нейтральными состояниями, из чего видно, что одно из оснований классификации — это эмоциональные и, можно сказать, даже экзистенциальные состояния, которые выступают следствиями прошлых действий и ранее накопленной кармы и, в свою очередь, побуждают к действиям, тоже дающим кармические последствия.

Заслуживает особенного внимания классификация по взаимосвязям (*sahāya*). «Что такое группировка по взаимосвязям? — пишет Асанга. — Группа материи объединена в [один] класс с [другими] группами по причине их взаимосвязи; так же и с другими группами, элементами и источниками [сознания]». Сthирамати же проясняет этот вопрос. *Руна-скандха*, пишет он, выступает опорой (*āśraya*) для *ведана-скандхи* и других трех *скандх*, так что между ними прослеживается совершенно ясная взаимосвязь: *гīра* служит объектом чувственного восприятия (*vedanā*) и связанных с ним аффектов, над нею надстраиваются дхармы, отвечающие за существование понятий и представлений (*saṃjñā*), и связанные с ними аффекты, и т.д. до *скандхи* сознания (*vijñāna*), причем каждый предмет (*vastu*) порождает свою цепочку надстроенных над ним дхарм. То же самое, пишет он, истинно и для элементов познавательного акта и опор сознания. Для каждого элемента существует, таким образом, другой (относящийся к иной, логически «следующей» категории) элемент, что дает нам множество эпистемологических цепочек. Каждый эпистемологический объект по этой причине предстает перед нами как имеющий пять уровней, соответствующих *скандхам*: уровень чистой материи и формы, как она дана в собственно материальном предмете (*vastu*); уровень чистых ощущений (*vedanā-skandha*), на основе которых потом формируется чувственный образ; уровень представлений о свойствах (*saṃjñā-skandha*), из которых формируется чувственный объект (*viśaya*); уровень формирующих факторов; и, наконец, уровень сознания (*vijñāna*) как инстанции, благодаря которой объект осознается как объект [Васубандху, 1998, с. 206–207].

Особо следует сказать о формирующих факторах (*saṃskāra*). К этой группе относятся все дхармы, роль которых — известным образом формировать личность человека. «Будучи по своей внутренней природе кармическим действием, именно они и главенствуют в формировании [потока дхарм]», — пишет Васубандху в карике 1.15 АКБ [Васубандху, 1998, с. 206], имея в виду под потоком дхарм то, что мы на обыденном нашем языке называем личностью (понятно, что, согласно базовым положениям буддийской философии, не существует никакой постоянной личности, а то, что мы так называем, в действительности представляет собой поток непрерывно сменяющих друг друга элементарных психофизических состояний, которые и обозначаются термином *dharma*). Асанга в АС определяет термин *saṃskāra* так: «Суть [группы формирующих факторов] — формирование и конструирование, посредством которого сознание влечется к благому, неблагому и нейтральному» (*saṃskārabhisāṃskāra (svabhāvo) yena kuśalākuśalāvyakṛteṣu pakṣeṣu cittaṃ prerayati*) [Asanga, 1950, p. 2]. Сthирамати же отмечает в комментарии, что в любом случае «основой» для вызревания любых кармических последствий выступает сознание-сокровищница, вмещающая как потенциальные аффекты (*bīja*) и кармически обусловленные мыслительные и поведенческие диспозиции (*vāsanā*), так и сами дхармы, составляющие группу формирующих факторов [Sthiramati, 1976, p. 2]. К группе формирующих факторов в АС отнесены различные эмоциональные состояния и психические способности — такие как внимание (*manaskāra*), сосредоточение (*samādhi*), страсть (*rāga*), ложные воззрения (*mithyādṛṣṭi*), гнев (*krodha*), рассуждение (*vitarka*), рефлексия (*vicāra*) и др., а также формирующие факторы, не контролируемые сознанием (*citta-viprayukta saṃskāra*) [Asanga, 1950, p. 5], которые в сумме и обуславливают то или иное последующее рождение индивида. Очевидно, что если в нынешней жизни некто дает волю гневу (*krodha*), злобе (*pradāśa*) и тому подобным аффектам, то они заложат в индивидуальном потоке дхарм такие кармические тенденции, которые приведут в будущей жизни к рождению этого индивида в аду (*paraka*). Но это состояния, которые человек может контролировать, наряду же с ними существуют факторы, не поддающиеся сознательно-

му контролю, — *grāpti* (букв. «постижение» или «обретение»), дхарма, обеспечивающая единство индивидуального потока (*saṃtāna*) дхарм, различные виды йогического сосредоточения, жизнеспособность (*jīvitendriya*) и др. [Островская Е.П., Рудой В.И., 1998, с. 137]. Среди формирующих факторов, не подлежащих сознательному контролю, перечисляются, в частности, группы имен (*nāmakāya*), группы слов (*padakāya*), группы фонем (*vyañjanakāya*) [Asanga, 1950, p. 10], ответственные за вербализацию опыта или, проще говоря, за понимание человеком всего, что происходит с ним, включая в первую очередь его собственную психику, и за возможность передачи этого понимания другому — прежде всего, естественно, наставнику, ведущему члена буддийской сангхи по пути к просветлению. Действие этих формирующих факторов невозможно преодолеть — можно только в этой жизни вести себя так, чтобы в следующей жизни факторы, не поддающиеся сознательному контролю, не препятствовали просветлению или, лучше, способствовали продвижению к нему.

Возвращаясь к классификации по взаимосвязям, мы видим, что всякий объект представляет собой единство всех этих пяти уровней и далеко не последнюю роль в его формировании играют дхармы *санскара-скандхи*. Наблюдаемый нами предмет есть всегда результат вызревания прежней кармы, следы которой сохраняются в сознании-сокровищнице и проявляются в следующей жизни (или одной из следующих жизней) как эмпирически воспринимаемые предметы. Язык и концептуальные структуры вообще существенно важны для этого процесса, так как ими в значительной мере определяется поведение человека, его эмоции, цели, которые он перед собой ставит, — короче говоря, все то, что может способствовать или препятствовать просветлению. Стхирамати при этом делает одну важную оговорку: «Так ощущения и т.д. постигаются каждое с сопровождающими [его дхармами] и включаются в пять *скандх*» (*evaṃ vedanādayāpi pratyekaṃ saparivārā gr̥yamāṇāḥ pañcabhiḥ skandhaiḥ saṃgrhīta bhavanti*) [Sthiramati, 1976, p. 46]. Ключевые слова в этом фрагменте — «с сопровождающими [его дхармами]» (*saparivārā*). Каждое элементарное психофизическое состояние понимается здесь как такое, которое влечет за собой

другие состояния и в то же время обусловлено какими-то предшествовавшими состояниями, которые и выступают как *parivāra* — букв. «окружение, последователи, свита». В АК *parivāra* встречается лишь один раз, но его контекст вполне ясно указывает на смысл этого слова. В карике 4.120 Васубандху пишет: «Действие называется накопленным вследствие обдуманности и завершенности, отсутствия сожаления и противодействия, своего сопровождения (*parivāra*. — С.Б.) и созревания [плода]» (*saṃcetasamāptibhyāṃ niṣkraur̥tya vipakṣataḥ / parivārādvipākācca karmopacittamucyate*) [Васубандху, 2001, с. 620; Vasubandhu, 1967, p. 271]. Смысл карики, согласно АКБ, таков: действие порождает кармический плод, если оно было умышленным (случайные или рефлекторные действия карму не порождают), если оно завершено (его результат налицо) и сопровождается благими или неблагими дхармами [Васубандху, 2001, с. 621; Vasubandhu, 1967, p. 272].

Классы дхарм, выделяемые по времени и направлению в пространстве, специальных комментариев не требуют. Асанга пишет о них: «Что такое класс, [выделяемый] по направлениям? [Это отнесение] групп, элементов и источников [сознания] по собственному признаку ориентации на восток; так же следует понимать и группы, элементы и источники [сознания], ориентированные в других направлениях. Что такое класс, [выделяемый] по времени? [Это] класс групп, элементов и источников [сознания] прошлого, [понимаемого как их] собственный признак, [а также понимаемых аналогичным образом] групп, элементов и источников [сознания] будущего и настоящего» [Asanga, 1950, p. 46]. Стхирамати не уделяет этим классам внимания.

Однако более пространно он пишет о другом классе — «частичном классе» (*ekadeśasaṃgraha*). Асанга пишет об *ekadeśasaṃgraha* так: «Что такое частичный класс? Как частичный класс надо понимать то определенное множество дхарм, которое включено в группы, элементы и источники [сознания]» [Asanga, 1950, p. 46]. Стхирамати же связывает этот класс с базовыми этическими понятиями буддизма. *Рупа-скандха* в его комментарии связывается с группой звеньев благородного восьмеричного пути (*ārya-aṣṭāṅgika-mārga*),

относящихся к категории śīla (нравственность), или правильной (или совершенной) речью (samyag vāk), правильным поведением (samyak karmānta) и правильным образом жизни (samyag ājīva) [Sthiramati, 1976, p. 46]. Совершенная речь понимается как отказ от лжи, клеветы, распространения слухов, грубости в словах и празднословия [Лама Анагарика Говинда, 1993, с. 67]. Совершенная речь, говорит Будда в «Ангуттара-никае», правдива, в то же время способствует примирению, устранению споров и вражды, укреплению в истинных воззрениях и т.д. [The Numerical Discourses..., 2012, p. 267–268]. Совершенное поведение предполагает отказ от насилия, присвоения чужого, половой распущенности и заботу о благе всех живых существ. Совершенный образ жизни понимается как отказ от любых занятий, ведущих к причинению вреда живым существам (торговля оружием или ядами, ростовщичество, гадание и т.п.) [Лама Анагарика Говинда, 1993, с. 68]. Интересно, что именно нравственность связывается в комментарии Стхирамати с группой дхарм, ответственных за существование материального мира. Из этого видно, что śīla понимается в буддизме как группа предписаний, направленных на контроль за материальной стороной жизни адепта — его речью и действиями, тогда как остальные звенья восьмеричного пути нацелены более на изменение психологических установок индивида. Оставшиеся пять звеньев — это группа мудрости (prajñā), включающая совершенные воззрения (samyag drṣṭi) и совершенную решимость (samyak saṃkalpa), и группа медитативного сосредоточения (samādhi), в которую входят совершенное усилие (samyag vūyāma), совершенное памятование (samyak smṛti) и совершенное сосредоточение (samyak samādhi) [Лама Анагарика Говинда, 1993, с. 68–69]. Стхирамати связывает их со скандхой формирующих факторов (samādhiprajñāskandhau saṃskāraskandhaikadeśena) [Sthiramati, 1976, p. 46], и это тоже вполне объяснимо: совершенное усилие, направленное на уничтожение уже возникших в нашем сознании аффектов, предотвращение появления еще не возникших и пестование благих дхарм, совершенное памятование как постоянная рефлексия над всем, что происходит с телом и психикой адепта, и другие элементы восьмеричного пути позволяют исключить появление эмоций и воли-

тивных импульсов, которые влекут человека к созданию неблагих кармы и закабалению в сансаре. Благодаря этому адепт также влияет на citta-viprayukta saṃskāra — естественно, не на те, что уже наличествуют в его психике, а на те, которые появятся в данном потоке дхарм в будущем рождении.

Примечательно в комментарии Стхирамати и то, что сферу дхарм (или дхармический класс элементов, dharmadhātu) он связывает с чувственным миром (kāmadhātu), а манас и дхармовый источник сознания — с миром не-форм. Буквально он говорит так: «Сферы чувственности, враждебности и насилия односторонне охватываются сферой дхарм; сферы бесконечного пространства и др. односторонне охватываются [множеством дхарм] ментального и дхармового источников [сознания]» (kāma-vyāpādahimsādhātavo dharmadhātvekaśeṣena saṃgrhītāḥ / ākāśānantyāyatanādīni manodharmāyatanaikadeśena saṃgrhītāni) [Sthiramati, 1976, p. 46]. Напомним, что во множество элементов (dhātu) входят шесть способностей восприятия (пять чувств и mana-indriya, ответственная за познание дхарм), шесть соответствующих им типов объектов внешнего мира (видимое, слышимое и т.д., а также дхармы как опора или источник сознания) и шесть соответствующих им сознаний, во множество же аятан включаются только шесть способностей восприятия и шесть типов объектов. Классификация по классам элементов предполагает описание психики индивида в терминах отдельных дхарм (элементарных психофизических состояний), причем психика рассматривается в ее динамике — для этого вводится понятие психологического времени (adhvan), отличного от обычного физического времени (kāla) [Рудой В.И., 1998, с. 74]. Сфера дхарм в АК и АКБ понимается как множество дхарм, охватывающее три скандхи (vedanā-skandha, saṃjñā-skandha, vijñāna-skandha), непроявленное (avijñapti), пространство эмпирического опыта (ākāśa) и два вида прекращения волнения дхарм — посредством разума и без его помощи (pratisaṃkhyānirodha и apratisaṃkhyānirodha) [Васубандху, 1998, с. 207; Островская Е.П., Рудой В.И., 1998, с. 137]. Иначе говоря, Стхирамати истолковывает слова Асанги (то есть собственно, всю предшествующую традицию толкования Абхидхармы) в том смысле, что дхармовый элемент включает в

себя не просто *скандхи* ощущений (*vedanā*), понятий и представлений (*saṃjñā*) и т.д., но охватывает весь чувственный мир с присущими ему враждебностью и насилием, обусловленными стремлением непросветленного сознания к чувственным наслаждениям и его страхом перед страданием. Однако можно ли сказать, что содержание дхармовой сферы полностью исчерпывается страстью к чувственным наслаждениям, враждебностью и насилием? Очевидно, нет — ведь в *dharmadhātu* входят также дхармы, свободные от причинной обусловленности (*asamskrta-dharma*) — *акаша* и два прекращения. Эти дхармы свободны от притока аффектов (*anāsrava*) и не закабаляют сознание в сансаре, так что дхармовая сфера (*dharmadhātu*) включает в себя и то, что является причиной закабаления, и то, благодаря чему становится возможным освобождение и обретение нирваны.

Далее Стхираматти говорит о сфере бесконечного пространства, которая относится уже не к чувственному миру и даже не к миру форм (*rūpadhātu*), а к миру не-форм (*arūpyadhātu*). В этой сфере отсутствуют уже какие-либо чувственно воспринимаемые объекты (которые еще наличествуют в мире форм) и объектом сознания становится то, что дано ему интуитивно и непосредственно (*prañārtuālabhana*). В качестве такого объекта сознанию в этой сфере дано лишь чистое пространство (*ākāśa*), бесконечное и свободное от каких бы то ни было предметов. Анагарика Говинда полагает, что в этом чистом пространстве еще существуют оппозиции типа «выше — ниже» или «слева — справа» и т.п., т.е. *акаша* все же остается до известной степени структурированной. Отсутствие чего бы то ни было (*ākīṃsanūāyatana*) в этом пустом пространстве само становится объектом сознания. Однако согласно одному из базовых постулатов не только буддийской, но и вообще индийской эпистемологии сознание всегда обретает форму того объекта, который оно познает, и без этого никакое познание не было бы возможным. Это справедливо и для мира не-форм: сознание обретает форму бесконечного пустого пространства, и результатом этого оказывается переживание бесконечности уже самого сознания (*viññānāntuāyatana*). Это в конце концов выводит медитирующего адепта к состоянию «ни восприятия, ни отсутствия восприятия» (*naīvasaṃjñānāsaṃjñāyatana*) [Лама

Анагарика Говинда, 1993, с. 86–87]. В то же время непонятно, каким образом мир, пространственно структурированный, может называться миром не-форм. Хинаянская традиция в АК и АКБ Васубандху представляет этот мир как совершенно лишенный каких бы то ни было пространственных соотношений, о чем недвусмысленно сказано в карике 3.3: «Мир не-форм — без местопребывания» (*ārūpyadhāturasthānaḥ*) [Vasubandhu, 1967, p. 113; Васубандху, 2001, с. 181]. АКБ гласит, что «у нематериальных дхарм нет местоположения. Прошедшие и будущие [дхармы], непроявленные и нематериальные дхармы не имеют пространственного расположения — такова неизменная закономерность» [Васубандху, 2001, с. 181].

Как бы там ни было, Стхираматти связывает четыре сферы мира не-форм с множеством дхарм ментального источника сознания (*manāyatana*) и дхармовой опоры (*dharmāyatana*). В АКБ *manāyatana* отождествляется со *скандхой* сознания (*viññāna-skandha*) [Васубандху, 1998, с. 207], сознание же, как пишет Васубандху, есть осознание каждого объекта (*viññāṇaṃ prativijñaptiḥ*) [Vasubandhu, 1967, p. 11]. Как поясняют Е.П. Островская и В.И. Рудой в примечании к этому фрагменту, ссылаясь на комментарий «Спхутартха-Абхидхармакоша-вьякхья» Яшомитры, «сознание (*viññāna*) здесь — это осознание каждого объекта, “схватывание” (*upalabdhi*) его актуальной перцептивной данности, т.е. чистой наличности. В абхидхармистском дискурсе *upalabdhi* интерпретируется как “схватывание” только объекта (*vastu-mātra*), восприятие одного лишь факта наличия объекта, в противоположность другим элементам психики (*caitasika*), которые представляют собой формы восприятия и интерпретации единичных и общих свойств объектов» [Васубандху, 1998, с. 272]. Согласно интерпретации понятия *āyatana*, данной О.О. Розенбергом, «аятаны — это те элементы, на основании которых может появиться в данный момент сознание; они поэтому называются “воротами”, через которые проходит сознание, или “базами”, на которых зиждется сознание» [Розенберг О.О., 1991, с. 127]. Он подчеркивает при этом, что *аятаны* по отношению к *дхату* (элементам познавательного акта) определяются хронологически: классификация дхарм по источникам (или базам, как переводит Розенберг) сознания

относится к составу данного момента, классификация же по *дхату* — к составу момента, непосредственно следующего за данным, ибо сознание появляется лишь в следующее мгновение (*кṣaṇa*) после чувственного восприятия [Розенберг О.О., 1991, с. 128]. Из этой короткой фразы Стхирамати становится очевидно, что к элементам познавательного акта — т.е. к сознанию в настоящий момент, со всем его содержанием — относится чувственный мир, источники же ментального или умозрительного сознания (как внешние, так и внутренние) комментатор относит к миру не-форм.

Следующий класс, о котором говорит Асанга, — универсальный. В АС он определяется так: «Как универсальный класс надо понимать любые дхармы, которые включены в группы, элементы и источники [сознания]» [Asanga, 1950, р. 32]. Стхирамати поясняет: «В универсальный класс входит группа [дхарм, связанных со] страданием, [то есть] пять *скандх*, сопровождаемых становлением, восемнадцать элементов чувственного мира, [а также] бессознательное сосредоточение как источник сознания истины, но не те десять источников сознания, [которые связаны с ощущениями] запаха и вкуса» (*sakalasaṃgrahaṇa duḥkhaśāntaḥ pañcabhirupādānaskandhaiḥ saṃgrhītaḥ, kāmadhāturaśāntaśābhirdhātubhiḥ, asaṃjñi sattvāyatanaṃ daśabhirāyatanaṃ gandharasāyatana varjaiḥ saṃgrhītam*) [Sthiramati, 1976, р. 46]. Насколько можно понять Асангу и Стхирамати, речь идет о множестве дхарм, сопровождаемых притоком аффективности, а значит, и страданием, причем Стхирамати включает сюда, особо выделяя его, один из элементов множества формирующих факторов — *asaṃjñisamāpatti*, бессознательное сосредоточение. В карике 1.11 АК Васубандху говорит о «непроявленном» (*avijñapti*), разъясняя, что под этим термином имеется в виду последовательность дхарм индивида, сознание которого рассеяно или отсутствует (*vikṣiptācittaka*), а комментарий гласит, что под индивидом, сознание которого отсутствует (*acittaka*), имеется в виду индивид, пребывающий в состоянии бессознательного сосредоточения или в состоянии «прекращения сознания» [Васубандху, 1998, с. 202]. Далее, в карике 1.27 и комментарии к ней указано, что точно таким же образом следует рассматривать и чистые группы, т.е. дхармы групп нравственно-

сти, сосредоточения, мудрости, освобождения и видения, характеризующегося знанием освобождения (соотв. *śīla, samādhi, prajñā, vimukti, vimuktijñānadarśana*). Как поясняют Е.П. Островская и В.И. Рудой, «десять сфер, обозначаемых как десять источников всеобщности (*kṛtsnāyatana*), характеризуют ступени йогического сосредоточения. Измененные состояния сознания на каждой из них описываются с привлечением терминов “группа”, “источник”, “элемент”, и в то же время эти специальные значения терминов могут быть подведены (*saṃgrhita*) посредством содержательного анализа дхарм под установленные классификационные категории» [Островская Е.П., Рудой В.И., 1998, с. 152]. Речь идет, следовательно, о дхармах, относящихся к чистым группам: они не входят в число дхарм, сопровождающихся становлением, с их помощью описывается психотехнический опыт, но все они наряду с дхармами пяти *скандх* входят в универсальный класс (*sakalasaṃgraha*). Об этом, собственно, прямо говорит Стхирамати: «Сколько дхарм, групп, элементов и источников сознания перечислено в других сутрах, столько, надо понимать, их включено без остатка в универсальный класс» (*evaṃ kṛtvā yāvanto dharmāḥ skandhadhātuvāyatanaḥ saṃgrhītaḥ sūtrāntareṣu teṣāmaśeṣataḥ saṃgrahaḥ sakalasaṃgraho veditavyaḥ*) [Sthiramati, 1976, р. 46].

О соотносительном классе Асанга говорит пространно, и здесь нет необходимости цитировать соответствующий фрагмент. Достаточно лишь сказать, что этот класс автор АС понимает как результат рассмотрения групп, элементов и источников сознания в соответствии с их порядком относительно друг друга [Asanga, 1950, р. 32], Стхирамати же только повторяет то, что было сказано в комментируемом тексте.

Наконец, абсолютный класс (*paramārthasaṃgraha*) определяется Асангой как «класс групп, элементов и источников [сознания] в соответствии с истинной реальностью (*tathatā*)» [Asanga, 1950, р. 32], Стхирамати же вообще никак не комментирует этот фрагмент, полагая его вполне очевидным и без пояснений.

Чтобы по достоинству оценить значение введения понятия класса (*saṃgraha*) Асангой, следует обратиться теперь к характерным для буддизма представлениям о природе понятийного мышления. Когда Васубандху в АК пи-

шет, что сущность *санджня-скандхи* — это схватывание конкретных, чувственно данных свойств и их различение [Васубандху, 1998, с. 206], и тем самым проводит разграничение между *санджня-скандхой* и *ведана-скандхой* (группой дхарм, относящихся к ощущениям), ясно, что под *сап̄jñā* имеются в виду уже не элементарные ощущения, а их осознанные результаты, воспринимаемые субъектом как качества чувственно данных объектов — качества, которые, в принципе, могут быть абстрагированы от них и субстантивированы (например, когда мы абстрагируем свойство цвета от всех белых предметов и вводим понятие «белизна»). Как писал значительно позднее другой йогачаринский мыслитель — Дхармакирти (VII в.), чувствами познается единичная сущность объекта (*svaḡūra*), тогда как разумом — общая его природа, та, которую он разделяет со множеством других предметов (*sādhāraṇa ḡūra*), причем эта общая сущность есть сущность *воображаемая* (*saṃāropyaṃāna*) [Щербатской Ф.И., 1995, с. 149]. Общая сущность конструируется мышлением индивида из множества отдельных элементарных восприятий качеств объекта [Щербатской Ф.И., 1995, с. 152]. Мы усматриваем в некотором множестве предметов ряд общих свойств и на этом основании объединяем предметы в единый класс, ожидая, что и любой другой предмет, если он принадлежит к данному классу, будет иметь те же самые свойства, даже если реально на опыте они по какой-либо причине не воспринимаются. Сознание, таким образом, само конструирует свои объекты (*ālambana*), и не предмет оставляет в сознании свой «отпечаток» или образ, а само сознание строит представление о предмете [Канаева Н.А., Заболотных Э.Л., 2002, с. 229]. В «Хетубинду» Дхармакирти прямо называет единичное одним из трех возможных оснований для логического вывода (два других — это действие и невосприятие) [Dharmakīrti, 1967, Bd. II, S. 39]. Тем не менее никто из буддийских мыслителей не считал общие понятия *совершенно* пустыми — напротив, каждое из них (кроме, разумеется, логически-пустых понятий типа «деревянного железа») понималось как имеющее определенное наполнение, так что между любой парой понятий можно было установить определенное отношение. В частности, одним из таких возможных отношений является отношение включения (*vyāpti*),

когда экстенционал одного понятия полностью входит в экстенционал другого. Такие отношения между понятиями возможны лишь тогда, когда их экстенционалы не просто непусты, но включают множество элементов, больше одного. В этом случае мы имеем некоторое множество объектов, однородных по какому-либо признаку или ряду признаков, и на этом основании можем по наличию некоторого наблюдаемого признака сделать вывод о существовании ненаблюдаемого [Щербатской Ф.И., 1995, с. 231–233].

Каков смысл понятия класса (*saṃgraha*), если учесть сказанное? Очевидно, он не отражает никакой истинной реальности (*tathatā*), как она понималась в йогачаре, — *saṃgraha* представляет собой всего лишь совокупность тех или иных реалий буддийского психокосма, выделяемых по определенным признакам. Единственной реальностью в буддийской философии являются дхармы, а согласно философии йогачары просветление наступает тогда, когда прекращается безначальное возникновение и исчезновение обусловленных дхарм и остается лишь необусловленная дхарма — сознание-сокровищница, избавленное от актуальных и потенциальных аффектов и кармически детерминированных поведенческих и мыслительных диспозиций. В трактатах Абхидхармы все эти элементарные психофизические состояния классифицируются, как известно, по пяти группам, восемнадцати элементам познавательного акта и двенадцати источникам сознания, в АС же Асанга вводит как минимум еще одну классификацию — по классам, не отменяя, естественно, традиционные классификации и как бы надстраивая ее над ними. Распределение множеств дхарм по классам в рамках буддийской религиозной прагматики дает возможность определить место каждого множества — группы, совокупности элементов познавательного акта или источников сознания — по отношению к другим аналогичным множествам, выделив для каждого собственный признак (*svalakṣaṇa*), установить их взаимоотношения, детерминирующие особенности воспринимаемых и познаваемых объектов, и определить их отношение к времени, пространству и, что особенно важно, выявить их эмоциональный аспект, что имеет непосредственное отношение к высшей цели буддийских религиозных практик — просветлению.

Список литературы

Бурмистров С.Л. Практики трансформации сознания в буддийской культуре: деавтоматизация и ресемантизация // Человек. 2017. № 3. С. 141–159.

Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 1. Разд. I: Учение о классах элементов; Разд. II: Учение о факторах доминирования в психике / изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: Ладомир, 1998. 670 с.

Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 2: Разд. III: Учение о мире; Разд. IV: Учение о карме / изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: Ладомир, 2001. 755 с.

Канаева Н. А., Заболотных Э. Л. Проблема выводного знания в Индии. Логико-эпистемологические воззрения Дигнаги и его идейных преемников. М.: Восточная литература, 2002. 326 с.

Лама Анагарика Говинда. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 472 с.

Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья: Историко-философское исследование / пер. с санскрита и коммент. В.К. Шохина. М.: Восточная литература, 2001. 504 с.

Островская Е. П., Рудой В. И. Реконструкция // Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 1. Разд. I: Учение о классах элементов; Разд. II: Учение о факторах доминирования в психике / изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: Ладомир, 1998. С. 117–191.

Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 295 с.

Рудой В. И. Введение в буддийскую философию // Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 1. Разд. I: Учение о классах элементов; Разд. II: Учение о факторах доминирования в психике / изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: Ладомир, 1998. С. 11–113.

Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов: в 2 ч. СПб.: Аста-пресс ltd., 1995. Т. 2. 282 с.

Asanga. Abhidharma-samuccaya / ed. by P. Pradhan. Santiniketan: Visva-Bharati, 1950. 110 p.

Asanga. Abhidharma-samuccaya: The Compendium of the Higher Teaching (Philosophy) / transl. from French by S. Boin-Webb. Fremont: Asian Humanities Press, 2001. 360 p.

Asanga. Le compendium de la super-doctrine (philosophie) Abhidharmasamuccaya / trad. par W. Rahula. Paris: École Française de l'Extrême-Orient, 1971. 236 p.

Dharmakīrti. Hetubindu / hrsg. und übers. von E. Steinkellner. Wien: Hermann Böhlaus, 1967.

Shīramati. Abhidharma-samuccayabhāṣyam / ed. by N. Tatia. Patna: Kāśīprasāda Jāyasavāla-Anuśīlana-Saṁsthā, 1976.

The Numerical Discourses of the Buddha: A Translation of the Aṅguttara Nikāya / transl. by Bhikkhu Bodhi. Boston: Wisdom Publications, 2012. 1944 p.

Vasubandhu. Abhidharmakośabhāṣyam / ed. by P. Pradhan. Patna: K.P. Jayaswal Research Institute, 1967.

Получено 10.08.2018

References

Anagarika Govinda (1993). *Psikhologiya rannego buddizma. Osnovy tibetskogo mistitsizma* [Psychology of early Buddhism. The foundations of Tibetan mysticism]. Saint-Petersburg: Andreev i synov'ia Publ., 472 p.

Asanga (2001). *Abhidharmasamuccaya: The Compendium of the Higher Teaching (Philosophy)*, trans. by S. Boin-Webb. Fremont: Asian Humanities Press., 360 p.

Asanga (1971). *Le compendium de la super-doctrine (philosophie) Abhidharmasamuccaya, trad. par W. Rahula* [The compendium of super-doctrine (philosophy) Abhidharma samuccaya, trans. by W. Rahula]. Paris: French School of the Far East Publ., 236 p.

Bhikkhu Bodhi (tr.) (2012). *The Numerical Discourses of the Buddha: A Translation of the Aṅguttara Nikāya* [The Numerical Discourses of the Buddha: A Complete Translation of the Anguttara Nikaya]. Boston: Wisdom Publ., 1944 p.

Burmistrov, S.L. (2017). *Praktiki transformatsii soznaniya v buddiiskoy kul'ture: deavtomatizatsiya i resemantizatsiya* [Practices of transformation of consciousness in Buddhist culture: deauthoritization and resemantization]. *Chelovek* [Human]. No. 3, pp. 141–159.

Dharmakīrti. (1967). *Hetubindu, hrsg. und übers. von E. Steinkellner* [Hetubindu, ed. and trans. by E. Steinkellner]. Vienna: Hermann Böhlaus Publ.

Kanaeva, N.A. and Zabolotnykh, E.L. (2002). *Problema vyvodnogo znaniya v Indii. Logiko-epistemologicheskie vozzreniia Dignagi i ego ideynykh preemnikov* [The problem of inferential knowledge in India. Logical and epistemological views of Dignāga and his ideological successors]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 326 p.

Ostrovskaja E. P., Rudoi V. I. (1998). *Rekonstruktsiia* [Reconstruction]. *Vasubandhu. Entsiklopediia Abhidharmy (Abhidharmakośa). T. 1: Razdel I: Uchenie o klassakh elementov; Razdel II: Uchenie o faktorakh dominirovaniia v psikhike* [Vasubandhu. The encyclopedia of Abhidharma. Vol. 1; Pt. 1: The theory of the classes of elements; Pt. 2: The theory of the factors of domination in the mind]. Moscow: Ladamir Publ., pp. 117–191.

Vasubandhu (1998). *Entsiklopediia Abhidharmy (Abhidharmakośa). T. 1: Razdel I: Uchenie o klassakh elementov; Razdel II: Uchenie o faktorakh dominirovaniia v psikhike* [The encyclopedia of Abhidharma. Vol. 1; Pt. 1: The theory of the classes of elements; Pt. 2: The theory of the factors of domination in the mind]. Moscow: Ladamir Publ., 670 p.

Vasubandhu (2001). *Entsiklopediia Abhidharmy (Abhidharmakośa) T. 2: Razdel III: Uchenie o mire; Razdel IV: Uchenie o karme* [The encyclopedia of Abhidharma Vol. 2. Pt. 3: The theory of the world; Pt. 4: The theory of karma]. Moscow: Ladamir Publ., 755 p.

Asanga (1950). *Abhidharma samuccaya*, ed. by P. Pradhan. Santiniketan: Visva-Bharati, 110 p.

Vasubandhu (1967). *Abhidharmakośabhāṣyam*, ed. by P. Pradhan. Patna: K. P. Jayaswal Research Institute Publ.

Rozenberg, O.O. (1991). *Trudy po buddizmu* [Essays on Buddhism]. Moscow: Nauka Publ., GRVL Publ., 295 p.

Rudoi, V. I. (1998). *Vvedenie v buddiiskuiu filosofiiu* [Introduction to Buddhist philosophy]. *Vasubandhu. Entsiklopediia Abhidharmy (Abhidharmakośa). T. 1: Razdel I: Uchenie o klassakh elementov; Razdel II: Uchenie o faktorakh dominirovaniia v psikhike* [Vasubandhu. The encyclopedia of Abhidharma. Vol. 1; Pt. 1: The theory of the classes of elements; Pt. 2: The theory of the factors of domination in the mind]. Moscow: Ladamir Publ. pp. 11–113.

Scherbatskoy, F.I. (1995). *Teoriya poznaniya i logika po ucheniyu pozdneyshikh buddistov: v 2 ch.* [Theory of knowledge and logic according to later Buddhists: in 2 pts]. Saint-Petersburg: Asta-press ltd. Publ., vol. 2, 282 p.

Shokhin, V.K. (tr.) (2001). *N'yaya-sutry. N'yaya-bkhash'ya. Istoriko-filosofskoe issledovanie* [Nyaya-sutras. Nyaya-bhashya. Historical and philosophical research.] Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 504 p.

Shiramati (1976). *Abhidharmasamuccaya-bhāṣyam, pod red. N. Tatia*, [Abhidharma samuccaya, ed. by N. Tatia]. Patna: Kāśīprasāda Jāyasavāla-Anuśīlana-Saṁsthā Publ.

Received 10.08.2018

Об авторе

Бурмистров Сергей Леонидович

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник сектора Южной Азии
отдела Центральной и Южной Азии

Институт восточных рукописей РАН,
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18;
e-mail: s.burmistrov@hotmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5455-9788>

About the author

Sergey L. Burmistrov

Doctor of Philosophy,
Leading researcher, Section of South Asian Studies,
Department of Central Asian and South Asian Studies

Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya emb., Saint Petersburg, 191186, Russia;
e-mail: s.burmistrov@hotmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5455-9788>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бурмистров С.Л. Понятие класса (samgraha) в логике ранней йогачары (по трактату Асанги «Abhidharma-samuccaya») // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 55–66. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-55-66

For citation:

Burmistrov S.L. The concept of class (samgraha) in early Yogācāra logic (based on Asanga's «Abhidharma-samuccaya») // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 55–66. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-55-66

УДК 130.2:316.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-67-74

«БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Береснев Владимир Дмитриевич, Береснева Наталья Ириковна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Поводом для написания статьи послужила дискуссия, развернувшаяся в региональных и федеральных СМИ по поводу акции «Бессмертный полк». В статье рассматриваются социокультурные и философские основания этой акции. С научной точки зрения она представляет собой ритуал, а ее содержательная сторона может быть рассмотрена с точки зрения теории коллективной памяти. Будучи действием, основанным на синтезе индивидуальной и коллективной памяти участников, акция, по мнению авторов, выглядит как практическое воплощение «Философии общего дела» Н. Федорова. Если попытаться экстраполировать рассмотренные в статье тенденции на несколько десятилетий вперед, то можно предсказать трансформацию мероприятия в неофициально празднуемый день всех погибших в войнах и катастрофах, причем не только на территории России и постсоветского пространства, но и в дальнем зарубежье. Мы можем ожидать роста разнообразия интерпретаций акции «Бессмертный полк» и, как следствие, — возникновения разнообразных конфликтов на этой почве. В этой связи для философии, культурологии и других гуманитарных наук возникает актуальная практическая задача по созданию политкорректной и устойчивой к мультикультурным влияниям концепции праздника.

Ключевые слова: «Бессмертный полк», ритуал, коллективная и индивидуальная память, философия общего дела.

«IMMORTAL REGIMENT»: SOCIOCULTURAL CONTEXT AND PHILOSOPHICAL REFLECTION

Vladimir D. Beresnev, Natalya I. Beresneva

Perm State University

The reason for writing the article was the discussion in the regional and federal media about the «Immortal Regiment» movement. The article deals with the socio-cultural and philosophical foundations of the event. Scientifically, it is a ritual, and its content can be considered in terms of the theory of collective memory. According to the authors, as an action based on the synthesis of individual and collective memory of the participants, the movement appears to be a practical embodiment of N. Fedorov's «philosophy of the common cause». If we extrapolate the trends considered in the article to several decades ahead, we can predict the transformation of the event into an unofficially celebrated day of all those killed in wars and disasters not only in Russia and the former Soviet Union but also in other foreign countries. We can expect an increase in the variety of interpretations of the «Immortal Regiment» movement and, as a result, emergence of various conflicts on this ground. In this regard, philosophy, cultural studies and other humanities are facing a practical task of developing a concept of the holiday that would be politically correct and resistant to multicultural influence.

Keywords: «Immortal regiment», ritual, collective and individual memory, philosophy of the common cause.

Введение

Вопрос о практической применимости философского знания сегодня не является риторическим в отрицательном смысле. С развитием «экономики впечатлений» и завершением формирования информационного общества окружающая нас реальность становится зримо «философской» — наполняется концептуальными моделями, различными интерпретациями происходящих в природе и обществе явлений, настоящее и даже прошлое обретает вероятностный характер. Проблемные ситуации, требующие для своего разрешения философской рефлексии, постоянно возникают в повседневной жизни социума, в то время как отечественная философия далеко не всегда своевременно и конструктивно на них реагирует.

Проблемная ситуация

Поводом для написания статьи послужила дискуссия, развернувшаяся в региональных пермских и федеральных СМИ вокруг акции «Бессмертный полк» в Перми и зашедшая в тупик в рамках публицистического дискурса. Дискуссия развернулась вокруг двух инцидентов.

Первый инцидент — запрет на Знамя Победы в акции «Бессмертный полк» в Перми 9 мая 2018 г. Первые публикации на эту тему появились на сайтах ИА «Красная весна» [Война с историей, 2018] и «Накануне.ру» [В Перми 9 мая запретили Знамя Победы, 2018], где были опубликованы интервью с П. Гурьяновым, одним из активистов пермского отделения общественного движения «Суть времени». Главным посылом инициированного им общественного протеста стало то, что акция «превращается в траурное и подавленное шествие скорби, а не в праздник Победы» [В Перми 9 мая запретили Знамя Победы, 2018], в то время как согласно российскому законодательству «Знамя Победы является официальным символом победы советского народа и его Вооруженных сил над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, государственной реликвией России» [Указ Президента РФ, 1996]. Инициатором запрета выступила координатор МИПОД «Бессмертный полк» в Перми С. Отмахова, которая действовала в соответствии с п. 4 Устава пермского отделения «Бессмертного полка», согласно которому в рамках акции не допускается

использование любой корпоративной, политической или иной символики, а также портретов военачальников, общественных и политических деятелей времен Великой Отечественной войны, если они не являются родственниками участника акции [Устав полка, 2014]. Кстати, годом ранее в Перми в рамках акции «Бессмертный полк» был запрещен баннер с портретом И. Сталина [Скандал с запретом..., 2018].

Второй инцидент — протест того же П. Гурьянова в адрес Пермской государственной художественной галереи, где с апреля по июнь 2018 г. демонстрировалась выставка фотографий «Пермь как Пермь», посвященная проблемам визуальной идентификации города. На выставке были представлены фотографии шествия «Бессмертного полка» в Перми в 2017 г. и молодежного «Зомби-парада» в 2014 г. Размещенные рядом фотографии сопровождался текстом аннотации, где было сказано о смене традиций, оказавшихся несовместимыми в российской культуре (из личной беседы с одним из организаторов «Зомби-парада» в Перми А. Уткиным мы выяснили, что зомби-карнавалы в Перми прекратились в 2015 г., в связи с началом акций «Бессмертного полка», хотя официально шествия «живых мертвецов» никто не запрещал). В интервью П. Гурьянова в «Красной весне» по поводу выставки в галерее сказано, что кураторы сравнили «Бессмертный полк» с «Зомби-карнавалом» [Война идей..., 2018], а в более поздних публикациях уже говорилось не просто о сравнении, а о преемственности указанных мероприятий [В пермской галерее..., 2018].

9 июня 2018 г. гражданином А.Ф. Мининым было составлено обращение к Президенту РФ В.В. Путину: «Уважаемый Владимир Владимирович! На интернет-портале “Российский писатель” была размещена статья Александра Боброва, где говорилось, что 9 мая власти Перми запретили людям нести Знамя Победы (его копии) на акции “Бессмертный полк”. На запросы и протесты граждан либо не отвечают, либо хитро уклоняются от прямого ответа. Пишется также, что организация акции была поручена журналистке “Эха Перми” (по всей видимости, входящей в “Эхо Москвы”). А в Пермской государственной художественной галерее открылась выставка, на которой “Бессмертный полк” глумливо сравнивали с шествием зомби. Можете ли Вы отреагировать на это?!» [Обращение в Ад-

министрацию Президента РФ..., 2018]. Обращение было перенаправлено в Пермскую государственную художественную галерею для разъяснения ситуации кураторской группой.

В настоящий момент конфликт увяз в бюрократических процедурах, но не исчерпан, поскольку публикации на эту тему продолжают, а организаторы «Зомби-парада» попытались возобновить карнавальные шествия в августе 2018 г., столкнувшись с громкими протестами — на этот раз от представителей религиозных конфессий [В Перми отменили Парад зомби, 2018].

Социокультурная природа акции

Обширность и разнообразие культурно-исторических контекстов, связанных с вышеуказанными инцидентами, заставляют задуматься о фундаментальных причинах произошедших событий, выходящих за рамки личных мотивов конфликтующих сторон, а также места и времени.

Формально акция «Бессмертный полк» представляет собой ритуал — строго определенную последовательность действий, имеющих символическое значение, которая используется в качестве средства закрепления отношения субъекта (или группы) к священным объектам и/или особо значимым этапам человеческой истории, в нашем случае — победе народа в Великой Отечественной войне. Содержательная сторона акции рассматривается нами с точки зрения теорий коллективной памяти и культурной травмы [Токарев А.С., 2016].

В «Современном философском словаре» дается следующее определение коллективной памяти: «совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом по символической реконструкции прошлого в настоящем» [Турбина Е.Г., 1998, с. 634]. В этом определении наиболее важными для нашего исследования представляются два момента. Во-первых, символический характер мемориальных практик, в которых воспроизводится не само событие прошлого (что физически невозможно), а его обобщенный образ, представленный через ритуал. Во-вторых, укорененность образов коллективной памяти в настоящем, что неизбежно должно приводить к их периодическому переосмыслению и трансформации, особенно в те моменты, когда в обществе фигурируют и конкурируют

несколько версий прошлого [Емельянова Т.П., 2012].

Акция «Бессмертный полк», которая сегодня воспринимается как традиция, на деле является модернизацией другой, более давней традиции — ежегодного празднования Дня Победы 9 мая. Эта традиция также сформировалась не единомоментно, а путем многократных модификаций на протяжении более чем 50 лет. В основе традиции, в отличие от Европы, где есть страны победившие и проигравшие во Второй мировой войне, а даты 8 и 9 мая, как правило, отмечаются как день памяти о погибших (Британия, США, Германия, Польша) или как день освобождения от фашизма (Италия, Франция, Нидерланды, Дания) [Как отмечают день победы..., 2015], в России в качестве константы присутствует базовый нарратив о победе народа в Великой Отечественной войне как событии мирового масштаба. В российской традиции празднования 9 мая исторический контекст Второй мировой войны изначально был ограничен противостоянием фашистской Германии и СССР, а победа последнего толковалась как миссия советского народа по освобождению Европы от фашизма.

Символическое пространство праздника в советский период выстраивалось в существенной мере (хотя и не только) по инициативе государства. Все привычные сегодня атрибуты Дня Победы: выходной день, установка монументов, возложение венков, военные парады, вечный огонь, минута молчания, поздравительные открытки, праздничные концерты, салют — появились в разное время (некоторые из них, например выходные дни, были временно отменены) и были инициированы указами первых лиц страны. К числу исключений можно отнести, например, мемориальные практики первых послевоенных лет, когда в малых населенных пунктах российской провинции устанавливались бетонные стелы-кенотафы со списками имен ушедших на войну. Эти стелы заказывались на деньги, собранные местными жителями, и функционировали как символические могилы без реального погребения [Рылеева А., Конрадова Н., 2005]. К числу более поздних исключений отнесем практики пионерских и комсомольских поисковых отрядов.

Однако в целом, официальные мемориальные практики, сложившиеся в связи с празднованием Дня Победы во второй половине XX в., развивались при известном дефиците личностной вклю-

ченности в них большинства населения, не были связаны с явным обращением к индивидуальной памяти, без которого полноценная актуализация коллективной памяти невозможна. В XX в. этого и не требовалось, поскольку многие из представителей поколения участвовавших в военных действиях и поколения, чье детство пришлось на военные годы, были еще живы. Их индивидуальные воспоминания компенсировали разрыв между идеологически закрепленной сопричастностью каждого гражданина России к Победе и характером праздничного ритуала.

В XXI в. ситуация меняется. Участники и свидетели Великой Отечественной войны уже не составляют большинства населения России. Война постепенно уходит «за горизонт» индивидуальной памяти, оставаясь при этом в памяти коллективной (прежде всего благодаря поколению «внуков войны», чьи деды воевали, а родители застали войну в детском возрасте), но уже не как реальное событие, а как его символическая реконструкция — «День Победы».

Ослабление опоры на индивидуальную память на фоне исчезновения советской идеологической монополии в сфере ритуализации национальных праздников, процессы глобализации, становление информационного общества и экономики впечатлений создают новые вызовы и возможности для развития традиций празднования Дня Победы. Базовый нарратив при этом не поменялся (в отличие от праздника Октябрьской революции, который с 1996 по 2004 г. отмечался как День согласия и примирения), — 9 мая по-прежнему остается Днем Победы народа в Великой Отечественной войне, только народа уже не советского. Устойчивость базового нарратива празднования 9 мая во многом объясняется тем, что победа в Великой Отечественной войне является на сегодняшний день одним из немногих событий отечественной истории, которые не подвергаются политической ревизии и воспринимаются исключительно в позитивном ключе. Поэтому празднование Дня Победы остается ценным ресурсом для самолегитимизации субъектов российской политики и смягчения социальных противоречий, для интеграции российского общества.

Но ритуальные практики, связанные с празднованием 9 мая, развиваются. Главным вектором происходящих с ними изменений, по мнению ряда отечественных исследователей в области социологии и психологии, является перфор-

мативная коммеморация или «воспоминание действием» [Архипова А. и др., 2017]: сегодня участие в праздновании предполагает не только присутствие на праздничных мероприятиях и выполнение некоторого формального алгоритма, но и презентацию индивидуальной сопричастности победе через родственные связи с участниками войны. Именно на этом принципе основаны акция «Бессмертный полк» и ряд подобных внеинституциональных инициатив, не получивших столь широкого распространения [см., напр., Улитин И., 2013].

Мировоззренческие основания акции и их философский анализ

Возникающий в акции «Бессмертный полк» эффект символического воскрешения умерших оказал настолько сильное воздействие на общественное сознание, что всего за три года она из локальной инициативы стала национальной традицией. Причины такого общественного резонанса лежат, на наш взгляд, гораздо глубже коллективной памяти о победе в Великой Отечественной войне. Возможно, мы имеем дело с одним из наиболее древних и распространенных в мире верований — культом предков, который проявляется в почитании умерших родственников, периодическом ритуальном обращении к ним как к живым в ходе определенных ритуалов.

Философское осмысление культа предков представлено, в частности, в работе русского философа-космиста Н. Федорова, который говорит о неискоренимой связи каждого поколения со своими предками и сыновнем долге воскрешения отцов, чтобы «все рожденные поняли и почувствовали, что рождение есть принятие, взятие жизни от отцов, т.е. лишение отцов жизни, откуда и возникает долг воскрешения отцов, который сынам дает бессмертие» [Федоров Н., 1982, с. 476]. При этом Федоров рассматривает воскрешение предков не только как необходимую для человечества идею, но и как важную практическую задачу, как всеобщее действие, дело. Идеальным решением этой задачи, по мнению автора «Философии общего дела», является обусловленное успехами научно-технического развития реальное воскрешение отцов сыновьями. До тех же пор пока это недостижимо, люди вынуждены использовать любую возможность сохранения памяти об умерших в предметной или символической форме.

«Общее дело» должно строиться на патриархальных общинных отношениях, в основе которых лежат отношения семейные, культивирующие братскую и сыновнюю любовь.

«Бессмертный полк», будучи коллективным действием, основанном на синтезе индивидуальной (семейной) и коллективной (национальной) памяти участников, выглядит как практическое воплощение «Философии общего дела». Фундаментальность задействованных в акции механизмов сознания обеспечивает устойчивость новой традиции, которая возникла и продолжает развиваться как инициатива «снизу» (несмотря на отдельные сообщения о принуждениях к участию в акции). Статистика, представленная в отчетах «Левада-центра», свидетельствует о росте популярности акции среди россиян (в 2017 г. число участников составило 7,8 млн. человек, а в 2018 г. в ней участвовали 10,4 млн. человек, что составляет 7 % населения страны) [Стулов М., 2018].

Однако, по нашему мнению, эта статистика маскирует несовпадение мировоззренческих оснований «Бессмертного полка» с историческим контекстом празднования 9 мая, что создает новые вызовы.

Первый вызов связан с ростом популярности акции как титульного ритуала празднования Дня Победы и снижение значимости других мемориальных практик в символическом пространстве праздника. В отчетах по исследованию общественного мнения населения России по поводу празднования 9 мая, проведенного «Левада-центром» в 2017 г., указано, что 54 % россиян назвали в числе самых запоминающихся в 2017 г. празднование 9 мая и 31 % — шествие «Бессмертного полка» (при этом респонденты не выбирали, а сами называли запомнившиеся события) [«Бессмертный полк» и парад Победы, 2017]. В конфликте, возникшем в Перми из-за «сравнения» «Бессмертного полка» с зомби-карнавалом, также прослеживается тенденция к отождествлению акции с Днем Победы в целом. Одна из статей на сайте РВС так и называется — «Атака на победу» [Исаков А., 2018]. Эта тенденция в перспективе может привести к постепенному замещению празднования Дня Победы шествием «Бессмертного полка», последствия этого нам еще предстоит осознать и исследовать.

Второй вызов связан с размыванием культурно-исторического контекста праздника, по-

явлением противоречий между участниками и организаторами из-за разницы во взглядах на *справедливые и допустимые формы репрезентации сопричастности Победе* в Великой Отечественной войне. Чаще всего это противоречия политического характера. Невозможно рассматривать победу СССР во Второй мировой войне как политически нейтральное событие. Количество людей, заставших в своей жизни советский период и испытывающих к нему ностальгические чувства, гораздо больше, чем участников и свидетелей Великой Отечественной войны. Их стремление подчеркнуть советский характер праздника и использовать советскую символику в шествии «Бессмертного полка» внутренне оправдано, но шествие с портретами И. Сталина, на наш взгляд, представляет собой репрезентацию более обширного и более дискуссионного в современном обществе фрагмента коллективной памяти, который не может полностью совпадать с праздником Победы ни по историческим рамкам, ни по смыслу. Зафиксированы и другие случаи расширения культурно-исторического контекста праздника [Еще один «Бессмертный»..., 2018; В Бессмертном полку Донбасса..., 2017, Бессмертный полк черныбыльцев, 2018; В Сирии прошла акция..., 2017]. Таким образом, делаются попытки проецировать базовый нарратив Дня Победы на многие другие исторические и актуальные геополитические ситуации.

Заключение

Если попытаться экстраполировать эти тенденции на время, когда уйдут последние живые свидетели Великой Отечественной войны и Великой Победы, то можно предположить, что существует реальная возможность постепенного превращения праздника 9 Мая в неофициально празднуемый день всех погибших в войнах и катастрофах, причем не только на территории России и постсоветского пространства, но и в дальнем зарубежье.

Оценивать такую перспективу в этических категориях сложно, поскольку каждое поколение «сынов» вправе претендовать на символическое воскрешение своих «отцов». Но мы должны ожидать роста разнообразия интерпретаций акции «Бессмертного полка» и, как следствие, — возникновения новых конфликтов на этой почве. В этой связи для философии культуры, культурологии и других гуманитарных наук

возникает актуальная практическая задача по созданию политкорректной и устойчивой к мультикультурным воздействиям глобального мира концепции праздника.

Список литературы

Архипова А., Доронин Д., Кирзюк А. и др. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84–122. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/arkhiprova_et_al/ (дата обращения: 18.09.2018).

«Бессмертный полк» и парад победы // Левада-центр. 2017. 20 мая. URL: <http://www.levada.ru/2017/05/26/bessmertnyj-polok-i-parad-pobedy/> (дата обращения: 30.05.2018).

Бессмертный полк чернобыльцев. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7v1TuSmulSE> (дата обращения: 20.07.2018).

В Бессмертном полку Донбасса — Герои ДНР // Карачаево-черкесское республиканское отделение КИРФ. 2017. 09 мая. URL: <http://kprf-kchr.ru/?q=node/10922> (дата обращения: 20.07.2018).

В Перми 9 мая запретили Знамя Победы // Накануне.ру. 2018. 10 мая. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/05/10/22506941/> (дата обращения: 09.07.2018).

В Перми отменили Парад зомби // Накануне.ру. 2018. 31 июля. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/07/31/22515083/> (дата обращения: 02.09.2018).

В пермской галерее «Бессмертный полк» назвали «наследником зомби-карнавала» // Накануне.ру. 2018. 24 мая. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/05/24/22508549/> (дата обращения: 02.09.2018).

В Сирии прошла акция «Бессмертный полк» в память о российских военных // РИА Новости. 2017. 26 мая. URL: <https://ria.ru/syria/20170526/1495183569.html> (дата обращения: 20.07.2018).

Война идей. В художественной галерее Перми сравнили «Бессмертный полк» с парадом зомби // ИА «Красная весна». 2018. 20 мая. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/a4de146d> (дата обращения: 09.07.2018).

Война с историей. В Перми на 9 Мая запретили Знамя Победы // ИА «Красная весна». 2018. 09 мая. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/9f2ea039> (дата обращения: 09.07.2018).

Емельянова Т.П. Коллективная память в контексте обыденного политического сознания // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 4 (июль–август). URL:

http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/ (дата обращения: 09.07.2018).

Еще один «Бессмертный». Ветераны Афганистана и Чечни теперь тоже проводят митинги с портретами погибших солдат // Киров-портал. 2018. 15 фев. URL: <https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/eshchyo-odin-bessmertnyj-veterany-afganistana-i-chechni-teper-tozhe-provodyat-mitingi-s-portretami-pogibshih-soldat-23163/> (дата обращения: 20.07.2018).

Исаков А. Атака на победу: в Перми сравнили «Бессмертный полк» с парадом зомби // Родительское Всероссийское Сопротивление. 2018. 27 мая. URL: <http://rvs.su/statia/ataka-na-pobedu-v-permi-sravnili-bessmertnyu-polok-s-paradom-zombi> (дата обращения: 03.07.2018).

Как отмечают день победы за рубежом // ИТАР ТАСС. 2015. 8 мая. URL: <http://tass.ru/info/1174352/> (дата обращения: 20.07.2018).

Обращение в Администрацию Президента РФ № 660706 от 09.06.2018. Получено по СЭД КГБУК «Пермская государственная художественная галерея» 26.06.2018, вх. № 136-06-18.

Рылеева А., Конрадова Н. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16-pr.html> (дата обращения: 20.07.2018).

Скандал с запретом знамен на 9 мая в Перми нарастает // ИА «Красная весна». 2018. 20 мая. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/01ecbbe7> (дата обращения: 09.07.2018).

Стулов М. Акция «Бессмертный полк» стала рекордной по массовости // Ведомости. 2018. 9 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/05/09/769005-bessmertnii> (дата обращения: 20.07.2018).

Токарев А.С. Бессмертный полк. Символический анализ // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 5. С. 77–85.

Турбина Е.Г. Память коллективная // Современный философский словарь / под общ. ред. Е.В. Кемеровы. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: ПАНПРИНТ., 1998. С. 634–642.

Указ Президента РФ от 15.04.1996 N 561 «О Знамени Победы». URL: <http://base.garant.ru/5216490/> (дата обращения: 09.07.2018).

Улитин И. Ульяновцы смогут показать всем своих родственников, воевавших в Великую Отечественную // Комсомольская правда. 2013. 17 апр. URL: <https://www.ul.kp.ru/daily/26064/2972474/> (дата обращения: 20.07.2018).

Устав полка. URL:<http://www.moypolk.ru/ustav-polka> (дата обращения: 09.07.2018).

Федоров Н.Ф. Сочинения. Философское наследие. М.: Мысль, 1982. 711 с.

Получено 23.01.2019

References

Arkhipova, A., Doronin, D., Kirzyuk, A. et al. (2017). *Voyna kak prazdnik, prazdnik kak voyna: performativnaya kommemoratsiya Dnya Pobedy* [War as a holiday, holiday as war: performative commemoration of Victory Day]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 33, pp. 84–122. Available at: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/arkhipova_et_al/ (accessed 18.09.2018).

«Bessmertnyy polk» i parad pobedy (2017) [«Immortal regiment» and victory parade]. Levada-tsentr, May 20. Available at: <http://www.levada.ru/2017/05/26/bessmertnyj-polok-i-parad-pobedy/> (accessed 30.05.2018).

Bessmertnyy polk chernobyltsev [The immortal regiment of Chernobyl]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7v1TuSmulSE> (accessed 20.07.2018).

Emel'yanova, T.P. (2012). *Kollektivnaya pamyat' v kontekste obydenного politicheskogo soznaniya* [Collective memory in the context of ordinary political consciousness]. *Informatsionno-gumanitarnyy portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. [Information portal for the humanities «Knowledge. Understanding. Skills»]. No. 4. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/ (accessed 09.07.2018).

Esche odin «Bessmertnyy». *Veterany Afganistana i Chechni teper' tozhe provodyat mitingi s portretami pogibshikh soldat* (2018) [Another «Immortal». Veterans of Afghanistan and Chechnya now also hold rallies with portraits of dead soldiers]. *Kirov-portal*. Feb. 15. Available at: <https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/eshcho-odin-bessmertnyj-veterany-afganistana-i-chechni-teper-tozhe-provodyat-mitingi-s-portretami-pogibshih-soldat-23163/> (accessed 20.07.2018).

Fedorov, N.F. (1982). *Sochineniya. Filosofskoe nasledie*. [Works. Philosophical heritage]. Moscow: Mysl' Publ., 711 p.

Isakov A. (2018). *Ataka na pobedu: v Permi sravnili «Bessmertnyy polk» s paradom zombie* [Attack to win: in Perm compared «Immortal regiment» with a parade of zombies]. Parent All-Russian Resistance, May 27. Available at: <http://rvs.su/statia/ataka-na-pobedu-v-permi-sravnili-bessmertnyy-polok-s-paradom-zombi> (accessed 03.07.2018).

Kak otmechayut den' pobedy za rubezhom (2015) [How to celebrate victory day abroad]. *ITAR TASS*. May 8. Available at: <http://tass.ru/info/1174352/> (accessed 20.07.2018).

Obraschenie v Administratsiyu Prezidenta RF № 660706 ot 09.06.2018. Polucheno po SED KGBUK «Permskaya gosudarstvennaya hudozhestvennaya galereya» 26.06.2018, vh. № 136-06-18 [Appeal to the Presidential Executive Office No. 660706 dd. 09.06.2018. Received via Electronic Document Management System of «Perm State Art Gallery» on 26.06.2018, ref. no. 136-06-18].

Ryleeva, A. and Konradova, N. (2005). *Geroi i zherty. Memorialy Velikoy Otechestvennoy* [Heroes and victims. Memorials to the great Patriotic war]. *Neprikosnovennyy zapas* [Inviolable Store]. No. 2–3(40–41). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16-pr.html> (accessed 20.07.2018).

Skandal s zapretom znamen na 9 maya v Permi narastaet [The scandal with the prohibition of banners on may 9 in Perm is growing]. *IA «Krasnaya vesna»*, May 20. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/01ecbbe7> (accessed 09.07.2018).

Stulov, M. (2018). *Aksiya «Bessmertnyy polk» stala rekordnoy po massovosti* [Action «Immortal regiment» was a record for mass]. *Vedomosti*. May 9. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/05/09/769005-bessmertnii> (accessed 20.07.2018).

Tokarev, A.S. (2016). *Bessmertnyy polk. Simvolicheskiy analiz* [Immortal regiment. Symbolic analysis]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Perm Scientific Center]. No. 5, pp. 77–85.

Turbina, E.G. (1998). *Pamyat' kollektivnaya* [Collective memory]. *Sovremennyy filosofskiy slovar', pod red. E.V. Kemerova* [Modern philosophical dictionary, ed. by E.V. Kemerov]. London, Frankfurt, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk, PANPRINT Publ., pp. 634–642.

Ukaz Prezidenta RF ot 15.04.1996 N 561 «O Znameni Pobedy» [The decree of the President of the Russian Federation of April 15, 1996 N 561 «About a Victory Banner»]. Available at: <http://base.garant.ru/5216490/> (accessed 09.07.2018).

Ulitin, I. (2013). *Ulyanovtsy smogut pokazat vsem svoikh rodstvennikov, voevavshikh v Velikuyu Otechestvennuyu* [Ulyanovsk will be able to show all their relatives who fought in the Great Patriotic War]. *Komsomolskaya pravda*. Apr. 17. Available at: <https://www.ul.kp.ru/daily/26064/2972474/> (accessed 20.07.2018).

Ustav polka [The Charter of the regiment]. Available at: URL: <http://www.moypolk.ru/ustav-polka> (accessed 09.07.2018).

V Bessmertnom polku Donbassa — Geroy DNR (2017) [In the Immortal regiment of Donbass — Heroes of the Donetsk people's Republic]. Karachay-Cherkess Republican Department of the Communist party, May 9. Available at: [/http://kprf-kchr.ru/?q=node/10922](http://kprf-kchr.ru/?q=node/10922) (accessed 20.07.2018).

V Permi 9 maya zapretili Znamya Pobedy (2018) [In Perm on May 9 banned the Banner of Victory]. *Nakanune*. May 10. Available at: <https://www.nakanune.ru/news/2018/05/10/22506941/> (accessed 09.07.2018).

V Permi otmenili Parad zombi [In Perm cancelled the Parade of zombies]. *Nakanune*. Jul. 31. Available at: <https://www.nakanune.ru/news/2018/07/31/22515083/> (accessed 02.09.2018).

V permskoy galeree «Bessmertnyy polk» nazvali «naslednikom zombi-karnavala» (2018) [In the Perm gallery «Immortal regiment» called «heir to the zombie carnival»]. *Nakanune*. May 24. Available at: <https://www.nakanune.ru/news/2018/05/24/22508549/> (accessed 02.09.2018).

Об авторах

Береснев Владимир Дмитриевич

старший преподаватель кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vensereb@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9509-2301>

Береснева Наталья Ириковна

доктор философских наук, доцент,
декан философско-социологического факультета,
профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: nataliaberseva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4562-0070>

V Sirii proshla aktsiya «Bessmertnyy polk» v pamyat' o rossiyskikh voennykh (2017) [In Syria, the action «Immortal regiment» in memory of the Russian military]. *RIA News*. May 26. Available at: <https://ria.ru/syria/20170526/1495183569.html> / (accessed 20.07.2018).

Voyna idey. V hudozhestvennoy galeree Permi sravnili «Bessmertnyy polk» s parodom zombi (2018) [War of ideas. In the art gallery of Perm compared the «Immortal regiment» with a parade of zombies]. *IA «Krasnaya vesna»*, May 20. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/a4de146d> (accessed 09.07.2018).

Voyna s istoriey. V Permi na 9 Maya zapretili Znamya Pobedy (2018) [War with history. In Perm on May 9 banned the Banner of Victory]. *IA «Krasnaya vesna»*, May 9. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/9f2ea039> (accessed 09.07.2018).

Received 23.01.2019

About the authors

Vladimir D. Beresnev

Senior Lecturer of the Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vensereb@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9509-2301>

Natalia I. Beresneva

Doctor of Philosophy, Docent,
Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology,
Professor of the Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: nataliaberseva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4562-0070>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Береснев В.Д., Береснева Н.И. «Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып.1. С. 67–74.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-67-74

For citation:

Beresnev V.D., Beresneva N.I. «Immortal regiment»: sociocultural context and philosophical reflection // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 67–74. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-67-74

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.67

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-75-82

**ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ:
ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ПОТРЕБЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ***Урусова Екатерина Александровна**Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина*

Включаясь в процесс потребления, личность не только конструирует свое индивидуальное бытие и социальную реальность, но и достраивает свою индивидуальность, опираясь на популярные в среде символы. Попытки проявить свою собственную индивидуальность сталкиваются с принятыми в обществе способами самопредъявления, а также оценками со стороны других людей, что ставит перед личностью вопрос: что и как презентовать? Открытость способов самопрезентации приводит к распространению интереса к отдельным сторонам и характеристикам личности, а также обуславливает ее переход в категорию объекта потребления. При этом стремление получить положительную внешнюю оценку со стороны окружающих влечет за собой «сворачивание» личности ввиду демонстрации лишь отдельных своих сторон, пользующихся наибольшим спросом (т.е. наиболее «потребляемых»). Подобный процесс связан со стремлением удовлетворить потребности в признании и уважении, дополнить качества, особенности, характеристики образа «Я» или же скрыть отсутствие базовой реальности и понимания себя как целостной личности. С другой стороны, идентификация себя в социокультурном пространстве, в референтной группе приводит к поиску и выделению отдельных индивидов, вызывающих наибольший интерес. Личность, становясь субъектом потребления, объективизирует другого, наделенного желаемыми качествами и характеристиками, потребляя транслируемый ею контент. Однако такой процесс потребления вызывает чувство незавершенности и неполноценности самого себя ввиду невозможности обладания желаемыми качествами и является причиной все нового и нового поиска объектов потребления, отдаления от собственной индивидуальности и потере собственного Я.

Ключевые слова: личность, индивидуальность, самопрезентация, объект потребления, субъект потребления, общество потребления, интернет-коммуникации, телесность, тело как объект потребления, виртуальная реальность, медийные образы.

**INDIVIDUALITY AND SELF-REPRESENTATION:
PERSONALITY AS AN OBJECT AND SUBJECT OF CONSUMPTION
IN THE MODERN SOCIETY***Ekaterina A. Urusova**Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University*

Entering the process of consumption, not only does the person construct their individual being and social reality but also completes their individuality, relying on symbols popular in the environment. Attempts to show one's own personality are confronted with the ways of self-presentation accepted in the society, as well as with assessments from other people, so a person is faced with the necessity to choose what and how to present. The openness of self-presentation methods results in the spread of interest in individual aspects and characteristics of the personality and also causes its transition to the category of the object of

consumption. At the same time, the desire to get a positive external evaluation from others entails «folding» of the individuality due to the demonstration of only certain aspects that are most in demand (that is, the most «consumed» ones). Such a process is associated with the desire to satisfy the needs for recognition and respect, to supplement the qualities, features, characteristics of the image of the «Self» or to hide the lack of the basic reality and understanding of oneself as an integral personality. On the other hand, identification of oneself in the sociocultural space, in the reference group, leads to the search for and selection of individuals that are of the greatest interest. Personality, while becoming a subject of consumption, objectifies the other, endowed with the desired qualities and characteristics, consuming the information communicated by it. However, such a process of consumption causes a feeling of incompleteness and inferiority of oneself, resulting from the impossibility of possessing the desired qualities, thus provoking ongoing search for objects of consumption, distancing from one's own individuality and the loss of one's own Self.

Keywords: personality, individuality, self-presentation, object of consumption, subject of consumption, consumer society, Internet communication, corporeality, body as an object of consumption, virtual reality, media images.

Введение

Развитие и трансформация общества, урбанизация среды, проникновение информационных технологий во все сферы жизни и активное использование новых технологий в сфере коммуникаций привели к существенному увеличению значимости визуальной культуры и визуальной презентации личности. В настоящее время возрастающее число брендов, создание, использование и трансляция медийных образов способствуют возникновению в сознании обывателей устойчивых ассоциативных связей между характеристиками личности и стилем ее жизни, а также способами самопредъявления и поддержания индивидуальности. Ориентация на успешность, самореализацию, креативность и самораскрытие, характерные для постиндустриального общества, вызывает стремление молодежи к созданию визуального образа, который бы поддерживал эти характеристики при их наличии или же создавал миф об их присутствии. Желание стать популярным подкрепляется постоянным обращением к образу самореализовавшейся известной личности, примеры которых легко найти в социальных сетях. Потребление контента, наполненного однотипным содержанием, приводит к повторению стиля поведения и возрастанию числа попыток проявить себя так же, как и выбранный для подражания объект.

Потребление как инструмент идентификации и самоконструирования

Касаясь вопроса потребления в современном обществе, стоит сказать, что предметы, товары, услуги и образы являются неотъемлемыми объ-

ектами, которые хочет иметь или которыми хочет пользоваться современная личность. Они же определяют статус человека в обществе, поддерживают его социальную позицию, отражают его индивидуальность [Митров М.А., 2011]. По мнению М.Б. Ракитиных, потребление становится преобладающей социокультурной практикой, которая выполняет функции конструирования личности. И оно же служит инструментом объяснения, оправдания и поддержания существующего общественного порядка, поощряющего подобные практики [Ракитиных М.Б., 2004]. Включаясь в процесс потребления, личность начинает усваивать знаки социальных отношений, основанные на желаниях реальности и уникальности. Личность не только потребляет эти знаки, но и использует их для собственного самоконструирования. В таком случае происходит попытка восстановить полноту собственного существования и поддержать (а иногда и обрести) его смысл, который начинает приравняться к поддержанию индивидуального бытия посредством потребления вещи или символа, ее выражающего [Хасанов М.Р., 2010]. При этом потребление символов-симулякров не доставляет истинного удовольствия, не приводит к конечному удовлетворению потребности, ввиду того что производство постоянно предлагает все новые и новые объекты потребления, видоизмененные и усовершенствованные, а сама личность в попытках приобщиться к идеалу сосредотачивается на форме объекта, а не на его содержании [Бодрийяр Ж., 2006]. Бесконечность потребления при этом определяет и принципиальную

незавершенность личности, которая постоянно достраивается за счет приобщения к тому или иному продукту. Находясь в процессе потребления, человек постепенно конструирует себя, собственную идентичность, собственный социальный статус и, следовательно, социальное пространство.

Потребление в современном мире начинает проявляться во множестве сфер и нередко встречается в социальных отношениях. Фактически объектом потребления становятся не только товары, ресурсы, услуги: сама личность, ее индивидуальность, встает на одну ступень со средством удовлетворения потребностей, с одной стороны, а с другой стороны, становится тем, что желают иметь или чем желают наслаждаться окружающие. В подобных случаях потребление создает основу и формирует социально-коммуникативную систему, а также поддерживает и обеспечивает отношения и социальные связи [Леушкин Р.В., 2017].

Философский, социологический и психологический анализы проблемы потребления позволяют значительно расширить понимание данного феномена, не сосредотачивая внимание только на материальной сфере. Например, З. Бауман отмечает, что сущность потребительского бытия заключается прежде всего в участии в бесконечном процессе потребления, целью которого можно считать попытку удовлетворения иррациональных и экзистенциальных потребностей [Bauman Z., 2007]. В данном случае стремление обладать становится активным модусом отношения к миру, возводится в ранг систематического и устойчивого паттерна поведения [Бодрийяр Ж., 1999]. При этом объект потребления начинает утрачивать связь с потребностью и на первый план выходят знаки и символы подобной связи, выступающие средством идентификации индивида и средством его самовыражения [Щелкунов М.Д., Николаева Е.М., 2009]. В процессе жизнедеятельности личность начинает ориентироваться в системе координат, в которой ответ на вопрос «Кто я?» раскрывается с помощью вопроса «Что я потребляю?». В результате ответа на этот вопрос личность отождествляет себя с тем, что имеет [Seabrook J., 1978].

Важной проблемой, которую отмечает Ж. Бодрийяр, можно считать то, что современный субъект потребления (человек-потребитель)

начинает отчуждаться от своей самости и индивидуальности, постепенно утрачивая свое истинное Я, и приобретает ориентацию на символы, что приводит к потере смысла действительного существования. Личность начинает манипулировать вещами-знаками, удовлетворяя тем самым потребность в идентичности [Бекарев А.М., Пак Г.С., 2017].

Стремление обладать в современном обществе приобретает статус терминальной ценности, содержание которой наполняется знаками и символами, маскирующими отсутствие базовой реальности или являющимися чистыми симулякрами [Baudrillard J., 1996]. При этом симулированная терминальная ценность потребления начинает выполнять функцию замещения, вбирая в себя симулякры черт и качеств, которые личность хотела бы иметь или развивать. Таким образом, происходит не только идентификация в социуме (видимое приобщение к определенной социальной группе), но и самопрезентация, а также расширение стремления подражать другим членам референтной группы. Однако это приводит к стремлению копировать и повторять способы самопрезентации, что говорит о трудностях в способности созидательной и творческой самоактуализации.

Так или иначе процесс потребления позволяет выделить личность, готовую предложить социуму и окружающей действительности свою индивидуальность посредством выражения отдельных качеств и сторон или презентации себя в целом. При этом появляются и те, кто будет наделять эту творческую личность и способы ее самовыражения индивидуальной содержательной ценностью и воспринимать как объект для потребления. И поскольку поведение потребителя можно считать объективизацией себя вовне посредством знаков, символов и симулякров, личность посредством подобной объективизации не только отождествляет себя вовне, но и может стать тем, что потребляют окружающие.

Потребление телесности в медиареальности

Одним из направлений объективизации себя в процессе потребления является самопрезентация, которая не только выступает в качестве сложного социально-психологического феномена, вбирающего в себя особенности личности, но и является отражением общих особен-

ностей социального поведения [Пикулева О.А., 2013]. Стоит обратить внимание, что самопрезентация может быть как осознанной, так и неосознанной, т.е. иметь цель создать определенное впечатление или же не иметь ее. Учет подобной специфики позволяет говорить, что самопрезентация может выступать не только средством формирования, поддержания и подтверждения образа Я (как считают И. Гоффман, М.Р. Лири, Л. Фестингер и др.), служить показателем субъектности личности (Р.М. Аркин, М. Шнайдер, А. Шутс, и др.), но и быть средством достижения конкретного результата, средством удовлетворения потребности или достижения цели (И.И. Джонс, Д. Майерс и др.). Таким образом, управляя процессом самопрезентации и ее способами, личность может управлять процессом потребления — как индивидуального (собственного), так и коллективного (присущего другим). Примером данного явления можно считать моду в узком и широком смысле, в которой проявляется тенденция стремления обладать определенными вещами либо же выглядеть определенным образом, что в конечном итоге является отражением стремления «иметь».

Отдельного внимания заслуживает телесная самопрезентация, позволяющая индивиду выражать имеющиеся у него качества (физические, психофизиологические, личностные). Поскольку внешность, характеристики тела изначально являются индивидуализирующим признаком, именно она становится объектом совершенствования и презентации и, вероятно, переходит в область объектов потребления [Фаустова А.Г., 2013]. Интересным является тот факт, что для общества потребления характерна ориентация на символические знаки идеального тела, которое рождает спрос на соответствующий образ и стиль жизни (здоровый образ жизни, поддержание физической привлекательности и внешней молодости) и приводит к появлению предпочтений в сфере межличностных отношений. Например, физически привлекательному человеку приписывают такие качества, как успешность, сила, целеустремленность, активность, что значительно повышает его возможности в социуме. При этом влиянию подобных тенденций подвергаются и мужчины, и женщины, хотя направление поддержания физического состояния,

трансформации тела и телесной самопрезентации могут быть и гендерно-специфическими [Гриднева Е.А., Бухранова Т.С., 2010]. Зачастую они связаны с закрепившимися в патриархальном обществе стереотипными качествами, которые приписывают мужчинам и женщинам (например, физическая сила для первых и ухоженность для вторых), однако появляются и более нетрадиционные способы самовыражения и проявления собственной идентичности (в ряду которых можно выделить макияж, бодимодификации, имиджмейкинг и т.п.).

Тело в современном мире начинает выполнять функции Капитала (требующего инвестиций и приносящего прибыль) и Фетиша, выступающего в качестве объекта потребления, всячески транслируемого в СМИ и поддерживаемого в повседневной жизни [Гриднева Е.А., Бухранова Т.С., 2010]. Подобная трансляция образов не только создает ориентиры-идеалы, но и приводит к погоне за образом, в процессе которого человек может терять свою индивидуальность. Зачастую объективизация проявляется в отношении женщин и распространяется на представительниц данного пола в целом. Как указывает О.Г. Липовская, главенство мужчин в патриархальной системе привело к тому, что в контексте «опредмеченных» взаимоотношений на женщину накладывается обязанность быть привлекательной (в первую очередь как объекта потребления [Липовская О.Г., 1991]). В рамках подобной функции женщину в целом и женское тело в частности связывают с необходимостью удовлетворять потребности «мужчины-потребителя», которые могут восприниматься и пониматься также стереотипно. Объективизация женского тела поддерживается и за счет его сексуализации, в том числе и в контексте рекламы, в рамках которой изображение представительниц женского пола сопровождает продаваемый продукт. Однако стоит обратить внимание на то, что мужчины и мужское тело также могут становиться объектами потребления или средствами для его поддержания, хотя смысловая нагрузка и подтекст, привязываемая к подобным символам, имеет свою специфику [Грошев И.В., 2000].

Как отмечает Ж. Бодрийяр, тело становится опорой объективизации, в основе которой лежит стремление личности сохранить, поддержать или приобрести красоту и здоровье [Бод-

рийяр Ж., 2006]. Подобные стремления, возводимые в ранг терминальных ценностей и достигаемые за счет приобщения к их символам, приводят к созданию нового типа телесности в рамках конsumerистской культуры и новой этики отношения к телу [Архипова С.В., 2011; Фаустова А.Г., 2013]. В рамках подобной культуры тело освобождается от любых различий (по полу, возрасту, расе, физическим возможностям и т.п.), что значительно расширяет возможности самопрезентации и проявления индивидуальности, однако может приводить и к трудностям самоидентификации. При этом тело остается одним из наиболее ярких примеров объекта потребления, посредством которого человек предьявляет себя в обществе. Способы и формы телесной самопрезентации привлекают большое число потребителей, готовых не просто наблюдать за ними, но и включить их в собственный индивидуальный опыт, а затем продемонстрировать окружающим.

Виртуальное пространство как открытая площадка для потребления личности

Открытость способов самопрезентации в сети Интернет позволяет индивиду выразить свою личность посредством различных практик: демонстрации умений и навыков, презентации собственной внешности, увеличения числа контактов, представления результатов собственной деятельности и творчества, возможности открыто и свободно выражать собственные мысли и т.п. При этом построение системы социальных сетей позволяет выявлять, исследовать и поддерживать наиболее приоритетные способы выражения собственной индивидуальности, ориентируясь на стимулы из среды (т.е. на внешнюю оценку со стороны партнеров по коммуникации). Подобная специфика приводит к превалированию предьявления одной стороны личности, являющейся наиболее популярной и востребованной.

Стоит подчеркнуть, что личность, являющаяся объектом потребления, начинает переходить в область информационного пространства, становясь медийной. При этом пребывание в медиа и интернет-пространстве может значительно сократить диапазон областей, которые понимаются как частная жизнь [Гукасова М.М., 2016]. Глобальная сеть предоставляет современному человеку возможность обнаружить

информацию любого содержания и характера, а также получить доступ другого человека к этой информации. При этом в такие сферы попадают категории дома, семьи, личной и интимной жизни, достижений и т.д., которые сталкиваются с оценкой со стороны окружающих, их ценностными установками, жизненными принципами и убеждениями, что в конечном счете порождает явления, характерные для современной коммуникации (троллинг, флейминг, холивар, буллинг и т.п.) [Ксенофонтова И.В., 2009]. В подобных случаях наплыв оценок и комментариев, имеющих оскорбительное или крайне негативное содержание, требует от личности высокого уровня независимости и низкой ориентации на социальное одобрение и оценку со стороны окружающих, что вступает в противоречие с некоторыми мотивами самопрезентации, которые могут заключаться в получении поддержки от окружающих. Наступающий когнитивный диссонанс и фрустрация могут приводить к снижению самооценки, усилению психологических защит, формированию различных стратегий поведения (в том числе и к усилению совладающего поведения), а в отдельных случаях приводят к провокациям со стороны самой личности, получающей негативные оценки.

Ориентация на положительную внешнюю оценку со стороны окружающих влечет за собой сосредоточение на отдельных сторонах собственной личности, получающих наибольшее одобрение или приобретающих популярность. При этом структура личности также может претерпевать изменения, и отдельные субличности приобретают больший вес. С другой стороны, стремление подражать личности, обладающей определенными характеристиками, и попытки перенести чужой опыт в собственную жизнь может приводить к потере собственной индивидуальности [Гриднева Е.А., Бухранова Т.С., 2010].

В итоге перед личностью, включенной в интернет-коммуникацию и пребывающей в информационной среде, встает вопрос «Что презентовать и как презентовать?». Поскольку современное общество имеет потребность в творческой личности, способной на креативное самовыражение и свободное проявление собственной индивидуальности, особое предпочтение отдается нестандартным способам са-

мопредъявления, которые позволили бы отразить субъектность (самость) личности. Подобная постановка вопроса приводит к появлению самовыражения, не несущего никакой смысловой нагрузки и преследующего лишь цель реакции со стороны сообщества. Таким образом, в ответ на запрос «потребителя» личность отвечает действием, отражающем в лучшем случае одну из своих качеств, сторон, характеристик, а в худшем — просто предлагая то, что является популярным и не имеющим непосредственного отношения к индивидуальности конкретного человека. Таким образом, виртуальное пространство и виртуальная социальная коммуникация создает условия для распространения гиперпотребления символов, замещающих реальное взаимодействие [Леушкин Р.В., 2017]. Личность, погруженная в этот процесс, не только участвует в создании контента для потребления, но и сама может вступать в число подобных объектов, становясь медийной или виртуальной.

Заключение

В современном мире потребление становится способом объективизации себя вовне, отождествления себя с другими людьми, и, в то же время способом определения и утверждения собственной индивидуальности. Открытость площадок самопрезентации и их увеличивающееся число позволяет личности не просто находить все новые и новые способы для творческого самоконструирования и проявления самости, но и наблюдать за ходом подобных процессов у множества других людей. Находясь в социокультурном пространстве, наполненном символическими ценностями, личность стремится приобщиться к ним для того, чтобы восполнить и приобрести качества, особенности и характеристики, которых может не хватать в ее образе «Я». Однако это приобщение может выполнять функцию замещения или функцию маскировки, маскируя отсутствие базовой реальности (по Ж. Бодрийару).

Кроме того, идентифицируя себя в социокультурном пространстве, включая себя в референтную группу, человек неосознанно начинает потреблять способы и приемы принятой в ней самопрезентации и проявлений индивидуальности, а также выделять для себя индивидов, вызывающих наибольший интерес. Вни-

мание к определенным представителям сообществ может приводить к объективизации личности, когда транслируемая информация становится контентом для потребления, а сам индивид воспринимается не как личность, а как некий объект или символ, наделенный желаемыми качествами или характеристиками. При этом невозможность обладать присущими личности качествами или символами, выражающими подобные качества, рождает у потребителя чувство неполноценности, незавершенности, что приводит к поиску все новых и новых объектов потребления и приобщения к симулякрам показателей целостной зрелой личности.

Список литературы

- Архипова С.В.* Особенности социокультурной телесности в современном мире // Вопросы культурологии. 2011. № 11. С. 70–74.
- Бекарев А.М., Пак Г.С.* Потребление без потребностей? // Наука. Мысль. 2017. Т. 7, № 4. С. 91–94. URL: <http://stepj.ru/index.php/steps/issue/view/38/4-2017> (дата обращения: 26.10.2017).
- Бодрийар Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
- Бодрийар Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 168 с.
- Гриднева Е.А., Бухранова Т.С.* Тело как знак личности // Коммуникативистика XXI века: перспективы развития социально-гуманитарного знания: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, 19 марта 2010 г. / под науч. ред. Е.А. Гриднева. Н. Новгород: Нижегородский филиал НИУ ВШЭ, 2010. С. 84–87.
- Грошев И.В.* Рекламные технологии гендера // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 172–187.
- Лукасова М.М.* Медийная личность и персональная сфера: пределы расширения в социокультурной ситуации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 3–1. С. 101–107.
- Ксенофонтова И.В.* Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор: сб. статей / отв. ред. А.С. Каргин. М.: Гос. республ. центр русского фольклора. 2009. С. 285–294. URL: <http://smg.media.mit.edu/people/Judith/Identity/IdentityDeception.html> (дата обращения: 26.10.2017).
- Леушкин Р.В.* Виртуальный социальный капитал в системе общества потребления // Социодинамика. 2017. № 7. С. 85–95. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_20565.html (дата обращения: 26.10.2017).

Липовская О.Г. Женщина как объект потребления // Искусство кино. 1991. № 6. С. 18–21.

Митров М.А. Культура общества потребления в России в период экономического кризиса: региональный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 150–157.

Пикулева О.А. Психологическая многозначность понятия «самопрезентация личности» и современные научные подходы к пониманию его содержания // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 21–34.

Ракутиных М.Б. Социокультурная природа феномена потребления в обществе постмодерна: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2004. 13 с.

Фаустова А.Г. Историческая динамика представлений о человеческом теле, внешности и физической привлекательности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. № 1. С. 35–55.

Хасанов М.Р. Индивидуальное бытие человека // Вестник Башкирского университета. 2010. № 4. С. 1278–1281.

Щелкунов М.Д., Николаева Е.М. Потребление. Образование. Личность // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 1. С. 97–105.

Baudrillard J. Selected Writings. Oxford: Polity Press, 1996. 302 p.

Bauman Z. Consuming Life. Cambridge, Maiden, MA: Polity Press, 2007. 160 p.

Seabrook J. What Went Wrong? Why Hasnt Having More Made People Happier? N.Y.: Pantheon, 1978. 286 p.

Получено 24.09.2018

References

Arkhipova, S.V. (2011). *Osobennosti sotsiokulturnoy telesnosti v sovremennom mire* [Features of socio-cultural physicality in the modern world]. *Vo-prosy kulturologii* [Issues of Culturology]. No. 11, pp. 70–74.

Baudrillard, J. (2006). *Obschestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow: Respublika Publ., 269 p.

Baudrillard, J. (1996). *Selected Writings*. Oxford: Polity Press, 302 p.

Baudrillard, J. (1999). *Sistema veschey* [System of things]. Moscow: Rudomino Publ., 168 p.

Bauman, Z. (2007). *Consuming Life*. Cambridge, Maiden: Polity Press, 160 p.

Bekarev, A.M. and Pak, G.S. (2017). *Potreblenie bez potrebnostey?* [Consumption without needs?]. *Nauka. Mysl'* [Science. Thought]. Vol. 7, no. 4, pp. 91–94. Available at: <http://stepj.ru/index.php/steps/issue/view/38/4-2017> (accessed 26.10.2017).

Faustova, A.G. (2013). *Istoricheskaya dinamika predstavleniy o chelovecheskom tele, vneshnosti i fizicheskoy privlekatel'nosti* [The historical dynamics of ideas about the human body, appearance and physical attractiveness]. *Lichnost' v menyayuschem mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie* [Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development]. No. 1, pp. 35–55.

Gridneva, E.A. and Bukhranova, T.S. (2010). *Telo kak znak lichnosti* [The body as a sign of personality]. *Kommunikativistika XXI veka: perspektivy razvitiya sotsialno-gumanitarnogo znaniya: materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 19 marta 2010 g.* [Communicativistics of the 21st century: prospects for the development of social and humanities knowledge: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, March 19, 2010]. N. Novgorod, HSE – Nizhniy Novgorod Publ., pp. 84–87.

Groshev, I.V. (2000). *Reklamnye tekhnologii gendera* [Advertising technologies of gender]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 4, pp. 172–187.

Gukasova, M.M. (2016). *Mediynaya lichnost' i personalnaya sfera: predely rasshireniya v sotsiokul'turnoy situatsii* [Media person and personal sphere: limits of expansion of sociocultural situation]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Idea]. No. 3–1, pp. 101–107.

Khasanov, M.R. (2010). *Individualnoe bytie cheloveka* [Individual being of man]. *Vestnik Bashkirsogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. No. 4, pp. 1278–1281.

Ksenofontova, I.V. (2009). *Spetsifika kommunikatsii v usloviyakh anonimnosti: memetika, imidzhbordy, trolling* [Specificity of communication in the conditions of anonymity: memetics, image boards, trolling]. *Internet i fol'klor, pod red. A.S. Kargina* [Internet i folklore, ed. by A.S. Kargin]. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore Publ., pp. 285–294. Available at: <http://smg.media.mit.edu/people/Judith/Identity/IdentityDeception.html> (accessed 26.10.2017).

Leushkin, R.V. (2017). *Virtual'nyy sotsialnyy kapital v sisteme obschestva potrebleniya* [Virtual

social capital in the consumer society system]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 7, pp. 85–95. Available at: http://e-notabene.ru/pr/article_20565.html (accessed 26.10.2017).

Lipovskaya, O.G. (1991). *Zhenschina kak ob"ekt potrebleniya* [Woman as an object of consumption]. *Iskusstvo kino* [Art of Cinema]. No. 6, pp. 18–21.

Mitrov, M.A. (2011). *Kul'tura obschestva potrebleniya v Rossii v period ekonomicheskogo krizisa: regionalnyy aspekt* [Culture of the consumer society in Russia during the economic crisis: the regional dimension]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'urologiya* [Bulletin of the Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culture]. No. 2, pp. 150–157.

Pikuleva, O.A. (2013). *Psikhologicheskaya mnogoznachnost' ponyatiya samoprezentatsiya lichnosti i sovremennye nauchnye podkhody k ponima-*

niyu ego sodержaniya [The concept of self-presentation: multiple meanings and modern approaches]. *Sotsialnaya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. No. 2, pp. 21–34.

Rakitnykh, M.B. (2004). *Sotsiokul'turnaya priroda fenomena potrebleniya v obschestve postmodernosti: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Socio-cultural nature of the phenomenon of consumption in the society of postmodernity: Abstract of Ph.D. dissertation]. Tomsk, 13 p.

Schelkunov, M.D. and Nikolaeva, E.M. (2009). *Potreblenie. Obrazovanie. Lichnost'* [Consumption. Education. Personality]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology]. No. 1, pp. 97–105.

Seabrook, J. (1978). *What Went Wrong? Why Hasn't Having More Made People Happier?* New York: Pantheon, 286 p.

Received 24.09.2018

Об авторе

Урсова Екатерина Александровна
преподаватель кафедры практической психологии

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина,
603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1;
e-mail: UK1801@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2772-4757>

About the author

Ekaterina A. Urusova
Lecturer of the Department of Practical Psychology

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
1, Ulyanov str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia;
e-mail: UK1801@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2772-4757>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Урсова Е.А. Индивидуальность и самопрезентация: личность как объект и субъект потребления в современном обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 75–82. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-75-82

For citation:

Urusova E.A. Individuality and self-representation: personality as an object and subject of consumption in the modern society // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 75–82. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-75-82

УДК 159.922.1:055.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-83-93

**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА
ГЕСТАЦИОННОЙ ДОМИНАНТЫ, ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК У ЖЕНЩИН
В СВЯЗИ С ВОЗРАСТОМ И СТАТУСОМ
(БЕРЕМЕННЫЕ И НЕ БЕРЕМЕННЫЕ)***

Корниенко Дмитрий Сергеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Радостева Анна Геннадьевна, Силина Елена Алексеевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Рассматривается роль возраста и статуса женщины в формировании типа психологического компонента гестационной доминанты и специфика взаимосвязей между характеристиками гестационной доминанты и родительскими установками. Выборку исследования составили 436 женщин в возрасте от 18 до 40 лет, представляющие две подгруппы: беременные женщины (203 чел.) и женщины, имеющие ребенка возрастом до 5 лет (233 чел.). Методики исследования: опросник «Измерение родительских установок и реакций» и опросник «Тип психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД)». Методами статистического анализа были двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA, сравнительный t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ. Различия в показателях родительских установок и реакций и типе психологического компонента гестационной доминанты проявились в том, что фактор возраста играет большую роль, чем статус. Так, более молодые женщины испытывают больше негативных эмоциональных переживаний в связи с семейной жизнью и воспитанием ребенка, а также склонны к переживанию депрессивного компонента ПКГД. Независимо от возраста эмоциональные параметры взаимодействия в семье связаны с более адаптивными типами ПКГД, тогда как неадаптивные типы ПКГД в большей степени связаны с большими эмоциональными переживаниями по поводу взаимодействия с ребенком.

Ключевые слова: беременность, гестационная доминанта, установки, родительские отношения, супружеские отношения.

**PSYCHOLOGICAL COMPONENT OF THE GESTATIONAL DOMINANT,
FAMILY RELATIONS AND PARENTAL ATTITUDES OF WOMEN
IN DIFFERENT AGES AND STATES (PREGNANT AND NON-PREGNANT)**

Dmitriy S. Kornienko

Perm State University

Anna G. Radosteva, Elena A. Silina

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Pregnancy is a special period of a woman's development, characterized by the acceptance of the new social role and changes in behavioral patterns based on parental attitudes, representations of motherhood, and social expectations. This study aims to analyze age differences in the types of psychological compo-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Динамика психологических характеристик женщин с различным репродуктивным статусом: межгрупповой и внутригрупповой анализ» (№ 17-16-59001).

ment of the gestational dominant (PCGD) and parental attitudes of women in different states (pregnant and non-pregnant). The principal assumption is that the age and the current state have a profound effect and determine different types of PCGD. Additionally, the associations between types of PCGD and parental attitudes are analyzed. The research sample consists of 436 women aged from 18 to 40, divided into two sub-groups: pregnant women (203) and non-pregnant women with a child not older than five (233). Methods: «Parental Attitude Research Instrument» (PARI) and questionnaire «Types of psychological component of the gestational dominant»; ANOVA, t-test, correlation and cluster analysis were used as statistical methods. The main conclusion is that differences in parental attitudes and types of PCGD mainly depend on the women's age. Younger women (not older than 21) have more negative emotions linked with the intra-family relations (relationship with their husband) and the child's upbringing. In addition, younger women perceive depression as the central psychological component of the gestational dominant. Regardless of the age, emotional characteristics of the family relations correlate with more adaptive types of PCGD, while non-adaptive types of PCGD are mainly associated with the emotions concerning interaction with the child.

Keywords: pregnancy, gestational dominant, attitudes, parenting, marital relationship.

Традиционным предметом исследований в перинатальной психологии является изучение комплексной характеристики состояния женщины и окружающей ее среды, включающие медицинскую, психологическую, социальную и культурологическую стороны, что воплощается в понятии материнской или гестационной доминанты. [Гарданова Ж.Р. и др., 2017]. Принятие новой социальной роли матери является особым периодом в развитии, который характеризуется изменением ролевого поведения на основании согласования родительских установок, представлений о себе как о матери, социальных ожиданий окружающих. Формирование гестационной доминанты связано с перестройкой ролевого репертуара личности, появлением и актуализацией потребности в материнстве, появлением новых личностных смыслов [Агаркова И.В. и др., 2017]. Беременность можно рассматривать как специфическую кризисную стадию развития личности женщины, связанную с процессами регресса, трансформации, интеграции и реструктурирования внутриличностных образований [Мордас Е.С., Харисова Р.Р., 2018]. Физиологическая основа гестационной доминанты связана с наличием межполушарной асимметрии ЭЭГ-активности мозга, хотя вопрос о ее локализации остается дискуссионным. Ряд авторов высказывают предположение, что локализация гестационной доминанты связана с расположением плаценты, хотя подобные утверждения пока имеют статус гипотез [Ходырев Г.Н., 2017].

Значительная часть исследований гестационной доминанты посвящена ее психологиче-

скому содержанию, разработанному И.В. Добряковым (2001, 2010). При этом психологический компонент гестационной доминанты (ПКГД) представляет собой совокупность механизмов, формирующих отношение женщины к своей беременности, будущему материнству и изменяющих ее отношения с окружающими людьми, которые направлены на создание условий для развития будущего ребенка и обусловлены формированием материнской идентичности. На сегодняшний день выделяются несколько типов ПКГД, которые условно можно разделить на позитивные (оптимальный тип) или негативные (эйфорический, тревожный и др. типы). При этом тип ПКГД отражается как на состоянии женщины и ее отношениях с окружающими, так и на будущем ребенке. Во множестве исследований показано, что оптимальный тип обнаруживается у женщин от 20 до 70 % случаев. С одной стороны, возникает вопрос о необходимости психологической поддержки, но с другой, это позволяет считать, что для большей части будет характерно психологически благоприятное состояние [Бибикова Е.А., Добряков И.В., 2012; Еремина Н.Ю., Шутенко Е.Н., 2018]. В то же время неоптимальный тип ПКГД может быть связан с различными факторами, такими как семейной неблагополучие, конфликтность отношений с супругом, а также внутренние психологические проблемы: противоречивость мотивации, неготовность к принятию роли матери [Демина А.С., 2013].

Причинами негативного переживания беременности могут быть супружеские конфликты,

самопожертвование в роли матери и жены, несамостоятельность женщины и равнодушие мужа [Ушакова В.Р., 2014]. Кроме того, обнаружена положительная связь отношений между супругами и формированием пренатальной привязанности к плоду у матери и отца [Alhusen J.L., 2008; Maas J. et al., 2014].

В качестве факторов, способствующих благополучному переживанию беременности, выделяют как психологические, так и социально-демографические характеристики. В частности, значимым фактором снижения тревожности, формирования материнской компетентности и эмоциональному принятию ребенка является опыт материнства [Захарова Е.И., Якупова В.А., 2014]. У женщин, в большей степени удовлетворенных браком, реже встречаются отклоняющиеся типы отношения к беременности и ребенку, им свойственен адекватный тип переживания беременности [Савенышева С.С., 2016]. В целом сбалансированный тип семейной системы способствует благополучному протеканию беременности, меньшей тревожности у женщины по поводу отношений с супругом [Бибикина Е.А., Добряков И.В., 2012]. Возраст и уровень образования связаны с большей удовлетворенностью отношениями с супругом, что, в свою очередь, сказывается и на переживании беременности [Некрасова Д.А., 2016; Савенышева С.С., 2016]. Подчеркивается, что возрастные различия могут существенным образом как корректировать отношение женщины к беременности и ребенку, так и отражаться на внутрисемейных характеристиках [Гарданова Ж.Р. и др., 2017].

Исходя из имеющихся теоретико-эмпирических оснований целью данной работы стало изучение возрастных различий в типах психологического компонента гестационной доминанты и родительских установках женщин в связи со статусом (беременная, без детей и с детьми). В качестве основного предположения рассматривается следующее: возраст и статус женщины оказывают главные и совместные эффекты на тип ПКГД и обуславливают специфику взаимосвязей между характеристиками гестационной доминанты и родительскими установками.

Организация исследования

Выборка

Выборку исследования составили 436 женщин, представляющих две подгруппы: беременные женщины (203 чел.) ($M = 24,8$; $SD = 4,4$) и женщины, имеющие ребенка возрастом до 5 лет (233 чел.) ($M = 26,2$; $SD = 4,6$). Возраст испытуемых в общей выборке от 18 до 40 лет ($M = 24,7$; $SD = 4,5$).

Методики

1. В качестве метода оценки родительских установок и реакций была использована методика «Измерение родительских установок и реакций» («PARI», Е.С. Шефер и Р.К. Белл, адаптация Т.В. Нещерет). Опросник содержит 115 вопросов, на которые предлагаются варианты ответов от 1 — полностью не согласен до 4 — полностью согласен. В дополнении к стандартной инструкции респондентов просили высказать отношение к будущему ребенку в вопросах, соответствующих родительскому отношению к детям. Методика позволяет диагностировать 23 характеристики, которые распределяются по четырем шкалам: Отношение родителя к семейной роли, Оптимальный эмоциональный контакт с ребенком, Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком, Излишняя концентрация на ребенке.

2. Опросник «Тип психологического компонента гестационной доминанты» И.В. Добрякова. Утверждения опросника отражают пять разных типов психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД): Оптимальный, Гипогестогнозический, Эйфорический, Тревожный и Депрессивный тип. Данный опросник был предложен беременным женщинам (диагностика текущего состояния) и женщинам, имеющим ребенка (ретроспективная диагностика опыта беременности).

В качестве методов статистического анализа использовались: корреляционный, регрессионный, кластерный и дисперсионный анализы.

Основными методами статистического анализа стали двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA и сравнительный t-критерий Стьюдента, корреляционный и кластерный анализы.

Результаты

Возрастные различия в показателях родительских установок и реакций и типа психологического компонента гестационной доминанты

На первом этапе анализа данных был использован двухфакторный дисперсионный анализ для установления главных и совместных эффектов влияния возраста и опыта материнства на характеристики внутрисемейных отношений.

Обнаружен основной эффект Возраста на показатели Отношение к семейной роли ($F(2, 589) = 11,57; p < 0,001$), Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком ($F(2, 589) = 5,92; p < 0,01$) и Излишняя концентрация на ребенке ($F(2, 589) = 11,03; p < 0,001$).

Основного эффекта фактора Статуса женщины не обнаружено, как не обнаружено и взаимодействие факторов Возраст и Статус женщины.

Межгрупповые (апостериорные) сравнения позволили уточнить картину различий. Так, по показателю Отношение к семейной роли женщины разных возрастных групп отличаются между собой ($p < 0,05; 0,01$) как при попарном сравнении, так и по показателю Излишняя концентрация на ребенке. По показателю Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком различия проявляются между группой женщин старше 28 лет и более молодыми женщинами ($p < 0,01; 0,001$), но отличий между группами до 21 года и старше 22 нет (табл. 1).

Таблица 1. Средние и стандартные отклонения показателей Родительских установок и реакций в группах женщин разного возраста

Возрастная группа	N	Показатель					
		Отношение к семейной роли		Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком		Излишняя концентрация на ребенке	
		Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.
До 21 года	155	14,16	1,54	12,31	1,77	13,39	1,49
От 22 до 27 лет	260	13,85	1,52	12,06	1,69	13,08	1,42
От 28 лет	175	13,31	1,39	11,50	1,88	12,42	1,39

При рассмотрении различий в показателях доминирующего типа психологического компонента гестационной доминанты между беременными женщинами и женщинами, имеющими опыт материнства и воспитывающими детей, был обнаружен основной эффект возраста для одного показателя психологического компонента гестационной доминанты — Депрессивный тип переживания ПКГД ($F(2, 435) = 3,04; p < 0,05$).

Возрастные различия во взаимосвязях показателей родительских установок и реакций и типа психологического компонента гестационной доминанты

Для установления возрастной специфики во взаимосвязях показателей типа ПКГД и внутрисемейных отношений и отношений к ребенку был проведен корреляционный анализ в трех группах женщин. В результате были получены следующие факты.

В группе женщин от 16 до 21 года обнаружены следующие взаимосвязи. Эйфорический тип ПКГД отрицательно связан с Отношением к семейной роли ($r = -0,28; p < 0,05$) и Излишней концентрацией на ребенке ($r = -0,43; p < 0,01$).

В группе женщин от 22 до 27 лет обнаружены положительные взаимосвязи Гипогестогнозического типа ПКГД с Оптимальным эмоциональным контактом ($r = 0,15; p < 0,01$) и Излишней эмоциональной дистанцией с ребенком ($r = 0,18; p < 0,05$). Эйфорический тип ПКГД отрицательно связан с Излишней концентрацией на ребенке ($r = -0,14; p < 0,05$), а Депрессивный тип связан положительно с Излишней эмоциональной дистанцией с ребенком ($r = 0,14; p < 0,05$).

В группе женщин от 28 до 37 лет обнаружена одна взаимосвязь — между Гипогестогнозическим типом ПКГД и Излишней эмоциональной дистанцией с ребенком ($r = -0,18; p < 0,05$).

Различия в показателях родительских установок и реакций в связи с выраженностью типа психологического компонента гестационной доминанты

Был проведен кластерный анализ показателей психологического компонента гестационной

доминанты для выявления групп женщин с преобладающим типом. В результате было выделено пять групп женщин, отличающихся максимальной выраженностью одного из показателей (табл. 2).

Таблица 2. Процентное соотношение женщин с доминирующим типом ПКГД в трех возрастах, %

Тип ПКГД	Возраст, лет			Всего в выборке
	до 21	от 22 до 27	от 28	
Депрессивный	30,00	13,60	10,00	14,90
Гипогестогнозический	17,10	15,00	21,90	17,90
Тревожный	12,90	14,10	15,60	14,40
Эйфорический	17,10	29,60	29,40	27,50
Оптимальный	22,90	27,70	23,10	25,20

Анализ частотных различий показал, что количество женщин с депрессивным типом в возрасте до 21 года значительно отличается от более старших возрастов (хи-квадрат = 20,38; $p < 0,01$).

При рассмотрении возрастных различий с помощью дисперсионного анализа ANOVA не было обнаружено явно выраженного основного эффекта доминирующего типа ПКГД на Возраст. Однако были обнаружены апостериорные эффекты, которые проявились в том, что женщины с доминирующим Депрессивным типом

значимо отличаются ($p < 0,05$) от женщин с доминирующим Эйфорическим типом ПКГД.

Для выявления эффектов типа ПКГД на показатели отношения к семейной роли и на характеристики отношения к ребенку был проведен дисперсионный анализ. Обнаружен основной эффект типа ПКГД на показатели Отношение к семейной роли ($F_{2, 435} = 3,21$; $p < 0,05$), Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком ($F_{2, 435} = 2,58$; $p < 0,05$) и Излишняя концентрация на ребенке ($F_{2, 435} = 4,86$; $p < 0,01$) (табл. 3).

Таблица 3. Средние и стандартные отклонения показателей Родительских установок и реакций в группах женщин с преобладанием различного типа ПКГД

Тип ПКГД	N	Показатель					
		Отношение к семейной роли		Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком		Излишняя концентрация на ребенке	
		Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.
Депрессивный	65	14,06	1,50	12,52	1,56	13,12	1,52
Гипогестогнозический	78	13,91	1,57	11,76	1,88	12,88	1,59
Тревожный	63	13,77	1,52	12,07	1,88	12,84	1,22
Эйфорический	120	13,34	1,38	11,74	1,69	12,47	1,33
Оптимальный	110	13,86	1,62	11,81	1,81	13,26	1,44

При этом апостериорные сравнения позволили уточнить картину различий: так, Отношение к семейной роли значительно отличается ($p < 0,05; 0,01$) у группы женщин с Эйфорическим от женщин с Оптимальным, Гипогестогнозическим и Депрессивным типом переживания ПКГД.

Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком значительно отличается ($p < 0,01$) у женщин с Депрессивным типом от женщин с Эйфорическим, Оптимальным и Гипогестогнозическим типом переживания ПКГД.

Апостериорные сравнения по показателю Излишняя концентрация на ребенке обнаружи-

лись ($p < 0,01:0,001$) между женщинами с Эйфорическим, Депрессивным и Оптимальным типами переживания ПКГД.

Обсуждение

Анализ результатов исследования показывает, что возрастные различия в родительских установках и реакциях превосходят различия в статусе. Так, для женщин более старшего возраста характерно снижение показателей Отношение к семейной роли, Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком и Излишняя концентрация на ребенке. Это позволяет утверждать, что с возрастом расширяется сфера интересов женщины, происходит их переключение с роли матери на другие роли и в целом семейная среда начинает восприниматься как более безопасная, а роль мужа и других членов семьи начинает рассматриваться в более позитивном свете. Аналогичная ситуация и с отношением к ребенку: снижаются негативные проявления эмоциональных реакций и стремление контролировать все аспекты жизни ребенка. Происходит переход к более сдержанным собственным реакциям и предоставляется больше свободы ребенку. Интересно отметить, что негативные эмоциональные реакции в связи с воспитательной ситуацией становятся менее сильными у женщин старше 27 лет, что позволяет предполагать выстраивание транзактной модели [Колесников И.А. и др. 2017; Шэффер Д., 2003]. С возрастом мать и ребенок начинают оказывать реципрокное влияние друг на друга и их взаимодействие становятся менее насыщенным негативными эмоциями и постоянным контролем. Это подтверждается и в исследованиях ценностей. Так, для женщин в возрасте от 26 до 30 лет ценность ребенка максимальна по сравнению с более молодыми женщинами [Левченко А.В., Галкина Е.В., 2013].

В отношении показателей, характеризующих тип психологического компонента гестационной доминанты, было выявлено, что депрессивные характеристики переживания беременности с возрастом снижаются. Негативное настроение, переживание страхов, беспокойство за себя и за ребенка не исчезают, но становятся все менее выраженными в психологической картине переживания беременности.

Особенности взаимосвязей двух групп свойств, характеризующих родительское отно-

шение и переживание беременности, имеют свою возрастную специфику. Для младшей возрастной группы женщин характерно то, что чем меньше они воспринимают свою семейную ситуацию как напряженную и по мере того как чувствуют себя не соответствующими роли жены и матери и замыкают свою жизнь на ребенке, тем больше они склонны рассматривать беременность как средство решения семейных проблем и как способ привлечь к себе внимание членов семьи. В данном случае возможно говорить о переживании перинатального стресса, факторами которого и являются психологическая неготовность к родительству, нестабильность семейной системы, тревоги и страхи по поводу вынашивания, рождения и воспитания ребенка. Причем, как было показано в работе Г.Г. Филипповой [Филиппова Г.Г., 2015], психологическое сопровождение матерей и пар, имеющих такие симптомы, снижает перинатальный стресс и усиливает позитивную составляющую репродуктивной доминанты.

Женщины средней возрастной группы демонстрируют, что их эмоциональная сдержанность или даже суровость в установках по отношению к воспитанию ребенка скорее будет связана с переживанием беременности как периода негативного настроения или стремлением сохранить привычный до беременности образ жизни. При этом матери, стремящиеся к стереотипному образу жизни, в большей степени способны выстраивать эмоционально позитивные отношения и готовы предоставлять ребенку больше свободы. Эти результаты в определенной мере согласуются с тем, что для женщин в период беременности наиболее адаптивным будет активный копинг, поэтому включение в различные социальные взаимодействия и сохранение образа жизни могут являться проявлением адаптивного поведения [Дементий Л.И., Василевская Ю.Г., 2013].

Группа женщин старшего возраста характеризуется тем, что сохранение привычной среды и стиля жизни для них также связано с меньшими негативными эмоциями в отношении процесса воспитания. Исходя из взаимосвязей, можно утверждать, что для более молодых матерей более характерно восприятие беременности как средства решения своих проблем, что связано с негативными установками и реакциями в отношении взаимодействия с ребенком. В

то же время женщины от 22 до 27 лет демонстрируют большее стремление к привычному стилю жизни во время беременности, что скорее всего сказывается негативно на представлениях о взаимодействии с ребенком, равно как и излишняя поглощенность своим положением или переживание негативных эмоций по поводу беременности, которые приводят к эмоциональному напряжению в отношении ситуаций взаимодействия с ребенком.

Анализ соотношения женщин с различными типами переживания психологического компонента гестационной доминанты показывает, что соотношение разных типов ПКГД в трех возрастах не отличается. Исключение составляет только в группе до 21 года, в которой наблюдается более частый тип переживания ПКГД, связанный с негативными эмоциями и страхами по поводу беременности и родов. Несмотря на то что оптимальный тип переживания психологического компонента гестационной доминанты имеет наибольшую представленность, тем не менее в нашей выборке количество женщин с оптимальным типом существенно меньше, чем выделялось в других исследованиях [напр., Добряков И.В., 2014]. Анализируя различия в возрасте между женщинами с разными типами ПКГД, мы обнаружили, что в более старшем возрасте для женщин характерно переживание более насыщенного эмоционального спектра, тогда как в младшем более выражена склонность к негативным эмоциям, что находит свое подтверждение и в других работах; в частности, установлено, что у первородящих матерей тревожность может доминировать в психологическом компоненте гестационной доминанты [Левченко А.В., Галкина Е.В., 2013].

При рассмотрении различий в родительских установках и реакциях у женщин с доминирующим типом ПКГД обнаружены различия в отношении к семейной роли, которое при эйфорическом типе является наименее выраженным, а при депрессивном — максимальным. Кроме того, дисгармоничность супружеских отношений является предпосылкой для формирования тревожных и депрессивных переживаний во время беременности [Айламазян Э.К., Добряков И.В., 2013] и, наоборот, эмоциональная близость с супругом снижает подобные реакции [Голубых А.И., Савеньшева С.С., 2014]. Аналогичная ситуация и в отношении устано-

вок по отношению к проявлению эмоций во взаимодействии с ребенком — женщины с депрессивными переживаниями беременности склонны проявлять уход от эмоционального контакта и демонстрировать излишнюю строгость, что согласуется с картиной переживаний, описанной И.В. Добряковым [Добряков И.В., 2014]. В то же время излишнюю концентрацию на ребенке демонстрируют женщины с адаптивным типом переживанием ПКГД, что, с одной стороны, способствует излишней защите ребенка, созданию ситуации максимальной безопасности и исключению других влияний. С другой стороны, вполне логичным является проявление материнских чувств по отношению к ребенку, формирующихся в процессе беременности. Данные факты в определенной степени согласуются с результатами исследования А.Т. Музафаровой [Музафарова А.Т., 2015], которая обнаружила, что психологические границы семьи отрицательно связаны с депрессивным и тревожным типом ПКГД. Если семейная система становится неустойчивой и в ней снижается сплоченность, то это отражается на состоянии женщины и приводит к тому, что усиливается негативный эмоциональный фон.

Выводы

1. Возрастные различия являются более значимыми для дифференциации женщин на основании их установок по отношению к семейной роли и к будущему ребенку. С возрастом у них происходит снижение негативных эмоциональных реакций и снижается стремление к контролю ребенка и семейной среды.

2. Особенности семейной ситуации связаны с переживанием беременности как способа решения проблем и чаще наблюдаются у женщин более молодого возраста (до 21 года). Возрастная специфика проявляется в том, что более старшие матери (от 22 лет) склонны спокойнее относиться к будущему процессу воспитания ребенка. Также неадаптивные типы переживания беременности (психологический компонент гестационной доминанты) с возрастом встречаются реже и общий фон переживания беременности становится более благополучным. Однако при неадаптивных типах ПКГД в старшем возрасте может возникать больше эмоциональных переживаний по поводу будущего взаимодействия с ребенком.

3. Доминирующий тип психологического компонента гестационной доминанты связан с особенностями семейной ситуации; так, эмоционально-близкие супружеские отношения становятся фактором, способствующим адаптивному типу переживания ПКГД.

Список литературы

Агаркова И.В., Хабарова Т.Ю., Бригадирова В.Ю. Клинико-психологическое исследование принятия новой роли матери у первородящих беременных женщин // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2, № 6(23). С. 3–7.

Айламазян Э.К., Добряков И.В. Демографическая ситуация и развитие перинатальной психологии в современной России // Журнал акушерства и женских болезней. 2013. Т. 62, № 1. С. 10–15.

Бибикина Е.А., Добряков И.В. Особенности психологического компонента гестационной доминанты у женщин с различными типами сбалансированности семейной системы // Профилактическая и клиническая медицина. 2012. № 4(45). С. 56–60.

Гарданова Ж.Р., Брессо Т.И., Есаулов В.И. и др. Особенности формирования материнской доминанты у молодых девушек // Наука, техника и образование. 2017. № 11(41). С. 70–74.

Голубых А.И., Савеньшева С.С. Эмоциональные особенности беременных женщин и их отношение к будущему ребенку и супругу // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2014. Т. 2. С. 72–78.

Дементий Л.И., Василевская Ю.Г. Особенности копинг-стратегий беременных с разным типом психологического компонента гестационной доминанты // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2013. № 1. С. 6–12.

Демина А.С. Психологическая готовность к материнству в период ранней взрослости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4(56). С. 88–92.

Добряков И.В. Показатели тревоги и депрессии у беременных женщин при различных типах психологического компонента гестационной доминанты // Вестник российской военно-медицинской академии. 2014. № 1(45). С. 46–50.

Еремينا Н.Ю., Шутенко Е.Н. Связь самоотношения и ценностных ориентаций у женщин в период беременности // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 1(18). С. 137–141.

Захарова Е.И., Якупова В.А. Внутренняя материнская позиция женщин, беременность которых

наступила с помощью ЭКО // Национальный психологический журнал. 2015. № 1(17). С. 96–104.

Колесников И.А., Беляева Е.Н., Добряков И.В., Зазерская И.Е., Вассерман Л.И. Депрессивные расстройства у женщин во время беременности и после родов: роль семейных отношений // Современные проблемы клинической психологии и психологии личности: материалы Всерос. науч.-практ. конференции с международным участием. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 307–315.

Левченко А.В., Галкина Е.В. Репродуктивная мотивация и эмоциональное состояние женщин во время беременности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 4(129). С. 130–136.

Мордас Е.С., Харисова Р.Р. Беременность как стадия личностного развития женщины // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 2. С. 135–150. DOI: 10.17759/cpp.2018260209.

Музафарова А.Т. Взаимосвязь характеристик семейной системы и отношения к беременности // VI Международная научная конференция «Психологические проблемы современной семьи»: сб. тезисов / под ред. О.А. Карабановой, Е.И. Захаровой, С.М. Чурбановой, Н.Н. Васягина. Москва–Звенигород, 30 сентября – 4 октября 2015 г. Екатеринбург: УрФу, 2015. С. 474–477.

Некрасова Д.А. Особенности проявления типов переживания беременности женщин в зависимости от возраста // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: материалы Междунар. (заочной) науч.-практ. конференции / под общ. ред. А.И. Вострецова. 2016. Нефтекамск: Мир науки, 2016. С. 121–129.

Савеньшева С.С. Удовлетворенность браком и отношение к беременности и ребенку у беременных женщин // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53–11. С. 239–246.

Ушакова В.Р. Психологические особенности супружеских отношений у женщин с различным течением беременности // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2014. № 2(4). URL: http://medpsy.com/climp/2014_2_4/article09.php (дата обращения: 25.12.2018).

Филиппова Г.Г. Пренатальный стресс: усиление риска при современных технологиях ведения беременности и лечения бесплодия // VI Международная научная конференция «Психологические проблемы современной семьи»: сб. тезисов / под ред. О.А. Карабановой, Е.И. Захаровой, С.М. Чурбановой, Н.Н. Васягина. Москва–

Звенигород, 30 сентября – 4 октября 2015 г. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 499–508.

Ходырев Г.Н. Исследования гестационной доминанты // Приоритетные направления развития образования и науки: матер. III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 ноября 2017 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 88–89.

Шэффер Д. Дети и подростки: психология развития. 6-е изд. СПб.: Питер. 2003. 976 с.

Alhusen J.L. A literature update on maternal-fetal attachment // *Journal of Obstetric, Gynecologic, and Neonatal Nursing*. 2008. Vol. 37. P. 315–328.

Maas J., Vreeswijk Ch., Braeken J., Vingerhoets A., Van Bakel H. Determinants of maternal fetal attachment in women from a community-based sample // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 2014. Vol. 32, no. 1. P. 5–24.

Получено 22.11.2018

References

Agarkova, I.V., Habarova, T.Yu. and Brigadirova, V.Yu. (2017). *Kliniko-psikhologicheskoe issledovanie prinyatie novoy roli materi u pervorodyaschikh beremennykh zhenschin* [Clinical-psychological research adoption of a new matter role in pregnant women]. *Tsentrallyy nauchnyy vestnik* [Central Science Bulletin]. Vol. 2, no. 6(23), pp. 3–7.

Alhusen, J.L. (2008). A literature update on maternal-fetal attachment. *Journal of Obstetric, Gynecologic, and Neonatal Nursing*. Vol. 37, pp. 315–328.

Aylamazyan, E.K. and Dobryakov, I.V. (2013). *Demograficheskaya situatsiya i razvitie perinatal'noy psikhologii v sovremennoy Rossii* [Demographic situation and development of perinatal psychology in Russia today]. *Zhurnal akusherstva i zhenskikh bolezney* [Journal of Obstetrics and Women's Diseases]. Vol. 62, no. 1, pp. 10–15.

Bibikova, E.A. and Dobryakov, I.V. (2012). *Osobennosti psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoy dominantly u zhenshin s razlichnymi tipami sbalansirovannosti semeynoy sistemy* [Special features of psychological component of gestational dominant at women with different types of family system]. *Profilakticheskaya i klinicheskaya meditsina* [Preventive and Clinical Medicine]. No. 4(45), pp. 56–60.

Dementiy, L.I. and Vasilevskaya, Yu.G. (2013). *Osobennosti koping-strategiy beremennykh s raznym tipom psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoy dominantly* [Features of coping strategies pregnant

women with different types of psychological component of gestational dominant]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Herald of Omsk University. Series «Psychology»]. No. 1, pp. 6–12.

Demina, A.S. (2013). *Psikhologicheskaya gotovnost' k materinstvu v period ranney vzroslosti* [Psychological readiness for motherhood in the period of early adulthood]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. No. 4(56), pp. 88–92.

Dobryakov, I.V. (2014). *Pokazateli trevogi i depressii u beremennykh zhenshin pri razlichnykh tipakh psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoy dominantly* [Anxiety and depression in relation to psychological component of gestational dominant]. *Vestnik rossiyskoy voenno-meditsinskoy akademii* [Vestnik of Russian Military Medical Academy]. No. 1(45), pp. 46–50.

Eremina, N.Yu. and Shutenko, E.N. (2018). *Svyaz' samootnosheniya i tsennostnykh orientatsiy u zhenshin v period beremennosti* [Communication of the self-relation and valuable orientations at women during pregnancy]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki* [Modern Research and Development]. No. 1(18), pp. 137–141.

Filippova, G.G. (2015). Prenatal'nyy stress: usilnie riska pri sovremennykh tekhnologiyakh vedeniya beremennosti i lecheniya besplodiya [Prenatal stress: increased risk in modern technologies of pregnancy management and infertility treatment]. *VI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya Psikhologicheskie problemy sovremennoy sem'i: sbornik tezisov, pod red. O.A. Karabanovoy, E.I. Zakharovoy, S.M. Churbanovoy, N.N. Vasyagina* [6th International scientific conference Psychological problems of the modern family: a collection of theses, ed. by O.A. Karabanova, E.I. Zakharova, S.M. Churbanova, N.N. Vasyagin]. Moscow, Zvenigorod, pp. 499–508.

Gardanova, Zh.R., Bresso, T.I., Esaulov, V.I. et al. (2017). *Osobennosti formirovaniya materinskoy dominantly u molodykh devushek* [Features of the formation of maternal dominant at teenagers]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie* [Science, Technology and Education]. No. 11(41), pp. 70–74.

Golubykh, A.I. and Savynysheva, S.S. (2014). *Emotsional'nye osobennosti beremennykh zhenshin i ikh otnoshenie k buduschemu rebenku i suprugu* [Emotional characteristics of pregnant women and their relationship to the unborn child and spouse]. *Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakul'teta psikhologii SPbGU* [Scientific Studies of Graduates of the Faculty of Psychology of St. Petersburg State University]. Vol. 2, pp. 72–78.

Hodyrev G.N. (2017). *Issledovaniya gestatsionnoy dominanty* [Gestational dominant studies]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya obrazovaniya i nauki Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Priority directions of development of education and science Collection of proceeding of the 3rd International Scientific and Practical Conference]. pp. 88–89.

Kolesnikov, I.A., Belyaeva, E.N., Dobryakov, I.V., Zazerskaya, I.E. and Vasserman, L.I. (2017). *Depressivnye rasstroystva u zhenshin vo vremya beremennosti i posle rodov: rol' semeynykh otnosheniy* [Depressive disorders during pregnancy and after birth: the role of family relations]. *Sovremennye problemy klinicheskoy psikhologii i psikhologii lichnosti: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Proceedings of All-Russian conference with international participations Contemporary problems of clinical psychology and personality psychology]. Novosibirsk, pp. 307–315.

Levchenko, A.V. and Galkina, E.V. (2013). *Reproduktivnaya motivatsiya i emotsional'noe sostoyanie zhenshin vo vremya beremennosti* [Reproductive motivation and emotional status of women in pregnancy]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya*. [The Bulletin of Adyge State University. Series 3: Pedagogy and Psychology]. No. 4(129), pp. 130–136.

Maas, J., Vreeswijk, Ch., Braeken, J., Vingerhoets, A. and Van Bakel, H. (2014). Determinants of maternal fetal attachment in women from a community-based sample. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. Vol. 32, no. 1, pp. 5–24.

Mordas, E.S. and Kharisova, R.R. (2018). *Beremennost' kak stadiya lichnostnogo razvitiya zhenschiny* [Pregnancy as a stage of personal development of a woman]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 26, no. 2, pp. 135–150. DOI: 10.17759/cpp.2018260209.

Muzafarova, A.T. (2015). *Vzaimosvyaz' kharakteristik semeynoy sistemy i otnosheniya k beremennosti* [The relationship of the characteristics of the family system and attitudes towards pregnancy]. *VI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya Psikhologicheskie problemy sovremennoy sem'i: sbornik tezisev, pod red. O.A. Karabanovoy, E.I. Zakharovoy, S.M. Churbanovoy, N.N. Vasyagina* [6th International scientific conference Psychological problems of the modern family: a collection of theses, ed. by O.A. Karabanova, E.I. Zakharova, S.M. Churbanova, N.N. Vasyagin]. Moscow, Zvenigorod, pp. 474–477.

Nekrasova, D.A. (2016). *Osobennosti proyavleniya tipov perezhivaniya beremennosti zhenshin v zavisimosti ot vozrasta* [Features of manifestation of types of experiencing pregnancy in women, depending on age]. *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika Materialy Mezhdunarodnoy (zaочноy) nauchno-prakticheskoy konferentsii, pod red. A.I. Vostretsova* [Innovative research: theory, methodology, practice Proceedings of the international scientific and practical conference, ed. by A.I. Vostretsov]. pp. 121–129.

Savenysheva, S.S. (2016). *Udovletvorennost' brakom i otnoshenie k beremennosti i rebenku u beremennykh zhenshin* [Marital satisfaction and relationship to pregnancy and child in pregnant women]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. No. 53–11, pp. 239–246.

Sheffer, D. (2003). *Deti i podrostki: psikhologiya razvitiya* [Children and teenagers: developmental psychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 976 p.

Ushakova, V.R. (2014). *Psikhologicheskie osobennosti supruzheskikh otnosheniy u zhenshin s razlichnym techeniem beremennosti* [Psychological features of marital relations in women with different courses of pregnancy]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika* [Clinical and medical psychology: research, training, practice]. No. 2(4). Available at: http://medpsy.com/climp/2014_2_4/article09.php (accessed 25.12.2018).

Zakharova, E.I. and Yakupova, V.A. (2015). *Vnutrennyaya materinskaya pozitsiya zhenshin, beremennost' kotorykh nastupila s pomosch'yu EKO* [Internal maternal position of women who became pregnant using IVF]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 1(17), pp. 96–104.

Received 22.11.2018

Об авторах

Корниенко Дмитрий Сергеевич

доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей и клинической
психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: dscorney@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Радостева Анна Геннадьевна

старший преподаватель кафедры педагогики
и психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, Сибирская, 24;
e-mail: batagen@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6245-1064>

Силина Елена Алексеевна

кандидат психологических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики и психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, Сибирская, 24;
e-mail: corney@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9219-170X>

About the authors

Dmitriy S. Kornienko

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of General
and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: dscorney@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Anna G. Radosteva

Senior Lecturer of the Department of Pedagogy
and Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: batagen@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6245-1064>

Elena A. Silina

Ph.D. in Psychology, Docent,
Professor of the Department
of Pedagogy and Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: corney@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9219-170X>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корниенко Д.С., Радостева А.Г., Силина Е.А. Особенности психологического компонента гестационной доминанты, внутрисемейных отношений и родительских установок у женщин в связи с возрастом и статусом (беременные и не беременные) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 83–93. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-83-93

For citation:

Kornienko D.S., Radosteva A.G., Silina E.A. Psychological component of the gestational dominant, family relations and parental attitudes of women in different ages and states (pregnant and non-pregnant) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 83–93. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-83-93

УДК 159.922

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-94-105

НАПРАВЛЕННОСТЬ НА САМОРАЗВИТИЕ КАК ПРЕДИКТОР ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ И ВЗРОСЛЫХ*

*Трошихина Евгения Германовна, Манукян Виктория Робертовна,
Данилова Марина Викторовна*

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье исследуется роль направленности на саморазвитие для психоэмоционального благополучия старших подростков ($N = 146$) и взрослых ($N = 160$). Предложено два интегративных показателя гармоничность/дисгармоничность направленности на саморазвитие: соотношение важности и достижения (реализованности) личностного роста и соотношение важности (внешняя мотивация) и интересности (внутренняя мотивация) саморазвития в жизненных сферах. Выявлено, что психоэмоциональное благополучие подростков носит гедонистический характер, тогда как взрослых — эвдемонистический. В отношении направленности на саморазвитие в целом подростки и взрослые сходно оценивают степень важности и реализованности личностного роста, в обеих группах уровень важности выше уровня достижений, что свидетельствует об устремленности к дальнейшему самосовершенствованию. У взрослых, по сравнению с подростками, значимо выше как понимание важности саморазвития в разных жизненных сферах, так и заинтересованности в этом. Для психоэмоционального благополучия подростков наиболее благоприятно гармоничное соотношение интереса и признания важности саморазвития, а также понимания важности и достижений в сфере личностного роста, тогда как для психоэмоционального благополучия взрослых большее значение имеет результативность в сфере личностного роста и собственный интерес к саморазвитию. Во взрослом периоде показатели направленности на саморазвитие чаще выступают предикторами психоэмоционального благополучия и обладают большей объяснительной силой, чем в подростковом. Для взрослых наиболее сильными предикторами психоэмоционального благополучия являются оценка собственных достижений личностного роста и внутренняя мотивация саморазвития (интерес к саморазвитию), тогда как для подростков — признание важности личностного роста как ориентира.

Ключевые слова: психоэмоциональное благополучие, психологическое благополучие, саморазвитие, личностный рост, удовлетворенность жизнью, подростки, взрослость.

THE FOCUS ON SELF-DEVELOPMENT AS A PREDICTOR OF PSYCHO-EMOTIONAL WELLBEING OF ADOLESCENTS AND ADULTS

Evgenia G. Troshikhina, Victoria R. Manukyan, Marina V. Danilova

Saint Petersburg State University

The aim of the present study was to examine the role of the focus on self-development for the psycho-emotional wellbeing of older adolescents ($N = 146$) and adults ($N = 160$). Two integrative indicators of the harmonicity / inharmonicity of the focus on self-development are suggested: the ratio of the importance of personal growth to its achievement (realization) and the ratio of the importance (external motivation) of self-development in life spheres to interest (internal motivation) in it. The research revealed

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 16-06-00307-ОГН.

that the psycho-emotional wellbeing of adolescents is of hedonistic nature, whereas that of adults is of eudemonic one. With regard to the focus on self-development, the level of the importance of personal growth and the level of its realization in adolescents and adults do not significantly differ. In addition, in both groups the level of the importance is significantly higher than the level of achievement, which indicates an aspiration for further self-improvement. The level of the importance of self-development in different life spheres and the level of interest in it are significantly higher in adults than in adolescents. The harmonious ratio of the importance of self-development to the interest in it and the harmonious ratio of the importance of personal growth to its achievement are most favorable for the psycho-emotional wellbeing of adolescents, while the realization in the sphere of personal growth and their own interest in self-development are of greater importance for the psycho-emotional wellbeing of adults. In adulthood indicators of the focus on self-development appear to be predictors of components of psycho-emotional wellbeing more often and with greater explanatory power than in the adolescent period. Evaluation of achievements in personal growth and internal motivation for self-development (interest in it) are the strongest predictors of psycho-emotional wellbeing for adults, whereas for adolescents the most important predictor of psycho-emotional wellbeing is the recognition of the importance of personal growth, which can be considered a reference point for the future life.

Keywords: psycho-emotional well-being, psychological well-being, self-development, personal growth, satisfaction with life, adolescents, adulthood.

Введение

В современной психологии все больше внимания уделяется теоретическим разработкам и эмпирическим исследованиям природы, структуры, предикторов и эффектов благополучия человека. Исследователи фокусируются либо на субъективном благополучии, т.е. на том, как люди ощущают качество своей жизни, либо на психологическом благополучии, т.е. насколько люди достигают реализации своего потенциала, и лишь немногие исследуют оба измерения общего благополучия [Ryan R.M., Deci E.L., 2001]. В данной статье мы рассматриваем интегральный конструкт психоэмоционального благополучия с точки зрения его обусловленности различными составляющими направленности на саморазвитие у подростков и взрослых.

Психоэмоциональное благополучие как интегральный конструкт

Субъективное благополучие определяется как когнитивная и эмоциональная оценка своей жизни и включает положительный и отрицательный аффекты, а также удовлетворенность жизнью [Diener E. et al., 2002]. Концепция субъективного благополучия фактически представляет собой термин для того, что люди обычно подразумевают под счастьем. Это понятие связано с гедонической философией, согласно которой благополучие достигается, когда индивид испытывает высокий уровень удовлетворенности своей жизнью и положительные эмоции

превалируют над отрицательными, т.е. усиливается удовольствие и уменьшается страдание [Ryan R.M., Deci E.L., 2001].

Удовлетворенность жизнью предполагает глобальную оценку своей реальной жизни через призму личных стандартов «хорошей жизни» [Diener E. et al., 1999]. Человек будет в том случае удовлетворен, когда почти отсутствует разрыв между реальным положением дел и идеальными представлениями. Оценка также может исходить из сравнения себя с другими людьми [Аргайл М., 2003].

На сегодняшний день данная структура субъективного благополучия считается общепризнанной, но иногда ее видоизменяют, внося дополнения. Так, Л.В. Куликов [Куликов Л.В., 2000] видит содержанием когнитивного компонента не столько целостную оценку своей жизни вообще, сколько суммарную оценку, складывающуюся из оценок разных аспектов жизни. Тогда эмоциональный компонент — это доминирующая эмоциональная окраска отношения к этим аспектам жизни. И.А. Джидарьян также разделяет субъективное благополучие на эмоциональную и когнитивную составляющие: она пишет о рефлексивном ядре и эмоциональном фоне [Джидарьян И.А., 2013].

Концепт психологического благополучия основан на эвдемоническом подходе, поскольку внимание исследователей фокусируется на идее, что проживание достойной жизни и актуализация собственных потенциалов — это путь человека к благополучию [Ryan R.M., Deci E.L.,

2001; Keyes L.M. et al., 2002]. Наиболее полно психологическое благополучие представлено концепцией К. Рифф [Ryff C.D., 1989], выделившей шесть факторов: автономность, компетентность, позитивные отношения с другими, самопринятие, наличие целей в жизни и личностный рост. Поскольку в данный конструкт не включены эмоциональные шкалы, многие исследователи относят его к когнитивной оценке человеком своей жизни [Аргайл М., 2003]. Уже имеются данные, свидетельствующие о том, что психологическое благополучие позитивно коррелирует с образовательным и профессиональным статусом [Ryff C.D., Singer V.H., 2008] и отрицательно коррелирует с пассивной прокрастинацией [Habelrih E.A., Hicks R.E., 2015].

Хотя очевидно, что существует концептуальное различие между субъективным и психологическим благополучием, современные психологи признают сильные стороны и ценность обоих подходов и рассматривают их как важные аспекты общей картины благополучия [Henderson L.W., Knight T., 2012].

Психологическое благополучие характеризуется столкновением с экзистенциальными вызовами жизни [Ryff C.D., Singer V.H., 2008]. Отношение человека к коллизиям и крутым поворотам судьбы как к испытаниям и жизненным вызовам, определяет моральное и душевное удовлетворение своей жизнью даже тогда, когда объективные характеристики утверждают об обратной картине. По мысли Рифф, психологическое благополучие должно приводить к чувству наполненности жизни, внутреннему балансу и коррелировать с позитивным настроением, чувством счастья и удовлетворенностью жизнью. Однако последние исследования показали, что наиболее экзистенциальные его характеристики — наличие жизненных целей и направленность на личностный рост — могут сопровождаться напряжением и фобическими настроениями [Трошихина Е.Г., Манукян В.Р., 2017]. Психологическое благополучие — это не совсем противоположный полюс психологического дистресса одного континуума [Winefield H.R. et al., 2012].

В качестве интегральной характеристики благополучия личности нами был предложен и апробирован конструкт «психоэмоциональное благополучие», отражающий взаимосвязи эвдемонического и гедонистического благополучия в соотношении с базовыми эмоциональными ха-

рактеристиками личности (тревожность, устойчивые эмоциональные состояния). Он позволяет рассмотреть целостно состояние благополучия [Трошихина Е.Г., Манукян В.Р., 2017]. На наш взгляд, исследования, связанные с вкладом направленности на саморазвитие в благополучие, должны включать оценку целостного измерения.

Направленность на саморазвитие

В современной психологии понятие саморазвития начинает занимать существенное место и, несмотря на разные подходы к сущности саморазвития, как особой деятельности (И.И. Чеснокова), стратегии жизни (К.А. Абульханова-Славская), жизненной ориентации (Е.Ю. Коржова), наметились общие тенденции в рассмотрении содержательного наполнения данного понятия.

Саморазвитие считается сущностной потребностью человека и фундаментальной способностью становиться субъектом собственной жизнедеятельности и личностных изменений, рассматривается как сознательно осуществляемый активный процесс, детерминируемый изнутри, а не извне (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, Д.А. Леонтьев, М.А. Щукина и др.).

Теоретическая концептуализация саморазвития указывает на возможную связь между направленностью на саморазвитие и психоэмоциональным благополучием. В ряде работ подчеркивается важность саморазвития для физических, социальных и духовных достижений и психологического благополучия человека [Низовских Н.А., 2010]. Фактически в некоторых случаях личностный рост считается результатом или значимым аспектом саморазвития или даже отождествляется с ним, поскольку предполагается, что саморазвитие связано с прогрессивным процессом, что оно носит позитивный для личности и социума характер. Хотя личностный рост и предполагает саморазвитие, тем не менее, саморазвитие остается относительно стабильным и независимым от форм благополучия процессом. Принимая во внимание вопрос о направленности процесса саморазвития, некоторые психологи подчеркивают, что оно может идти по негативному вектору и быть направлено на нежелательные умения и качества личности, неэффективные и непродуктивные для общества и даже ведущие к регрессу самого человека

(А.А. Реан, В.Г. Моралов, М.А. Фризен, И.Б. Дерманова).

Качественное своеобразие саморазвития определяется уровнем социальной активности или реактивности. Человек, саморазвитие которого реактивно, может так и не стать истинным субъектом саморазвития [Моралов В.Г., 2015]. Даже при внутренней детерминации саморазвития человек может исходить из важности развития себя в той или иной области с точки зрения общественного мнения, принятия социальных стандартов и сравнения себя с другими людьми, а может руководствоваться собственными интересами и потенциалами.

В данной работе мы рассматриваем вслед за В.Ф. Соповым и Л.В. Карпушиной саморазвитие в позитивном ключе, в качестве одной из жизненных ценностей [Сопов В.Ф., Карпушина Л.В., 2001]. Под саморазвитием исследователи понимают постоянную работу над собой, самосовершенствование и выработку личных качеств. Авторы предлагают рассматривать саморазвитие в различных социальных сферах, в которых осуществляется жизнедеятельность человека: профессиональной, образовательной, семейной, общественной и физической активности, и в сфере увлечений. Предполагается, что в тех сферах, которые особенно значимы для человека, саморазвитие осуществляется наиболее интенсивно. И.Б. Дерманова в дополнение к этой позиции различает важность и интересность саморазвития для каждой отдельной сферы и в целом. Если интерес более выражен по сравнению с важностью, то это свидетельствует о том, что активность саморазвития преобладает над реактивностью, поскольку интерес более всего отражает внутреннюю детерминацию [Голованова Н.Ф., Дерманова И.Б., 2015].

Рассматривая становление саморазвития, А.А. Деркач и Э.В. Сайко [Деркач А.А., Сайко Э.В., 2010] заключают, что в ходе онтогенеза направленность на саморазвитие усиливается за счет постепенного роста субъектности индивида. В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев [Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 2000] отмечают, что человек начинает становиться истинно субъектом саморазвития только в подростковом возрасте. В этот период жизни возрастают рефлексивные способности и самосознание в целом, а также субъектность, все эти изменения позволяют ак-

туализировать внутренний потенциал саморазвития.

Саморазвитие может играть существенную роль в успешном переходе от детства к взрослой жизни и внести свой вклад в чувство благополучия. По данным эмпирических исследований у активных в учебной сфере подростков, участников олимпиад и конкурсов, саморазвитие занимает одно из ведущих мест среди жизненных ценностей [Спешилова Т.С., 2011]. Также показана высокая ценность саморазвития в наиболее значимой профессиональной сфере в студенческом возрасте [Мозговая Н.Н., 2014]. В исследованиях, направленных на изучение внутренних факторов благополучия подростков, выявлено, что наличие личного смысла — значительный предиктор психологического благополучия и удовлетворенности жизнью школьников [Brouzosa A. et al., 2016]. Также целенаправленность, в противовес бесцельности, тесно связана с аффективным и когнитивным благополучием [Moreira P.A.S. et al., 2014].

Эти результаты сходны с данными, полученными на выборке взрослых, о значимости осмысленности жизни и ориентации на внутренние ценности для психологического и субъективного благополучия [Dittmar H. et al., 2014; Kasser T., 2018].

Несмотря на важность вышеупомянутых исследований, остается без ответа много вопросов относительно положительной роли направленности на саморазвитие в жизни подростков и взрослых. До настоящего времени не рассматривалась связь направленности на саморазвитие с психоэмоциональным благополучием.

Целью данного исследования явилось изучение направленности на саморазвитие как предиктора психоэмоционального благополучия подростков и взрослых.

Гипотезы исследования

1. Направленность на саморазвитие может быть представлена различными составляющими, которые вносят разнородный вклад в психоэмоциональное благополучие. В частности, направленность на саморазвитие может носить гармоничный или дисгармоничный характер, в зависимости от соотношения внутренней и внешней мотивации саморазвития, а также от соотношения ценности саморазвития и оценки собственных достижений в этой сфере.

2. У взрослых все составляющие направленности на саморазвитие в большей степени обуславливают психоэмоциональное благополучие, чем у подростков.

Задачи исследования: 1) проанализировать уровневые различия в психоэмоциональном благополучии подростков и взрослых; 2) изучить соотношение различных составляющих направленности на саморазвитие в группах подростков и взрослых; 3) изучить различия в психоэмоциональном благополучии подростков и взрослых в зависимости от гармоничности/дисгармоничности направленности на саморазвитие; 4) оценить степень влияния различных составляющих саморазвития на психоэмоциональное благополучие подростков и взрослых.

Выборка

В исследовании приняли участие 160 взрослых человек, 60 мужчин и 100 женщин в возрасте от 18 до 56 лет (средний возраст 32,7 лет) с различным семейным, профессиональным и образовательным статусом, а также 146 подростков в возрасте от 14 до 16 лет (средний возраст 15,6 лет), 57 юношей и 89 девушек.

Методы

Параметры психоэмоционального благополучия изучались с помощью комплекса методик. Эвдемические характеристики психологического благополучия изучались с помощью Шкалы К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной [Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г., 2011]. Для оценки удовлетворенности использовались: Шкала удовлетворенности жизнью (Е. Динер, Р. Еммонс, Р. Ларсен, С. Гриффин) в адаптации Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева); субтест «Удовлетворенность условиями жизни» экспресс-диагностики уровня психоэмоционального напряжения и его источников (О.С. Копина, Е.А. Сусллова, Е.В. Заикин); модификация методики Дембо-Рубинштейн (Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн) для оценки удовлетворенности разными жизненными сферами. Для определения эмоциональных характеристик использовались: методика «Оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности» (Н.А. Курганский, Т.А. Немчин), модифицированная для исследования устойчивых эмоциональных состояний; шкала личностной тревожности Интегративного

теста тревожности (А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев) и Шкала счастья М. Фордеса.

Направленность на саморазвитие исследовалась с помощью шкалы «Личностный рост» из опросника «Индекс стремлений» (Э. Деси, Р. Райан в адаптации Ю.А. Котельниковой) и шкалы «Ценность саморазвития» морфологического теста жизненных ценностей [Сопов В.Ф., Карпушина Л.В., 2001].

В соответствии с гипотезами и задачами исследования при обработке были введены дополнительные переменные. Шкала «Личностного роста» включает 5 утверждений (примеры: «развиваться и узнавать новое», «самостоятельно делать выбор, а не плыть по течению жизни», «все больше осознавать, почему поступаешь так, а не иначе»), которые респонденты должны были оценить с точки зрения важности и меры достижения. Для оценки гармоничности/дисгармоничности личностного роста нами была вычислена разница между важностью и достижениями в сфере личностного роста. Шкала «Ценность саморазвития» оценивает важность саморазвития в различных жизненных сферах (10 пунктов). Мы просили респондентов оценить пункты этой шкалы дважды: с точки зрения интереса к развитию в данной сфере и с точки зрения важности. Для оценки гармоничности/дисгармоничности саморазвития как баланса внутренней и внешней мотивации саморазвития была высчитана разница между интересом и важностью саморазвития (в целом без учета сфер).

Результаты

Психоэмоциональное благополучие и направленность на саморазвитие у подростков и взрослых. Сравнительный анализ показателей психоэмоционального благополучия между подростками и взрослыми выявил достаточно широкую область значимых различий — она включила 27 значимых различий ($0,001 < p < 0,05$). Взрослые демонстрируют более высокий уровень психологического благополучия в целом и в частности, по таким параметрам, как компетентность, личностный рост и самопринятие. Взрослые, опираясь на свой жизненный опыт, образование и знания, чувствуют себя более компетентными в овладении средой, более ориентированы на личностный рост и позитивнее относятся к себе по сравнению с подростками.

При этом взрослые чаще отмечают сожаление об упущенных в прошлом возможностях, значимо более тревожны и напряжены, уровень их психической активации, эмоционального тонуса и сосредоточенности значимо ниже, чем у подростков. Подростки более удовлетворены своим настоящим социальным положением, у них в жизни пока есть все, что нужно; они достоверно чаще удовлетворены условиями жизни. Результаты в целом позволяют говорить о том, что психоэмоциональное благополучие взрослых носит скорее эвдемонический характер, тогда как благополучие подростков более гедонистично.

Выраженность и соотношение показателей направленности на саморазвитие у подростков и взрослых имеет схожие значения и тенденции. В обеих группах важность личностного роста в целом оценивается выше его результативности. Значимых различий между взрослыми и подростками по данным шкалам не выявлено. Ситуация иная относительно выраженности мотивации саморазвития: у взрослых значимо выше и интерес к саморазвитию, и понимание его важности ($0,001 < p < 0,007$), т.е. в целом мотивация саморазвития более выражена.

Корреляционный анализ показателей направленности саморазвития выявил сходные тенденции в группах подростков и взрослых. В целом положительно связаны важность саморазвития и важность личностного роста ($p < 0,000$), важность личностного роста и оценка его результативности ($p < 0,000$), интерес и важность саморазвития ($p < 0,000$), что говорит о целостности и непротиворечивости направленности на саморазвитие. Однако интегральные шкалы гармоничности/дисгармоничности — разрыв между важностью и реализованностью личностного роста и разрыв между интересом и важностью саморазвития не образуют взаимосвязи, т.е. измеряют относительно не зависящие друг от друга, феномены.

Различия в психоэмоциональном благополучии подростков и взрослых в зависимости от гармоничности/дисгармоничности направленности на саморазвитие. С помощью деления по процентиллям были выделены группы подростков и взрослых с разными показателями гармоничности/дисгармоничности направленности на саморазвитие. Гармоничными считались группы, где разница между интересом и важностью

саморазвития приближалась к 0 (от -1 до 1), а также группы, где разница между важностью и результативностью личностного роста была невелика (от 0 до 8). Таким образом, по каждому показателю получилось 3 группы: 1 «гармоничная» и 2 «дисгармоничные». Дисперсионный анализ позволил изучить различия в психоэмоциональном благополучии подростков и взрослых, обусловленные данным фактором. Каждая из образовавшихся групп включает около 33 % выборки.

Наиболее благополучной для **подростков** оказалась ситуация, когда уровень интереса к саморазвитию и понимание его важности наиболее близки друг другу (6 значимых различий, $0,001 < p < 0,05$). Эти подростки по сравнению с респондентами двух других групп чувствуют себя более компетентными, независимыми и одновременно способными создавать близкие позитивные отношения с окружающими, стремятся к личностному развитию, менее подвержены различным страхам и более уверены в себе. Вместе с тем понимание важности саморазвития при отсутствии интереса может вызывать фобические реакции.

При сравнении групп, разделенных по показателям личностного роста, мы получили 8 статистически достоверных различий. Наибольшее количество различий получено между группой подростков, для которой важность личностного роста выше его результативности (48 чел.) и двумя другими группами. Значительное преобладание чувства важности личностного роста над оценкой своих достижений у подростков сопровождается эмоциональным дискомфортом, личностной тревожностью, а также снижением эмоционального тонуса, психической активации, сосредоточенности, недостаточным уровнем психологического благополучия и удовлетворенности жизнью. Выявленные различия показывают, что по ряду показателей психоэмоционального благополучия подростки этой группы чувствуют себя менее благополучными, чем их ровесники, у которых получено гармоничное сочетание оценки важности и результативности личностного роста или самооценка достижений выше важности личностного роста.

Для **взрослых** более значимым фактором, обуславливающим различия в психоэмоциональном благополучии, является разница между важностью и результативностью личностного

роста (здесь выявлено 22 различия), тогда как по параметру соотношения внешней и внутренней мотивации саморазвития — только 5 различий. Наиболее высокие значения по показателям психоэмоционального благополучия получены для группы взрослых, у которых оценка достижений в области личностного роста превышает оценку важности (45 чел.). Различия получены по всем составляющим психоэмоционального благополучия: по большинству параметров удовлетворенности, психологического благополучия по Рифф, устойчивых эмоциональных состояний, тревожности. В свою очередь, группа с гармоничным соотношением важности и результативности личностного роста (66 чел.) имеет более благоприятные показатели по сравнению со взрослыми, у которых важность личностного роста сильно превышает оценку достижений (49 чел.). Таким образом, для психоэмоционального благополучия взрослых также существенно, чтобы в сфере личностного роста достижения оценивались выше или наравне с важностью. При большом отрыве важности от результативности личностного роста психоэмоциональное благополучие взрослых снижается. Что касается соотношения внешней и внутренней мотивации саморазвития, то здесь различия получены по показателям методики Рифф (общий

уровень и самопринятие), устойчивым эмоциональным состояниям (психическая активация, сосредоточенность), по методике Фордиса (частота нейтрального состояния). Наименее благоприятной оказалась группа, где важность саморазвития превышает интерес к нему (52 чел.), т.е. внешняя мотивация преобладает над внутренней. Психоэмоциональное благополучие выше в группах с гармоничным соотношением (56 чел.) и с преобладанием интереса к саморазвитию над оценкой его важности (52 чел.).

Направленность на саморазвитие как предиктор психоэмоционального благополучия подростков и взрослых. Для изучения степени влияния различных показателей саморазвития на психоэмоциональное благополучие подростков и взрослых в каждой возрастной группе был проведен регрессионный анализ.

В качестве зависимых переменных выступали показатели психоэмоционального благополучия, а предикторов — показатели направленности на саморазвитие. Далее мы приводим результаты регрессионного анализа с объяснительной дисперсией более 20 %.

В группе **подростков** выявлены три модели с удовлетворительной объяснительной дисперсией (табл. 1).

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа в группе подростков

Зависимые переменные	R-квадрат	Предикторы	Бета	Уровень значимости
Удовлетворенность жизнью (Динер)	0,23	Важность саморазвития	-0,494	0,000
		Важность личностного роста	0,262	0,001
Психологическое благополучие (Рифф)	0,23	Оценка достижений личностного роста	0,569	0,000
		Разность важности и достижений личностного роста	0,198	0,029
Эмоциональный тонус	0,20	Оценка достижений личностного роста	-0,276	0,001
		Разность интереса и важности саморазвития	-0,175	0,025
		Интерес к саморазвитию	-0,179	0,026

Удовлетворенность жизнью описывается регрессионной моделью, объясняющей 23 % общей дисперсии. Анализ обнаружил два противоположных по знаку предиктора: с отрицательным знаком важность саморазвития ($\beta = -0,494$; $p = 0,00$) и с положительным — важность личностного роста ($\beta = 0,262$; $p = 0,001$). Полученная регрессионная модель может быть интер-

претирована так, что для подростка внешняя мотивация саморазвития, осознание важности развития в определенных жизненных сферах снижает его удовлетворенность жизнью. А понимание важности развития своей личности (самопознания, самосовершенствования), напротив, способствует повышению удовлетворенности.

Для показателя психологического благополучия обнаружена регрессионная модель, описывающая 23 % общей дисперсии. Согласно полученной модели оценка достижений ($\beta = 0,569$; $p = 0,00$) и разница показателей личностного роста (важность личностного роста выше оценки достижений) ($\beta = 0,198$; $p = 0,029$) являются позитивными предикторами психологического благополучия. Позитивная оценка своих достижений при понимании важности постоянного самопознания и самосовершенствования способствуют общему психологическому благополучию в подростковом возрасте.

Эмоциональный тонус как один из основных показателей эмоционального компонента благополучия описывается регрессионной моделью, объясняющей 20 % дисперсии. Оценка результативности личностного роста ($\beta = -0,276$; $p = 0,001$), разница показателей саморазвития (важность саморазвития выше интереса к нему) ($\beta = -0,175$; $p = 0,025$), непосредственно интерес к саморазвитию ($\beta = -0,179$; $p = 0,026$) являются предиктором позитивного настроения и эмоциональной включенности.

В группе **взрослых** выявлено 6 моделей с удовлетворительной объяснительной дисперсией (табл. 2).

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа в группе взрослых

Зависимые переменные	R-квадрат	Предикторы	Бета	Уровень значимости
Удовлетворенность жизнью (Динер)	0,22	Оценка достижений личностного роста	0,466	0,000
Психологическое благополучие (Рифф)	0,31	Оценка достижений личностного роста	0,400	0,000
		Интерес к саморазвитию	0,528	0,000
		Важность саморазвития	-0,322	0,014
Личностный рост (Рифф)	0,22	Интерес к саморазвитию	0,347	0,000
		Оценка достижений личностного роста	0,211	0,006
Жизненные цели (Рифф)	0,26	Интерес к саморазвитию	0,261	0,000
		Оценка достижений личностного роста	0,347	0,000
Самопринятие (Рифф)	0,26	Оценка достижений личностного роста	0,450	0,000
		Разность интереса и важности саморазвития	0,220	0,002
Комфортность	0,20	Оценка достижений личностного роста	-0,411	0,000
		Разность интереса и важности саморазвития	-0,170	0,018

Обращает на себя внимание тот факт, что у взрослых параметры направленности на саморазвитие в большей степени обуславливают уровень психологического благополучия, чем у подростков: они являются предикторами как общего показателя психологического благополучия, так и отдельных его критериев — личностного роста, жизненных целей и самопринятия, объясняя от 22 до 31 % дисперсии данных показателей. Наибольшее значение для психологического благополучия имеет интерес к саморазвитию, т.е. его внутренняя мотивация ($\beta = 0,528$; $p = 0,000$), также значимой оказывается оценка достижений личностного роста

($\beta = 0,400$; $p = 0,000$), в то время как важность саморазвития, т.е. его внешняя мотивация, снижает психологическое благополучие взрослых ($\beta = -0,322$; $p = 0,014$). Оценка достижений личностного роста, как видно, наиболее сильный предиктор психоэмоционального благополучия у взрослых, поскольку она оказалась значимым предиктором во всех отобранных моделях. Этот показатель оказывает влияние как на эвдемонистические показатели благополучия, описанные выше, так и на гедонистические аспекты: удовлетворенность жизнью ($\beta = 0,466$; $p = 0,000$), самопринятие ($\beta = 0,450$; $p = 0,000$) и комфортность как устойчивое эмоциональное

состояние, при котором доминирует хорошее настроение, переживания удовлетворенности и беззаботности ($\beta = -0,411$; $p = 0,000$). Результаты также ясно показывают, что для психоэмоционального благополучия важным оказывается преобладание внутренней мотивации саморазвития над внешней.

Обсуждение и выводы

В целом подростковая и взрослая выборки представляются психологически и эмоционально благополучными, при этом психоэмоциональное благополучие подростков носит скорее гедонистический характер, тогда как взрослых — эвдемонистический.

Анализ корреляционных взаимосвязей шкал направленности на саморазвитие в группах подростков и взрослых выявил целостность и непротиворечивость изучаемого конструкта саморазвития, однако показатели гармоничности/дисгармоничности не образовали взаимосвязи. Таким образом, соотношение внешней и внутренней мотивации саморазвития и соотношение ценности и результативности личностного роста отражают два независимых аспекта направленности на саморазвитие.

В отношении личностного роста в целом подростки и взрослые сходно оценивают степень его важности и реализованности и признают, что достижения не достигают уровня важности, что свидетельствует об устремленности к дальнейшему личностному развитию. Гармоничное сочетание важности и результативности личностного роста и превышение самооценки достижений над важностью личностного роста положительно сказываются на психоэмоциональном благополучии. При этом для психоэмоционального благополучия взрослых высокая оценка реализованности личностного роста имеет принципиальное значение.

Относительно саморазвития в жизненных сферах у взрослых значимо выше как понимание важности саморазвития, так и личная заинтересованность в нем, т.е. в целом их мотивация саморазвития выше. Выявленные различия состоят и в том, что если для психоэмоционального благополучия подростков наиболее благоприятно гармоничное соотношение интереса и осознания важности саморазвития, то у взрослых наиболее высокое психоэмоциональное благополучие наблюдается, если интерес к

саморазвитию преобладает над оценкой его важности.

Во взрослом периоде показатели направленности на саморазвитие чаще выступают предикторами психоэмоционального благополучия и обладают большей объяснительной силой, чем в подростковом. Кроме того, если для взрослых в качестве предиктора в большей мере выступают внутренняя мотивация саморазвития и оценка собственных достижений личностного роста, его результативность, то для подростка — это признание ценности личностного роста, т.е. выбор личностного роста в качестве ориентира будущего развития.

Проведенное исследование позволяет предположить, что в подростковом возрасте ценность саморазвития задается социумом, и если мотивация к саморазвитию интериоризуется, то признание подростком важности саморазвития и осознание продвижений на этом пути вносит свой вклад в психоэмоциональное благополучие. В дальнейшем с возрастом, большее значение приобретает реализованность саморазвития. Поскольку имеющиеся достижения снижают заданную извне необходимость личностного роста и саморазвития, то более важным становится наличие собственного интереса и внутренних ориентиров саморазвития для психоэмоционального благополучия взрослых.

Список литературы

- Аргайл М. Психология счастья / пер. с англ. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 623 с.
- Голованова Н.Ф., Дерманова И.Б. Саморазвитие личности как предмет педагогики и психологии // Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 3. С. 51–63.
- Деркач А.А., Сайко Э.В. Самореализация — основание акмеологического развития. М.: МОДЭК: МПСИ, 2010. 224 с.
- Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М.: ИП РАН, 2013. 268 с.
- Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 2. С. 82–93.
- Куликов Л.В. Здоровье и субъективное благополучие // Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер, 2000. С. 33–45.
- Мозговая Н.Н. Динамика жизненных ценностей в психологическом пространстве личности студентов // Психология обучения. 2014. № 2. С. 56–71.

Моралов В.Г. Общие закономерности и возрастные особенности саморазвития личности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 4(65). С. 147–151.

Низовских Н.А. Жизненные принципы в личностном саморазвитии человека: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 673 с.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основные ступени развития субъектности человека // Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: учеб. пособие для вузов. М.: Школьная пресса, 2000. С. 212–385.

Сонов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей // Прикладная психология. 2001. № 4. С. 9–30.

Спешилова Т.С. Особенности и развитие ценностно-смысловой сферы личности интеллектуально одаренных учащихся // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная Работа. Ювенология. Социоконетика. 2011. Т. 17, № 2. С. 164–166.

Трошихина Е.Г., Манукян В.Р. Тревожность и устойчивые эмоциональные состояния в структуре психоэмоционального благополучия // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7, № 3. С. 211–223. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2017.302.

Brouzosa A., Vassilopoulos S.P., Boumpouli C. Adolescents' subjective and psychological well-being: the role of meaning in life // Hellenic Journal of Psychology. 2016. Vol. 13(3). P. 153–169.

Diener E., Lucas R.E., Oishi S. Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction // The handbook of positive psychology / ed. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002. P. 63–73.

Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, no. 2. P. 276–302. DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276.

Dittmar H., Bond R., Hurst M., Kasser T. The relationship between materialism and personal well-being: A meta-analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. No. 107(5). P. 879–924. DOI: 10.1037/a0037409.

Habelrih E.A., Hicks R.E. Psychological well-being and its relationships with active and passive procrastination // International Journal of Psychological Studies. 2015. No. 7(3). P. 25–34. DOI: 10.5539/ijps.v7n3p25.

Henderson L.W., Knight T. Integrating the hedonic and eudaimonic perspectives to more comprehensively understand wellbeing and pathways to wellbeing // International Journal of Wellbeing. 2012. No. 2(3). P. 196–221. DOI:10.5502/ijw.v2i3.3.

Kasser T. Materialism and living well // Handbook of well-being / ed. by E. Diener, S. Oishi, L. Tay. Salt Lake City, UT: DEF Publishers, 2018. P. 860–871. DOI: 10.7551/mitpress/3501.001.0001.

Keyes L.M., Shmotkin D., Ryff C.D. Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. No. 82(6). P. 1007–1022.

Moreira P.A.S., Cloninger C.R., Dinis L. et al. Personality and well-being in adolescents // Frontiers in Psychology. 2015. No. 5. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2014.01494/full> (accessed: 18.08.2018). DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01494.

Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // Annual review of Psychology. 2001. No. 52. P. 141–166. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.141.

Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. No. 57(6). P. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069.

Ryff C.D., Singer B.H. Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being // Journal of Happiness Studies. 2008. No. 9(1). P. 13–39. DOI 10.1007/s10902-006-9019-0.

Winefield H.R., Gill T.K., Taylor A.W., Pilkington R.M. Psychological wellbeing and psychological distress: Is it necessary to measure both? // Psychology of Well-being: Theory, Research and Practice. 2012. No. 2(3). P. 1–14. DOI: 10.1186/2211-1522-2-3.

Получено 22.08.2018

References

Argyle, M. (2003). *Psikhologiya schast'ya*. [The Psychology of Happiness]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 623 p.

Brouzosa, A., Vassilopoulos, S.P., Boumpouli, C. (2016). Adolescent's subjective and psychological well-being: the role of meaning in life. *Hellenic Journal of Psychology*. Vol. 13(3), pp. 153–169.

Derkach, A.A. and Sayko, E.V. (2010). *Samorealizatsiya — osnovanie akmeologicheskogo razvitiya* [Self-realization is the basis of acmeological development]. Moscow: MODJeK Publ., MPSI Publ., 224 p.

Diener, E., Lucas, R.E. and Oishi, S. (2002). Subjective well-being: The science of happiness and life

satisfaction. *Handbook of Positive Psychology*, ed. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. Oxford, New York: Oxford University Press, pp. 63–73.

Diener, E., Suh, E.M., Lucas, R.E. and Smith, H.L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*. Vol. 125, no. 2, pp. 276–302. DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276.

Dittmar, H., Bond, R., Hurst, M. and Kasser, T. (2014). The relationship between materialism and personal well-being: A meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 107(5), pp. 879–924. DOI: 10.1037/a0037409.

Dzhidaryan, I.A. (2013). *Psikhologiya schast'ya i optimizma* [Psychology of happiness and optimism]. Moscow: Institute of psychology RAS Publ., 268 p.

Golovanova, N.F. and Dermanova, I.B. (2015). *Samorazvitie lichnosti kak predmet pedagogiki i psikhologii* [Personality self-development as a subject of pedagogics and psychology]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. No. 3, pp. 51–63.

Habelrih, E.A. and Hicks, R.E. (2015). Psychological well-being and its relationships with active and passive procrastination. *International Journal of Psychological Studies*. Vol. 7(3), pp. 25–34. DOI: 10.5539/ijps.v7n3p25.

Henderson, L.W. and Knight, T. (2012). Integrating the hedonic and eudaimonic perspectives to more comprehensively understand wellbeing and pathways to wellbeing. *International Journal of Wellbeing*. Vol. 2(3), pp. 196–221. DOI:10.5502/ijw.v2i3.3.

Kasser, T. (2018). Materialism and living well. *Handbook of well-being*, ed. by E. Diener, S. Oishi, L. Tay. Salt Lake City: DEF Publ., pp. 860–871. DOI: 10.7551/mitpress/3501.001.0001.

Keyes, L.M., Shmotkin, D. and Ryff, C.D. (2002). Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 82(6), pp. 1007–1022.

Kulikov, L.V. (2000). *Zdorov'e i sub'ektivnoe blagopoluchie* [Health and subjective well-being]. *Psihologija zdorovya, pod red. G.S. Nikiforova* [Psychology of health, ed. by G.S. Nikiforov]. Saint-Petersburg: Piter Publ., pp. 33–45.

Moralov, V.G. (2015). *Obschie zakonomernosti i vozrastnye osobennosti samorazvitiya lichnosti* [General patterns and age features of self-development of personality]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin]. Vol. 4, no. 65, pp. 147–151.

Moreira, P.A.S., Cloninger, C.R., Dinis, L. et al. (2015). Personality and well-being in adolescents.

Frontiers in Psychology. No. 5. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2014.01494/full> (accessed 18.08.2018). DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01494.

Mozgovaya, N.N. (2014). *Dinamika zhiznennykh tsennostey v psikhologicheskom prostranstve lichnosti studentov* [Dynamics of life values in the psychological space of the student's personality]. *Psikhologiya obucheniya* [Psychology of Teaching]. No. 2, pp. 56–71.

Nizovskikh, N.A. (2010). *Zhiznennye printsipy v lichnostnom samorazvitiy cheloveka: dis... d-ra psikholog. nauk* [Life principles in the person's self-development: dissertation]. Moscow, 673 p.

Ryan, R.M. and Deci, E.L. (2001). On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual review of Psychology*. No. 52, pp. 141–166. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.141.

Ryff, C.D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57(6), pp. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069.

Ryff, C.D. and Singer, B.H. (2008). Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 9(1), pp. 13–39. DOI 10.1007/s10902-006-9019-0.

Slobodchikov, V.I. and Isaev, E.I. (2000). *Osnovnye stupeni razvitiya sub'ektivnosti cheloveka* [The main stages of development of human agency]. *Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya razvitiya cheloveka: Razvitie sub'ektivnoy real'nosti v ontogeneze* [Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Fundamentals of psychological anthropology. Psychology of Human Development: Development of Subjective Reality in Ontogenesis]. Moscow, Shkolnaya Pressa Publ., pp. 212–385.

Sopov, V.F. and Karpushina, L.V. (2001). *Morfologicheskii test zhiznennykh tsennostey* [Morphological test of life values]. *Prikladnaya psikhologiya* [Applied Psychology]. No. 4, pp. 9–30.

Speshilova, T.S. (2011). *Osobennosti i razvitie tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti intellektual'no odarenykh uchashchikhsya* [Features and development of the value-semantic sphere of the personality of intellectually gifted students]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya Rabota. Uvenologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sotsiogenetiks]. Vol. 17, no. 2, pp. 164–166.

Troshikhina, E.G. and Manukyan, V.R. (2017). *Trevozhnost i ustoychivye emotsionalnye sostoyaniya v strukture psikhoemotsionalnogo blagopoluchiya* [Anxiety and stable emotional states in the structure of psycho-emotional well-being]. *Vestnik SPbGU. Ser. Psikhologiya i pedagogika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Psychology and Pedagogy]. Vol. 7, no. 3, pp. 211–223.

Winefield, H.R., Gill, T.K., Taylor, A.W. and Pilkington, R.M. (2012). Psychological wellbeing and psychological distress: Is it necessary to measure

both? *Psychology of Well-being: Theory, Research and Practice*. Vol. 2(3), pp. 1–14. DOI: 10.1186/2211-1522-2-3.

Zhukovskaya, L.V. and Troshikhina, E.G. (2011). *Shkala psikhologicheskogo blagopoluchiya K. Ryff* [Scale of psychological well-being C. Ryff]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Journal of Psychology]. Vol. 32, no. 2, pp. 82–93.

Received 22.08.2018

Об авторах

Трошихина Евгения Германовна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития
и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: e.troshikhina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5739-2963>

Манукян Виктория Робертовна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития
и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: v.manukjan@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-8935>

Данилова Марина Викторовна

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии
развития и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: m.v.danilova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4185>

About the authors

Evgenia G. Troshikhina

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of the Department of Developmental Psychology
and Differential Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: e.troshikhina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5739-2963>

Victoria R. Manukyan

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of the Department of Developmental Psychology
and Differential Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: v.manukjan@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-8935>

Marina V. Danilova

Ph.D. in Psychology, Senior Lecturer
of the Department of Developmental Psychology
and Differential Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: m.v.danilova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4185>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Трошихина Е.Г., Манукян В.Р., Данилова М.В. Направленность на саморазвитие как предиктор психоэмоционального благополучия подростков и взрослых // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 94–105. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-94-105

For citation:

Troshikhina E.G., Manukyan V.R., Danilova M.V. The focus on self-development as a predictor of psycho-emotional wellbeing of adolescents and adults // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 94–105. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-94-105

УДК 159.9.015

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-106-115

ТЕОРЕТИК ПСИХОЛОГИИ ЛЕВ МАРКОВИЧ ВЕККЕР**Логинова Наталья Анатольевна**Санкт-Петербургский государственный университет*

В статье изложена краткая биография выдающегося ученого Л.М. Веккера, дана характеристика его теоретическому наследию. Веккер стоял на материалистических позициях. Он стремился охватить единой концептуальной системой все психические процессы и объяснить их как частный случай общих законов природы. Есть иерархия носителей психического, так что связь с исходным носителем — телесным, нервным субстратом не осознается. На самых верхних этажах этой иерархии эта связь настолько удалена от материального основания, что порождает у субъекта иллюзию абсолютной автономности психического и субстанциональности души, с чем Веккер никогда не соглашался. Он признавал реальность души, но трактовал ее как высшую интеграцию психических явлений в материальной системе «человек». В его теории доказывается, что психические явления имеют информационную природу, аналогично техническим и физиологическим сигналам. Вместе с тем есть весьма специфические свойства психического — проекция, недоступность непосредственному чувственному восприятию, невыразимость на языке нервных процессов, имманентная активность. В статье обсуждается вопрос не только теории, но и личности Л.М. Веккера, его месте в советской и российской психологической науке. Впервые публикуется запись его юбилейного выступления в Ленинградском университете (СПбГУ).

Ключевые слова: Л.М. Веккер, теория, психические процессы, общие законы природы, сигналы, специфика психического, иерархия носителей психического, Веккер в современной науке, научный архив.

PSYCHOLOGY THEORIST LEO VEKKER*Natalia A. Loginova**Saint Petersburg State University*

The article presents a brief biography of the outstanding scientist L.M. Vekker, the characteristics of his theoretical heritage. Vekker hold materialist views. He sought to encompass all mental processes in a single conceptual system and explain them as a special case of general laws of nature. There is a hierarchy of carriers of the psychic, so the link to the original carrier — physical, neural substrate — is unrecognized. As at the highest levels of that hierarchy this connection is far from its material foundation, it gives the subject an illusion of their absolute autonomy. Therefore, the psyche has often been treated as the soul — an autonomous substance. Vekker never agreed with this theoretical position. He acknowledged the existence of the soul but interpreted it as the highest integration of mental phenomena in the material system «human». In his theory, he proves that mental phenomena are of the information nature, similar to technical and physiological signals. However, they are very specific and have properties of the projection, inaccessibility to direct sensory perception, inexpressibility in the language of nervous processes, immanent activity. The article discusses not only the theory but also the personality of L.M. Vekker,

* Публикация подготовлена при финансовой поддержки Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-06-00484 «История Петербургской психологической школы (1941-1991): архивные разыскания и изучение источников».

his place in the Soviet and Russian psychological science. In the article, his anniversary speech is published for the first time.

Keywords: L.M. Vekker, theory, mental processes, general laws of nature, signals, distinction of the psychic, hierarchy of carriers of the psychic, Vekker and modern science, scientific archive.

Введение

Лев Маркович Веккер — гордость Петербургской психологической школы. В 2018 г. мы, его ученики, сотрудники и все российские психологи отмечаем столетие со дня его рождения. Лев Маркович дорог нам не только как замечательный ученый, учитель, но и как удивительный человек с большой судьбой, которая вместила непрерывный поиск истины, трагический опыт ленинградца-блокадника, глубокую пожизненную любовь, настоящую дружбу, горечь вынужденной эмиграции и многое, многое другое.

Непростая, крупномасштабная теория Л.М. Веккера и его человеческая индивидуальность мало известны современным психологам. Архивные материалы о нем остаются не затронутыми историками психологии. Характерно, что даже в лучшем современном учебнике по истории психологии А.Н. Ждан нет ни слова о Л.М. Веккере [Ждан А.Н., 2012]. Несмотря на то что о нем опубликованы содержательные статьи [Теоретическое наследие..., 2008; Осорина М.В., 2008; Либин А.В., Либина И.В., 2008], ситуация в психологическом образовании вокруг Л.М. Веккера и его теории не улучшается, его труды не переиздаются, на психологических факультетах, за редким исключением, его не изучают. Может быть, главной причиной тому является усиление и даже домини-

рование узкой, прагматической направленности высшего психологического образования и науки в настоящий период. Наперекор забвению и невежеству ученики Льва Марковича продолжают развивать в собственных оригинальных исследованиях его идеи и делают немало для того, чтобы духовный заряд теории Веккера дошел до новых поколений психологов. Творческими, активными последователями Л.М. Веккера являются М.А. Холодная (Москва), М.В. Осорина, Т.В. Чередникова, О.В. Щербакова (Санкт-Петербург), Л.В. Меньшикова (Новосибирск) и ряд других ученых.

Цель данной статьи — способствовать утверждению этого большого ученого в истории нашей науки и привлечь внимание психологов к творческому наследию Льва Марковича Веккера.

Теория Л.М. Веккера

Л.М. Веккер создал на редкость стройную и последовательную теорию, охватывающую все психические процессы и сознание в целом. Он был убежденный материалист и находил место сознания в системе материальных явлений разного уровня. Исследование коренных проблем психологии требует опоры на знания о природе познающего, переживающего и действующего человека и о его среде. В стремлении к союзу с другими науками Л.М. Веккер является последователем Бориса Герасимовича Ананьева, чья антропологическая психология лежит в основе современной петербургской психологической школы. Но не только в этом их идейная общность.

Если углубиться в историю петербургской психологической школы, то можно обнаружить переключку идей и первых экспериментальных работ Веккера с опытом комплексного познания, ключевым понятием «невропсихика» В.М. Бехтерева, исследованиями петербургской психологической школы по процессам чувственного отражения, включая такие редкие, «непопулярные» в нашей науке объекты, как болевые, интероцептивные, тактильные и т.п. Принадлежность к петербургской школе про-

является у Веккера и в своеобразном энергетизме его теории. В таких междисциплинарных терминах, как энергия, информация и вещество, он описывает психические явления, не уходя от всей их специфичности, а объясняя ее.

Теория Веккера выросла из его студенческих и аспирантских экспериментальных исследований по проблеме осязания, руководителем которых был Б.Г. Ананьев. (Дипломная работа Л.М. Веккера «Роль движений в процессе осязательного образа» [Веккер Л.М., 1947], кандидатская диссертация «Некоторые закономерности динамики осязательного образа» [Веккер Л.М., 1952].) Б.Г. Ананьев — научный учитель Льва Марковича выделял его среди других своих студентов, аспирантов и сотрудников и содействовал укреплению его официального профессионального статуса. В предисловии к первой монографии Л.М. Веккера «Восприятие и основы его моделирования» он отметил существенный вклад Льва Марковича в рефлекторную теорию, успешное применение знания из кибернетики и нейрофизиологии к обоснованию информационной теории процессов ощущения и восприятия [Ананьев Б.Г., 1964].

Высоко оценил Л.М. Веккера известный философ Д.И. Дубровский. Он выступил единомышленником Льва Марковича в трактовке психического как информации, в убеждении о неразрывной связи психических процессов с деятельностью мозга [Дубровский Д.И., 1971]. Московские психологи (особенно М.Г. Ярошевский и В.П. Зинченко) и, конечно, ленинградские психологи и философы воспринимали Веккера как большого, уникального ученого. В 1970-е гг. Лев Маркович дважды был приглашен в Лейпцигский университет, где заведовал кафедрой самого Вильгельма Вундта. Острый ироничный ум Веккера, его готовность полемизировать с достойным оппонентом привлекали к нему заядлых спорщиков. Лев Маркович, время от времени наезжая в Москву, посещал заседания известного Московского методологического кружка (ММК) Г.П. Щедровицкого и можно не сомневаться, что его выступления и реплики поднимали градус и без того жарких дискуссий.

Л.М. Веккер гармонично сочетал в своей работе теорию и экспериментальную эмпирику, при этом по натуре он был прежде всего теоретиком. Он смело обратился к вечным, фунда-

ментальным вопросам о природе психики. Что общего между психическими и остальными явлениями материального мира, в чем специфика психического, как совершаются переходы от неодушевленной к одушевленной материи, от чувственности к мышлению, от наглядно-действенного и образного мышления к вербально-логическому, абстрактному? Каковы родовые свойства психики, присущие познавательным, эмоциональным и волевым процессам, а также интегральным психическим образованиям личности?

В поисках ответов на эти и другие вопросы Л.М. Веккер опирался на материал собственных эмпирических исследований, на знания, почерпнутые им из мировой и отечественной психологии, а также смежных наук, особенно естественных. Широта и глубина его познаний велики, чему способствовал опыт учения по разным специальностям — медицинской, физической, исторической, философской и, наконец, психологической. Всю жизнь Веккер непрерывно пополнял свои знания и был в курсе достижений новейшей психологии и смежных с ней наук.

Едва ли не первым из советских психологов Л.М. Веккер обратился к кибернетике, полагая ее метатеорией для развития своей общепсихологической теории. Он писал: «...предельные, исходные понятия частной теоретической концепции не могут быть раскрыты средствами концептуального аппарата самой теории — для этого требуется обобщающий переход к метатеории... единый научный аппарат современной психологии складывается в результате взаимодействия пограничного, внепсихологического и собственно внутриспсихологического научного развития» [Веккер Л.М., 1998, с. 17].

Л.М. Веккер считал, что выход за пределы психологической науки в область действия общих законов материального мира позволяет сделать психологию строго научной, преодолеть ее раздробленность и вредное умножение зачастую надуманных, бесплодных по сути концепций. В его подходе, при котором сопоставлены законы психологии, с одной стороны, и законы физики, физиологии нервной деятельности, кибернетики — с другой, критики усматривали порок редуционизма. Но это мнение поверхностное, так как на самом деле у Веккера апелляция к общим законам природы

нужна была для углубленного понимания сложнейших явлений психики во всей их специфичности.

В кибернетике, физиологии и психологии действуют общие законы. Веккер рассматривает психический процесс как частный, весьма специфический случай *сигнала*. Сигнал — родовое понятие для разных явлений, в том числе технических, нервных, рефлекторных и собственно психических. Как всякий сигнал, психический процесс имеет информационную сущность, носителем которой являются материальные процессы в нервной системе субъекта.

Л.М. Веккер четко сформулировал перечень *специфических* свойств психического. Это, во-первых, *предметность*, что означает, что психическое явление по своему содержанию является отображением предмета и может быть описано в терминах свойств и отношений отражаемых объектов. Во-вторых, оборотной стороной этого свойства является *субъектность* психических явлений. Они неотъемлемы от человека и не сводимы к физиологическим явлениям. Сущность психического не поддается описанию на языке ее физиологических механизмов. В-третьих, психические явления «невидимы», они *недоступны чувственному восприятию*: «человек не воспринимает своих восприятий, но ему непосредственно открывается предметная картина их объектов» [Веккер Л.М., 1998, с. 23]. В-четвертых, психическому свойственна *спонтанная активность*. «Она прямо не вытекает ни из физиологии внутренних процессов организма, ни из физики, биологии и социологии его непосредственного внешнего окружения» [Веккер Л.М., 1998, с. 25].

Оригинально выстраивает Л.М. Веккер представление о природе психического, опираясь на понятия о психическом материале, или на «ткани» психических процессов, на их структуре и механизмах структурирования. Из чего сделана психика, какова ее структура и как она образуется?

Общими для всех психических явлений — от ощущений до высших психических структур личности — являются *пространственно-временные, интенсивностные, модальные* (качественные) свойства. В чувственном отражении, т.е. в ощущениях, восприятиях и представлениях, они отчетливо выражены и давно изучаются наукой. В мышлении они тоже есть,

но в не явной форме, т.к. мышление отражает пространство-время с обязательным включением элементов пространственных чувственных образов первичных объектов отражения либо их символических моделей. В мышлении есть пространственные и временные характеристики. Мыслительный процесс разворачивается и свертывается в безлимитном, временном и пространственном диапазоне. Человек способен мыслить о бесконечности Вселенной и бесконечно малых элементах микромира, фиксируя их в абстрактных понятиях и моделях.

В обыденном сознании и в научной экспериментально-лабораторной психологии сложилось мнение о безмодальности мысли (вюрцбургская школа). Но Веккер убеждает, что это ошибочное мнение. Он называет его иллюзией безмодальности, подобной иллюзии беспространственности мысли, и доказывает *интермодальность и полимодальность* мышления [Веккер Л.М., 1976, с. 55].

Что касается интенсивности мысли как ее энергетической характеристики, то Веккер и в этом вопросе последовательный материалист: ничто материальное мышлению не чуждо. Интенсивность как мера энергии мышления определяется тем, что мышление отражает воздействующие объекты сколь угодно большой или малой интенсивности [Веккер Л.М., 1976, с. 61– 62], что в мыслительном процессе участвуют чувственные образные компоненты, энергетически заряженные, а сама мыслительная работа протекает при энергетическом обеспечении со стороны субъекта-индивида как материального носителя психики. Это, конечно, весьма общие формулировки, но они подкрепляются фактами из фонда мировой и отечественной психологической науки и петербургской школы и из экспериментальных работ самого Веккера и его учеников.

Л.М. Веккер последовательно распространяет все родовые свойства психики и на свойства личности: есть личностное пространство-время, личностные формы интенсивности и модальности. В тестах Люшера, Роршаха, тестах семантического дифференциала проявляются особые личностные характеристики, которые указывают на единую природу психического на всех уровнях его существования — от элементарных ощущений до свойств личности.

Не менее радикально утверждение Веккера о «ткани», или «веществе», психических процессов и личности. Это экстерорецептивная, или когнитивная, ткань, далее интероцептивная, или эмоциональная, проприоцептивная, или деятельностьная [Веккер Л.М., 1998, с. 666]. Причем в каждом в психическом процессе и свойстве представлены все три вида психического материала, «ткани», но в разной степени. Он полагал и находил тому экспериментальные подтверждения, что исходным материалом психики являются тактильно-кинестетические ощущения, обычно объединенные в составе осязательного восприятия. Все виды чувственности заимствуют источник своей специфической предметной структуры из сферы тактильно-кинестетических ощущений.

В теории Л.М. Веккера намечается решение постоянно вспыхивающих споров о понятии «душа». По его мнению, это понятие допустимо и в науке как обозначение психического носителя высшего порядка психических явлений. По сути, как можно думать, это понятие является эквивалентом понятия сознания-переживания, психологического ядра в структуре личности. Чтобы обосновать такой вывод, Веккер разворачивает картину иерархии носителей психических явлений, где исходным является нервный субстрат, мозг и шире вся структура природного *индивида* (в терминах Б.Г. Ананьева). Однако сложные психические явления, например высшие чувства, высшие цели и смыслы, являются свойствами носителя наиболее высокого порядка. Они есть свойства не индивида, а личности как *психического субъекта* [Веккер Л.М., 1998, с. 644]. Вместе с тем Веккер не отрывает высших форм носителя психики (идеального носителя, или души, или духа, или личности) от низшей, исходной, каковой является материальный субстрат всей многоуровневой иерархии носителей. Короче говоря, «душа» — носитель *n*-го, высшего порядка, в лишь конечном счете производный от телесного носителя. Чтобы не потерять специфику высших форм психического, Веккер предлагает новое понятие «ближайший носитель» и полагает, что для объяснения того или иного психического явления надо рассмотреть его как свойство *ближайшего* носителя. Он ставит на будущее задачу разработать теоретические представления об иерархии носителей

психического, что необходимо для объяснения конкретных психические явления.

Заключение

Подводя итоги краткого изложения теории Л.М. Веккера, следует сказать, что этот ученый создал грандиозную теоретическую картину психического как отражения мира и регулирования жизнедеятельности, деятельности, поведения человека, выстроенную на основе четких, аргументированных теоретических положений. Теория Л.М. Веккера вписывается в общую научную картину мира и потому особенно убедительна. Она обогащает психологическую науку, а также профессиональное сознание не только академических, но и практических психологов. Более того, она служит руководством к действию как в познавательном, так и нравственном отношении. Согласно убеждению ученого, это так, потому что объективное знание позволяет каждому человеку и в жизни отличать истину от лжи и добро от зла.

Из научного архива

В приложение к краткому описанию основных положений теории Л.М. Веккера предлагаю архивный материал, дающий представление об индивидуальности этого ученого и о его социальной профессиональной среде, круге его общения. Здесь впервые публикуется фрагменты записи выступлений на праздновании шестидесятилетия Льва Марковича Веккера, которое состоялось осенью 1978 г. на факультете психологии Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ).

Событие происходило при большом стечении народа. Пришли ленинградские и иногородние коллеги, ученики, друзья, родные юбиляра. Самая большая аудитория факультета была переполнена. Открыл собрание декан проф. А.А. Крылов. Он зачитал поздравления от ректора Ленинградского университета, от факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, подписанное его деканом А.Н. Леонтьевым, Института психологии АН СССР (подписано директором Б.Ф. Ломовым), Психологического института АПН СССР (подписано академиком-секретарем АПН СССР А.А. Бодалевым), Института психологии АН Груз ССР (подписано директором института А.С. Прангишвили), Армянского отделения Общества психологов

СССР, Ташкентского педагогического института, Тартуского университета и др. Эти поздравления придавали юбилею всесоюзный масштаб. Было понятно, что Льва Марковича знают и высоко ценят не только в Ленинграде, и это при том, что он не занимал руководящих постов, не состоял в Академии педагогических наук и прочих престижных институциях.

После официальных поздравлений слово предоставили виновнику торжества. Его речь с первых же слов произвела сильное впечатление на присутствующих.

Текст дается с непринципиальными сокращениями в редакции Н.А. Логиновой. Оригинал рукописного текста хранится в личном архиве автора статьи, как и другие его записи, представляющие теперь уже исторический интерес. Часть из них была опубликована ранее.

Выступление Льва Марковича Веккера в октябре 1978 г.

Дорогие друзья!

Я сейчас в качестве субъекта сознания, общения и переживания испытываю чувство благодарности, радости, удовлетворения и чувство тревожной ответственности за все, что я сделал, за то, что я могу и хотел бы сегодня вам сказать. Суть выступления — устный автореферат, но весьма своеобразный.

Всякий, кто долго и целенаправленно работает, знает, какую испытываешь острую потребность в самоотчете по поводу того, что и как сделано. Надо найти опорные пункты в этом пути, о котором хочется сказать. В печатных работах это трудно сделать. Уместно говорить не о своей роли, а о задачах, о трудностях, о мотивах, об убеждениях, об идеалах, профессиональной идентичности.

Мне кажется, что у нас такая потребность особенно остро выражена, так как объект исследования — это индивидуальность, ее внутренняя жизнь. Это максимально конкретно. Для научной психологии неизбежен путь абстрактного анализа, чтобы была наука. Сочетание живой целостной конкретности нашего предмета и абстрактной холодности способов анализа — в этом особая [неразб.] Внутренний мир человека, его душа — она наш предмет. Она микроскоп, в котором все предстает в неразложимой

целостности. Внешний мир легче поддается членению, а здесь все в духовной целостности. С какого конца распутывать это осознание?

...Маркс: в мышлении конкретное — конечный результат, но исходный пункт — созерцание. Субъект, субъективное конкретное — в конце мышления.

Но дело в том, что внутри психологии эту альтернативу продвижения не реализовать с той полнотой, какая нужна. Откуда начать? От субъекта, его процессов. *Нужен субъект как целое.* Понять его теоретически. Нам нужна *несубъективистская теория субъекта.* Нигде субъективизм так не опасен, как в теории субъекта. Сам предмет провоцирует субъективные возможности анализа. Чтобы избежать субъективизма, по-моему, надо найти пути разведения в субъекте того, что зависит от субъекта, и того, что *не* зависит от субъекта. Разделить субъект и объект *в субъекте.* Иначе невозможно избежать субъективизма.

У меня было два основных мотива в профессиональной деятельности. Это мой долг выстроить, в конечном счете, теорию, в которой субъект выступает как результат, выстроить теорию субъекта, свободную от субъективизма. Вторая моя задача более близкая — обосновать природу знания, объективность знания — антикантовский мотив. Пути и способы воспроизведения внешнего мира независимо от субъекта. Это предпосылки теории субъекта. Гигантская трудность.

Если эту границу не провести — между субъектом и объектом, то нет границы в субъекте между истиной и заблуждением, между правдой и ложью, между нормой и патологией, между преступлением и невинной шалостью, между ответственным решением и взбалмошной прихотью, между нравственным порывом и безнравственным капризом, между самостоятельностью и самодурством, между свободой справедливого выбора и деспотизмом произвола. В океане человеческих пристрастий надо найти психические структуры, которые служат основой для беспристрастия. Пристрастие закономерно, но надо, чтобы оно не превратилось в доминирующее. Оно должно быть в рамках возможной беспристрастности. Отсюда психологическая задача — необходима стратегия, которая ведет от простого к сложному, от процессов к субъекту.

Особенности познавательных процессов [неразб.] дают объективность познания.

Первая линия работы нашей ленинградской психологической школы под эгидой идей Бориса Герасимовича Ананьева — анализ когнитивных процессов. Гносеологический парадокс. Будучи свойствами субъекта, психические процессы не поддаются формулированию в терминах мозга, а формулированию в терминах свойств объекта. Отсюда дуализм. Найти состояния субъекта, чтобы решить проблему природы психического.

Сеченов: объяснение психики за пределами мозга. Это привело к советской психологии, ее концепции деятельности. А.Н. Леонтьев с потрясающей ясностью показывает: изнутри мозга нельзя вывести психическое. Деятельность изучается в МГУ и у нас. Это непротиворечивый ход в сторону более общей категории взаимодействия. Отсюда поиск механизмов мозга. Ощущения — результат этого взаимодействия. Отсюда интерес к *осязанию*. В составе взаимодействия сохраняется инвариант объекта. Изнутри психологии идет рост [интереса] к теории информации. Инвариант (в известном диапазоне) структур познавательных процессов. Интеллект — блок в структуре субъекта. Целостная структура субъекта и есть личность.

Иерархия инвариантов, свободная от субъективности. Экстипироваться от субъекта необходимым образом. Это всегда вызывало протест, но это необходимо для построения объективной концепции субъекта. В структурную формулу познавательных процессов субъективное не входит, оно не может входить в общие формулы, а только в частные. Большая поддержка для меня от Бориса Герасимовича, когда он говорил о «безличной» психологии со свойственным ему пафосом: «И, слава богу, что существует “безличная” психология, потому что благодаря этому возможна развитие настоящей психологии личности».

Это верно в познавательных процессах. От субъективных процессов к субъекту и от субъекта к субъективному процессу. Но далее очень серьезно. Как быть с общей структурной формулой эмоций? Там — *отношение* субъекта и реальности. Нельзя обособить эмоцию от субъекта, не обособив эмоцию от когнитивного процесса и субъекта.

Субъект вначале — это телесный субстрат, отсюда простые эмоции. Но есть эмоции, которые не представлены в системе «тело-объект». Например, эстетические, нравственные, платоническая любовь. Это не «тело-объект», а отражение отношения субъекта (личности) к объекту. Что такое субъект? Это субстрат и личность. Это *иерархия носителей*. Субъект входит в эмоцию, волю. Мы вынуждены, вопреки нашим намерениям, обратиться к тому, что такое субъект, его общие свойства. После этого подойти к эмоциям, воле и т.д. Здесь надо идти от субъекта.

Встает проблема, парадокс. Онтологический парадокс психики. Дело в том, что человек чувствует себя не только телом, но чувствует себя и психическим носителем своих свойств — он чувствует свое «я». Есть такие психические функции, процессы, которые, в отличие от когнитивных явлений, не могут быть сформулированы ни в терминах объекта, ни в терминах мозга. У них есть свой носитель. *Душа* — их психический носитель. Вот здесь была основа дуализма, здесь — его онтологические корни.

Психический носитель — исходный (по Декарту) и производный. Это парадокс субъекта. Есть психический носитель — это душа. Ей принадлежат психические свойства. Ее нельзя отбросить, но надо объяснить как психическое образование, как психический носитель. Нельзя объяснить психический носитель как сумму свойств. Это не сумма. Свойство — *часть* носителя. Само свойство становится носителем другого свойства. Итак, иерархия носителей.

Надо объяснить свойство в терминах состояний его носителя. Надо найти подходящую ткань, в этом объяснении иерархии носителей нельзя пропускать уровни. Объяснить свойство *ближайшим (структурным)* уровнем субъекта, иначе тупик, иначе словесные пустышки вместо концептуальных схем. Будем продвигаться по вертикали иерархии носителей. Уровни слеплены в интегральной структуре. Мы ее должны распутать. Процесс — состояние — свойство — это основные понятия. Оставим состояния — они тоже свойства. Это — свойство личности. Процессы — свойство субстрата. Примем это. Модальность ощущений. Это не свойство мозга, а свойство перцепции. Константность — это свойство психического, перцепции, а не личности, не мозга. Сказать «пер-

цепция — свойство личности» — это грубая ошибка. Перцепция — в структуре личности есть элемент, но не свойство личности.

Тело — исходный носитель, а вершина — психический носитель, личность. В промежутках — иерархия [носителей]. Исходное и последнее как бы поглощают иерархию. Остается на виду противопоставление тела и души. Психология личности как высшего субъекта на законных основаниях может абстрагироваться от нижних уровней и брать душу как сумму своих свойств (например, в факторных теориях личности). Но это до тех пор, пока мы остаемся на высшем уровне [иерархии носителей]. Этот высший уровень надо объяснять как производное понятие, иначе будет идеалистическая «душа».

Общая психология в этой иерархии уровней имеет дело со всеми промежуточными уровнями, и психология личности как общепсихологическая наука не может обособиться от нижних уровней. Она должна объяснить психического субъекта (душу). Она должна быть *гистологией психической ткани*. В Москве ищут чувственную ткань сознания. Это — «материя», ткань психического субъекта. Вывести личность из адекватного материала — это дело психологии личности.

Дальше идем к родовым характеристикам психической материи, к *универсальным* свойствам психической материи. Мы ищем. Это психическое пространство, временные характеристики, модальность и энергетические характеристики. Введем зондаж эмоций и воли и, оказывается, что и там есть универсальные характеристики — пространственно-временные, модальностные, интенсивностные.

Есть ли такие же характеристики в личности? В мировой литературе есть об этом данные. Клинический материал, личностное тестирование Роршаха: пространственная структура, движение, модальность (цвет) рисунков. Очень хорош метод семантического дифференциала. В нем те же основные факторы. Методика Люшера — та же триада, определяет личностные прогнозы. Тест цвета, светлоты и формы.

Можно вернуться к формуле эмоций, мотивов, включая внутренние характеристики субъекта. Изменение стратегии ведет к изменению метода. Метод интроспекции в новом виде. Он плох для познавательных процессов, но не по

отношению к эмоциям и мотивам. Там есть непосредственное переживание душевных состояний.

Локк: внешнее параллельно внутреннему опыту. На самом деле внутренний опыт вторичен. Аналогия психомоторики и психосоматики, взаимодействие периферии и центра. По отношению к эмоциям и мотивам нельзя выбросить периферические эффекты. За соотношением понятий интроспекции, интроспекции, интroversии стоит не этимология, а семантическое родство.

Приближаемся к объединению психологии психических процессов с психологией субъекта в единой системе понятий, чтобы охватить все промежуточные уровни, охватить психическую ткань от сенсорики до личности.

Настало время повышения психических ресурсов, о которых мечтал Борис Герасимович. Время расширенного воспроизводства человеческих потенциалов приближается, и скорость продвижения зависит от нас с вами.

Далее выступали товарищи, сотрудники и ученики Л.М. Веккера, в том числе М.Д. Александрова, В.П. Зинченко, Е.С. Кузьмин, Н.В. Кузьмина, Е.Ф. Рыбалко.

В ответном слове Лев Маркович сказал: «Есть отчетливое свидетельство, что мой первоначальный интерес, оставшийся до сегодняшнего дня, — интерес не к процессу, а к субъекту, к человеку.

Закончив седьмой класс в Одессе, я не пошел в школу, а поступил, движимый интересом к человеку, в медицинский техникум. И тут я начал учиться хорошо, но нашлись люди, учительница физики, которая вызвала к себе и поговорила по душам. “Не думай, что в лоб и просто удовлетворить эту потребность [понять природу человека]. Надо идти в школу, путь будет окольным, а не прямым”. Я той учительнице благодарен.

Я пошел работать в школу в Ленинграде. В тот период были друзья. Некоторые из них были сотрудниками в ЛГУ. Был еще один учитель физики, сыгравший большую роль в жизни. Я пришел на физфак. Был очень счастлив. И там были замечательные учителя. Здесь присут-

ствуует профессор Л.Э. Гуревич¹, с которым сохранил близость.

Пошел на философский факультет. До сих пор в памяти живет Михаил Васильевич Серебряков, удивительный человек, которого нельзя забыть². Пришла психология. О Борисе Герасимовиче я не буду говорить, так как не могу сказать в двух словах. Ему и его идеям, которые живут в нас и в наших учениках, принадлежит будущее. Были и другие учителя — Владимир Николаевич Мясичев, Августа Викторовна Ярмоленко, Анна Александровна Люблинская.

Был вильнюсский период. Есть друзья, есть люди, близкие, которые помогают жить. Дорогие друзья. От них тепло, дружба, мощь. Наконец, мои ученики — в этом жизнь. В детях и учениках. Это не нуждается в комментариях.

Горжусь принадлежностью к ленинградской психологической школе, работой в Ленинградском университете. Посмотрите, в каком окружении мы здесь. Рядом физиологический институт имени Павлова. Там работал такой замечательный ученый и человек, как Леон Абгарович Орбели. Напротив — философский факультет, Институт русской литературы — Пушкинский дом, неподалеку Академия художеств. Я к этому не привыкаю и испытываю волнение каждый день и вижу в этом символ. Мы так расположены в системе наук, человеческих интересов. Гармоничность и целостность подхода к психологии, основная конструкция заложена здесь нашим общим учителем Борисом Герасимовичем.

Я глубоко убежден, что всему, что сделал Борис Герасимович, принадлежит будущее и не только в смысле *психологических идей*, но в смысле *психологии людей*. Я глубоко убежден, что дальнейшее развитие ленинградской школы будет способствовать повышению человеческих ресурсов, расширенному воспроизводству человеческого интеллекта и эмоционального потенциала. Способствовать развитию путей осуществления человеческих идеалов, а не только интеллектуальных потенциалов.

¹ Л.Э. Гуревич – советский физик-теоретик, преподавал на физическом факультете ЛГУ в 1940–50 гг.

² П.В. Серебряков – советский философ, в послевоенное время, студенческие годы Л.М. Веккера был деканом философского факультета ЛГУ.

Благодарю всех, что дали мне сегодня почувствовать, что умственные и сердечные усилия не пропадают даром».

(Аплодисменты).

Список литературы

Ананьев Б.Г. Предисловие // Веккер Л.М. Восприятие и основы его моделирования. Л.: ЛГУ, 1964. С. 3–6.

Веккер Л.М. Построение осязательного образа: дис. ... канд. психол. наук. Л.: ЛГУ, 1952.

Веккер Л.М. Психика и реальность: На пути к единой теории психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.

Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 2. Л.: ЛГУ, 1976. 340 с.

Веккер Л.М. Роль движений в процессе осязательного образа: дипломная работа. Л.: ЛГУ, 1947.

Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. М.: Мысль, 1971. 386 с.

Ждан А.Н. История психологии: от Античности до наших дней. 9-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект: Трикста, 2012. 587 с.

Либин А.В., Либина А.В. Логика изучения природных основ психической реальности: теория ментальных иерархий Л.М. Веккера // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3, вып. 4. С. 101–108.

Осорина М.В. Научное творчество и судьба Льва Марковича Веккера // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3, вып. 4. С. 85–100.

Теоретическое наследие Л.М. Веккера: на пути к единой теории психических процессов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 261 с.

Получено 31.10.2018

References

Anan'ev, B.G. (1964). *Predislovie* [Foreword]. *Vekker L.M. Vospriyatie i osnovy ego modelirovaniya* [Vekker L.M. Perception and the foundation of its modeling]. Leningrad: Leningrad State University Publ., pp. 3–6.

Dubrovskiy, D.I. (1971). *Psikhicheskie yavleniya i mozg* [The mental phenomena and the brain]. Moscow: Mysl' Publ., 386 p.

Kholodnaya, M.A. and Osorina, M.V. (eds.) (2008). *Teoreticheskoe nasledie L.M. Vekкера: na puti k edinoy teorii psikhicheskikh protsessov* [The theoretical heritage of L.M. Vekker: on the course to the total theory of mental processes]. Saint Peters-

burg: Saint Petersburg University Publ., 261 p.

Libin, A.V. and Libina, A.V. (2008). *Logika izucheniya prirodnykh osnov psikhicheskoy real'nosti: teoriya mental'nykh ierarkhiy L.M. Vekker* [Logic of studying of natural bases of psychic reality: L.M. Vekker's theory of mental hierarchy]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psycho'logy]. Vol. 3, iss. 4, pp. 101–108.

Osorina, M.V. (2008). *Nauchnoe tvorchestvo i sudba L'va Markovicha Vekker* [The scientific work and life of Leo Markovich Vekker]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. Vol. 3, iss. 4, pp. 85–100.

Vekker, L.M. (1952). *Postroenie osyazatel'nogo obraza: dis. ... kand psikh. nauk* [The construction of a tactile image: dissertation]. Leningrad: Leningrad State University Publ.

Vekker, L.M. (1976). *Psikhicheskie protsessy* [The mental processes]. Leningrad: Leningrad State University Publ., vol. 2, 340 p.

Vekker, L.M. (1998). *Psikhika i realnost': Na puti k edinoy teorii psikhicheskikh protsessov* [Psyche and reality: On the way to a unified theory of mental processes]. Moscow: Smysl Publ., 685 p.

Vekker, L.M. (1964). *Rol' dvizheniya v processe osyazatel'nogo obraza: diplomnaya rabota* [The role of movements in the process of tactile image: thesis]. Leningrad.

Zhdan, A.N. (2012). *Istoriya psikhologii: ot Antichnosti do nashikh dney* [The history of psychology: from the Antiquity until our days]. Moscow: Academicheskii proekt Publ.; Triksta Publ., 587 p.

Received 31.10.2018

Об авторе

Логинова Наталья Анатольевна

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии развития
и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: n.loginova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3460-3497>

About the author

Natalia A. Loginova

Doctor of Psychology, Professor,
Professor of the Department of Developmental
Psychology and Differential Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: n.loginova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3460-3497>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логинова Н.А. Теоретик психологии Лев Маркович Веккер // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 106–115. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-106-115

For citation:

Loginova N.A. Psychology theorist Leo Vekker // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 106–115. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-106-115

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316:342.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-116-123

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНУЮ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК НОРМУ ПРАВА***Смольников Сергей Натанович**Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Рассматривается понятие социальной справедливости в современном праве. Отмечаются разные аспекты: связь социальной справедливости с социальным государством, правовым государством, цивилизационная специфика, исторические особенности. Осмысливается вопрос значимости выбора между легальностью и легитимностью власти как фактора утверждения социальной справедливости. Поднимается вопрос субъектно-объектной сущности социальной справедливости. Сравняются два подхода к социальной справедливости в современной России — либеральный и консервативный. Отмечается противоречивость как либерального, так и консервативного подходов. Обращается внимание на роль элит, интеллигенции и народа в воплощении либерального проекта. Раскрываются исторические и цивилизационные предпосылки доминирования консервативного проекта, его востребованность как со стороны власти, так и со стороны значительных слоев населения, соответствие историческому моменту. Обосновывается сходство консервативного ответа на возникающие перед обществом вызовы в США, Японии, Великобритании и РФ. Дается социологическое сравнение позиций в вопросах права как социальной справедливости на Западе и в России. Отмечается нарастающее расхождение представлений о социальной справедливости как в самих странах Запада (разрушение общественного договора, общества всеобщего благоденствия и изобилия), так и между Западом и остальным миром. Тема справедливости все больше играет роль не стабилизации и сохранения международного и гражданского мира, а темы для взаимных претензий. Рассматриваются попытки создания отечественных моделей справедливо устроенного общества. Социальная справедливость рассматривается как проективное понятие и предполагает наличие моделей ожидаемого и идеального будущего общества. Отмечается мировой тренд на изменение представлений о субъекте права и сдвиге парадигмы от либерализма к трансгуманизму. Утверждается невозможность отождествления права с социальной справедливостью.

Ключевые слова: социальная справедливость, право, правовая справедливость, либеральный проект социальной справедливости, консервативный проект социальной справедливости, правовое государство, социальное государство.

**A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE ON SOCIAL JUSTICE
AS THE RULE OF LAW***Sergey N. Smolnikov**Perm National Research Polytechnic University*

The article considers the place of social justice in modern law. Various aspects are noted: its relationship with the social state, legal state, civilizational particularities, historical features. The question of the significance of choice between the legality and legitimacy of power as a factor in the establishment of social justice is considered. The article raises the issue of the subject-object essence of social justice. It provides

a comparison of two approaches to social justice in modern Russia — liberal and conservative, and notes the contradictory nature of both. Attention is drawn to the role of elites, the intelligentsia and the people in the embodiment of the liberal project. The author reveals the historical and civilizational prerequisites for the conservative project domination, its being in demand on the part of both the authorities and significant segments of the population, and its correspondence to the historical moment. The similarity of the conservative response to the challenges facing the society in the United States, Japan, Britain and Russia is substantiated. A sociological comparison of positions on the issues of law as social justice in the West and in Russia is given. There is an increasing divergence in understanding social justice both in the countries of the West (destruction of the social contract, welfare state) and between the West and the rest of the world. The theme of justice is increasingly playing a role in causing mutual claims rather than in stabilizing and maintaining international and civil peace. The paper considers attempts to create domestic models of a just society. Social justice is regarded as a projective concept and presupposes the existence of models of the expected and ideal future of society. The world trend towards change in the ideas of the subject of law and of the paradigm shift from liberalism to transhumanism is noted. It is argued that it is impossible to identify law with social justice.

Keywords: social justice, law, legal justice, liberal project of social justice, conservative project of social justice, legal state, social state.

В современной литературе поднимается актуальный на сегодня вопрос о соотношении социальной справедливости и права. Социологический подход объясняет это несоответствием содержания общественного сознания набору правовых норм, построенных на тех или иных представлениях о социальной справедливости, разницей норм и интересов элементов общества и общей расколотостью общества по данным вопросам. Остается актуальным поиск ответов на старые вопросы: в чем должны быть особенности модернизации в России, каковы ее движущие силы; кто прав — западники или славянофилы; каков проект общественного договора?

Обсуждение этих вопросов каждый раз актуализируется после очередных выборов в высшие органы власти, которые у части населения всякий раз порождают новые надежды. Известно, что многие положения Конституции уже претерпели изменения и сама жизнь подсказывает неизбежность серьезных конституционных реформ. И это дает дополнительный шанс согласования основного закона с актуальными представлениями о социальной справедливости различных социальных групп. Пример возникающих споров и альтернативных взглядов на реализацию данного процесса дают процессы конституционного строительства в Луганской и Донецкой народных республиках, в Республике Крым, демонстрируя необходимость предварительной проработки и широкого общественного обсуждения данных вопросов.

Роль социальной справедливости разнообразна. Социальная справедливость выступает одновременно как минимум в трех ипостасях в отношении права: это основа права, это критерий легитимности права (дух закона) и это результат правоприменения. Уже само право можно рассматривать как науку о добром и справедливом [Нерсесянц В.С., 2001, с. 7]. Таким образом социальное должно располагаться в основе правового, быть «духом» правового и в итоге правовое должно служить и даже в конечном итоге сводиться к социальному. А следовательно, можно сказать, что на определенном уровне обобщения социологический подход должен быть главенствующим в рассмотрении права.

В конституциях разных стран мира понятие «социальная справедливость» практически не встречается. А в тех случаях, когда оно присутствует (конституции Швейцарии, Албании, Индии), указывается на невозможность апелляции к данному понятию при конкретных судебных исках и решениях. В Конституции РФ термин «социальная справедливость» отсутствует, но имеет место в частных законах, относящихся к деятельности политических партий [Федеральный закон «О политических партиях», 2017] и общественных объединений. В них обращается внимание на то, что требование социальной справедливости нельзя расценивать как экстремистские призывы [Федеральный закон «Об общественных объединениях», 2017].

Выдвигаются разные цели конституционных преобразований. Так, А. Медушевский, пози-

ционирующий себя как сторонних либеральных ценностей, видит основное направление преобразований в том, чтобы «добиться уничтожения разрыва между справедливостью и правом и на этой основе преодолеть историческое отчуждение общества и власти» [Медушевский А.Н., 2017, с. 70].

Подобное определение цели вызывает целый ряд вопросов. А за счет чего легче, проще уменьшить разрыв между справедливостью и правом? За счет переписывания законов или за счет убеждения населения в том, что «по закону и значит справедливо»? А можно ли полностью преодолеть «историческое отчуждение общества и власти» в России? Ведь предполагаемый результат реформ — это лишь временное равновесие социальной справедливости и правовой справедливости, не более того. Чем более динамично развивается общество, тем сильнее будут расхождения. Результаты любых реформ ограничены во времени. Требуется непрерывная модернизация или, если угодно, «перманентная правовая революция». Правда, здесь не удастся избежать некоторой декларативности права, положений «на вырост».

Чем обусловлено отмечаемое А. Медушевским «историческое отчуждение общества и власти»? Представляется, что оно проистекает в числе прочего как раз из реформ сверху. Из того, что власть тянула за собой народ, государство было основой догоняющей модернизации. «Преодолеть отчуждение» в том числе означает прекратить модернизацию — это как раз победа консервативной идеи в чистом виде. Свести роль элит и интеллигенции лишь к исполнению закона, слежению за его соблюдением — рациональная ли это идея? Народ всегда ведомая часть. Либеральные ценности разделяет меньшая часть населения. Обратимся к социологическим данным. Так, по сравнению с 1989 г. доля респондентов, выступающих за ограничение на государственном уровне слишком больших различий между богатыми и бедными, в 2015 г. выросла с 50 до 74 %; за полное невмешательство государства в распределение доходов в 1989 г. выступало 64 %, а в 2015 г. — лишь 27 %; за гарантированный доход каждому не ниже прожиточного минимума выступало и выступает 90 % населения [Политов Ю., 2015]. По данным ВЦИОМ справедливое общество большинством понимается как «сильное госу-

дарство, порядок, национальные интересы» (58 %); а за демократию, солидарность и свободу выступают 27 % опрошенных [Социальная справедливость..., 2013]. Согласно представлениям свердловских студентов, справедливое общество должно характеризоваться такими признаками, как «бесплатное здравоохранение» (67 %), государственная поддержка детей из бедных семей, бесплатное образование (65 %) и лишь вслед за ними требование разрешать конфликты в суде (55 %), требование соблюдать законы, даже если они несовершеннолетние (54 %) [Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., 2017, с. 38].

В отличие от либерального проекта (в интерпретации А. Медушевского) доминирующий сегодня в России консервативный проект (усматривающий образец для подражания в своем прошлом) представляет собой эклектичное сочетание элементов советских и имперских. И связано это не столько с его разработанностью, завершенностью (в нем множество несочетаемых элементов) или особой привлекательностью (многие фигуры и элементы вызывают ожесточенную взаимную ругань его сторонников), сколько с текущими потребностями власти и продемонстрированной общей реализуемостью на местной почве, сохранению «мышечной памяти» у органов власти и широких слоев населения. Идеология всегда привязана к текущей ситуации. Она объясняет способы выхода из сложившегося тупика, ответа на текущие вызовы. Осознаваемые вызовы сегодня — это угроза развала РФ, продолжающийся распад постсоветского пространства. Ответами на эти вызовы и стали идеи, обосновывающие централизацию и реконструкцию этого пространства, восстановление утраченного места России в мире. Здесь очевидны определенные сходства с проигравшей войну Японией, находящейся в значительной мере под внешним управлением, проводившей реформу под контролем и по программам оккупационной власти, в условиях чрезвычайных темпов модернизации. Последняя для сохранения самости и в надежде на восстановление суверенитета обратилась к «традиции», сохраняя власть императора. Славится приверженностью традициям и переживающая распад империи Британия. Истеблишмент старается сохранить и реставрировать одно — империю и силу, а попутно реставрирует и все их атрибуты. До изобретения но-

вых смыслов и целей, новых «скреп» и «нового проекта» ситуацию пытаются «подморозить». Можно заметить аналогию и с современными США, с лозунгом Д. Трампа «Make America Great Again» и строительством стены от мигрантов. Консерватизм замедляет развитие науки и техники, но повышает стабильность, монолитность общества, рождаемость. Следовательно, выбор модели справедливости зависит от ответа на вопрос: какая проблема для нас сейчас первостепенна? Социологический анализ требует ответа и на вопросы: «кто является объектом и субъектом предстоящих преобразований», «во имя кого эти преобразования»?

На данный момент в России внятного формального ответа на эти вопросы нет. В Конституции РФ в качестве источника власти упоминается «многонациональный народ России», а гарантом объявлен Президент. Одновременно в Конституции РФ провозглашается правопреемство СССР. В советской же конституции источником власти обозначены рабочие, крестьяне и интеллигенция, трудящиеся всех наций и народностей страны. Таким образом, кто субъект преобразований и кто объект преобразований на текущий момент не ясно. А следовательно, не ясно, в чьих интересах проводить реформы и преобразования и как можно на практике реализовать этот принцип. Попытки исправить эти пробелы как идеологически, так и в правовом поле пока не увенчались успехом. Закон о «Российской нации» не доработан, а появившийся было концепт «Русский мир» также не был юридически формализован. Соответствие социальных образований правовым и идеологическим концептам не определено.

Положения Конституция РФ дают нам представление о правовом и социальном государстве, которые уже предполагают обязательную связь с социальной справедливостью. Эти положения носят как общий — направлены на всех граждан РФ (или даже не граждан), так и частный характер — выделяют объект своего применения. Их можно интерпретировать как гарантии соблюдения некоторых «естественных прав». К общим гарантиям социальной справедливости можно отнести и зафиксированный в Конституции базовый набор гражданских и политических прав и свобод, социальных гарантий. К частным относятся специфические права отдельных социальных групп или общностей — детей, инвали-

дов, коренных народов, женщин. Данные положения раскрывают положение о том, что РФ — социальное государство.

В этом случае социальное государство можно трактовать как особый тип государства, в котором первостепенной заботой власти является выработка решений, относящихся к обеспечению качества жизни его населения, обеспечения его социальных гарантий и стабильности развития [Тавокин Е.П., 2015, с. 133; Романько И.Е., 2014; Остахнович В.О., 2014].

С позиций социологии предназначение образцовой конституции состоит также в том, что она дает большинству членов этого общества ощущение справедливости. Справедливости во всех сферах — социальной, экономической, политической, экологической и иных. Известно, что каждая социальная группа (класс, группа и отдельная личность) как бы примеряет на себя правовую норму социальной справедливости, оценивает ее и на основании этого выстраивает свои отношения с другими людьми, с обществом, с государством. Для каждого социального образования «действует правило»: если нет ощущения справедливости, то нет и чувства своей (социальной, государственной, цивилизационной) правоты. Осознание справедливости стабилизирует, укрепляет общество, выступает дополнительным основанием, обоснованием его самооценности (собственной значимости) и международного престижа.

Так, сегодня мы можем наблюдать потерю авторитета коллективного Запада в глазах «мировой общественности» из-за очевидной несправедливости его позиции в отношении РФ, Ближнего Востока, «двойных стандартов» (особенно явно это проявилось после публикации компромата друг на друга элит США). У Запада больше нет позиции морального превосходства, формировавшейся многими десятилетиями, если не столетиями, — она сейчас основательно подорвана.

Многие внутренние изменения общества в США и Западной Европе, произошедшие за последние десятилетия, воспринимаются извне (большинством представителей других обществ) также как явная несправедливость — в первую очередь это практика «позитивной дискриминации». Но и внутри западных обществ ощущение наступления «все большей» социальной справедливости не доминирует. «Борцы

за справедливость» все так же недовольны, как и раньше, их сторонники — активисты соответствующих движений не снижают накал борьбы, протестные движения не идут на спад, и в целом общий протестный потенциал в западных обществах растет. Подобную ситуацию можно охарактеризовать словами Г. Спенсера: «...несправедливость правительства может существовать при помощи народа, соответственно несправедливого в своих чувствах и действиях» [Спенсер Г., 1992, с. 135–136]

Каждая цивилизация провозглашает свой набор целей и ценностей и претендует на собственное понимание социальной справедливости. Это объясняется тем, что справедливость рассматривается как защитное свойство общества, сохраняющее и поддерживающее его стабильность [Семигин Г.Ю., 2009, с. 73].

Россию можно рассматривать и как отдельную цивилизацию, и как ответвление европейской цивилизации. Первая позиция, как представляется, сегодня менее правомерна, чем вторая. Однако полный переход на позиции евроцентризма лишает нас перспектив обрести моральное превосходство (дающее преимущества как во внутренней, так и внешней политике) в принципе, он есть признание нашей вечной вторичности, автоматическое принятие тех эталонов, идеалов и правил, которые выгодны в каждый конкретный момент ведущим государствам Запада. Перед каждой властью встает выбор: что для нее *важнее* — легальность или легитимность? Российская власть выбрала второе. В обоснование своей легитимности ей приходится обосновывать собственную уникальность.

Попытки выйти из тупика евроцентризма предпринимались неоднократно. Так, в свое время СССР, основываясь на западном продукте (марксизме), с самого своего появления пытался формировать собственный внешний и внутренний образ как «общества победившей социальной справедливости». И для значительной части жителей мира ему это удалось (особенно обездоленной его части), собственные граждане также в значительной мере восприняли эту позицию. Однако довольно быстро СССР этот образ утратил — причем как внутри страны, так и за ее пределами — и стал восприниматься как общество социальной несправедливости. «В конце 80-х подавляющее число респондентов было также уверено в общей не-

справедливости общественного устройства: в 1989 году лишь 15 % рабочих считали оплату своего труда справедливой» [Смольников С.Н., 2013, с. 107].

Одна из очередных попыток (частично удачная) — это позиционирование государственной пропагандой РФ теперь уже не как части Европы, «опередившей свое время», а, напротив, как взгляд из «светлого прошлого» Европы — как оплота классических, христианских, традиционных европейских ценностей. РФ снова позиционирует себя как «третий Рим», подхватывающий из слабеющих рук Запада знамя европейской культуры.

Однако в самом российском обществе существует немало проблем, относящихся к социальной справедливости. Так, в аналитическом докладе ИС РАН «Российская идентичность в социологическом измерении», говорится, что за годы реформ в России выросло поколение, которое испытывает чувство стыда и отчаяния за состояние своей страны (до 90 % молодежи) [Горшков М.К., 2007, с. 20–21].

Правовое государство есть основа и гарантия правовой справедливости. Последняя существует для поддержания *текущего* порядка. В ее задачи входит обеспечение стабильности общества, недопущение потери его управляемости. Однако максимального результата в этом направлении можно добиться лишь при условии, что правовая справедливость будет служить социальной справедливости, а не быть лишь оправданием целесообразности исторического момента. Она неизбежно должна быть нацелена за пределы сегодняшнего дня и тем самым связана с наличием образа, модели ожидаемого и идеального будущего (поисковый и нормативный прогнозы). «Критериями эффективности развития будущего общества являются не только экономические, технические (количественные) показатели, а, прежде всего, качество жизни человека, уровень развития образования, здравоохранения, медицины, морально-психологический климат в обществе, продолжительность жизни человека, его культура, материальный достаток и т.д.» [Стегний В.Н., 2010, с. 12].

Будущая модель социально справедливого общества должна учитывать сегодняшние тенденции технического и культурного развития

передовых государств. Должна быть готова к этим изменениям.

Современное представление о субъекте права на Западе и на его периферии «мутирует» от либерализма и теории естественного права к трансгуманизму. Это можно проиллюстрировать приближающимся признанием частичной правосубъектности машин и животных, «неизбежной публичностью» персональных данных, электронной «Системой социального кредита» в Китае (главный критерий оптимизации общества в ней — привитие «честности», что в рамках подхода «справедливость как честность» можно интерпретировать как глобальную машину по построению социально справедливого общества), и дальнейшим отрывом субъекта права от своих социальных и физических свойств, и распространением потенциального права собственности на все большие объекты (материальные и информационные), могущие быть частью тела другого человека, и пересмотром критериев «естественного», а следовательно, и теории «естественного права». Как видим, наблюдается множество признаков построения «электронного концлагеря», которого хотелось бы избежать.

Вышеописанные представления о субъекте права на Западе коррелируют с понятиями «постмодерн» и «культурный плюрализм», для которых характерно отрицание единой для общества шкалы ценностей. Их нельзя уже рассматривать как некий «новый проект», «новую цивилизацию», они не дают нового критерия социальной справедливости.

Таким образом, право может быть рассмотрено как важное основание для обеспечения социальной справедливости в обществе. Оно закрепляет базовые гарантии прав человека, без которых не может состояться его социальная жизнь. Но его нельзя отождествлять с социальной справедливостью, которая существует лишь как живое, интуитивное право и каждый раз проявляется в формальном и неформальном правоприменении.

Список литературы

Вишневецкий Ю.Р., Нархов Д.Ю. Какое общество является справедливым: мнение свердловских студентов // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 35–46.

Горшков М.К. Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический до-

клад. М., 2007. 140 с. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (дата обращения: 17.05.2018).

Медушевский А.Н. Право и справедливость: российский процесс общественного развития нового и новейшего времени // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 62–72.

Нерсесянц В.С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 3–15.

Остахович В.О. Основные принципы социальной политики как вектор реализации справедливости в современных государствах // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 5. С. 40–47.

Политов Ю. Миллионер в опале // Российская газета. 2015. 11 фев. URL: <https://rg.ru/2015/02/12/dohody.html> (дата обращения: 17.05.2018).

Романько И.Е. Принципы социальной политики как вектор реализации справедливости в современных государствах // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 14. С. 19–24.

Семигин Г.Ю. Социальная справедливость и право. Основы взаимодействия // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 72–82.

Смольников С.Н. Специфика восприятия населением России понятия социальной справедливости // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2013. № 19(46). С. 104–110.

Социальная справедливость: как мы ее понимаем. Пресс-выпуск № 2346 от 15.07.2013 / Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1007> (дата обращения: 17.05.2018).

Спенсер Г. Грехи законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 129–136.

Стегний В.Н. Прогнозирование будущей социальной модели развития России // Вестник ПГТУ. Социально-экономические науки. 2010. № 5(24). С. 3–13.

Тавокин Е.П. К вопросу о концепции социального государства // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 125–134.

Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 N 95-ФЗ. Ст. 9. (в ред. ФЗ РФ законов от 05.12.2017 № 375-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 17.05.2018).

Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 N 82-ФЗ. Ст. 16. (в ред. ФЗ РФ законов от 20.12.2017 № 404-ФЗ). URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 17.05.2018).

Получено 22.11.2018

References

Federalnyy zakon «O politicheskikh partiyaх» ot 11.07.2001 № 95-FZ (v red. FZ RF ot 05.12.2017 № 375-FZ) [Federal Law «On Political Parties» of July 11, 2001, no. 95-FZ (as amended by the Federal Law of the Russian Federation laws of 05.12.2017 No. 375-FZ)]. Art. 9. Available at:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (accessed 17.05.2018).

Federalnyy zakon «Ob obshchestvennykh ob'edineniyakh» ot 19.05.1995 N 82-FZ (v red. FZ RF zakonov ot 20.12.2017 № 404-FZ) [Federal Law «On Public Associations» of May 19, 1995, no. 82-FZ (as amended by the Federal Law of the Russian Federation laws of December 20, 2017, no. 404-FZ)] Art. 16. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (accessed 17.05.2018).

Gorshkov, M.K. (2007). *Rossiyskaya identichnost' v sotsiologicheskoy izmerenii: analiticheskiy doklad* [Russian identity in the sociological dimension: analytical report]. Moscow, 140 p. Available at: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (accessed 17.05.2018).

Medushevskiy, A.N. (2017). *Pravo i spravdlivost: rossiyskiy protsess obshchestvennogo razvitiya novogo i noveishego vremeni* [Law and justice: the Russian social development in modern and contemporary times]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 1, pp. 62–72.

Nersesiants, V.S. (2001). *Pravo kak neobkhodimaya forma ravenstva, svobody i spravdlivosti* [Law as a necessary form of equality, freedom and justice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10, pp. 3–15.

Ostakhnovich, V.O. (2014). *Osnovnye printipy sotsial'noy politiki kak vektor realizatsii spravdlivosti v sovremennykh gosudarstvakh* [The basic principles of social policy as a vector for the implementation of justice in modern states]. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kul'tura* [Ethnosocium (multinational society)]. No. 5, pp. 40–47.

Politov, Yu. (2015). *Millioner v opale* [Millionaire in Disgrace]. *Rossiyskaya gazeta*. Feb. 11. Available at: <https://rg.ru/2015/02/12/dohody.html> (accessed 17.05.2018).

Roman'ko, I.E. (2014). *Printsipy sotsial'noy politiki kak vektor realizatsii spravdlivosti v sovremennykh gosudarstvakh* [Principles of social policy as a vector of justice implementation in modern states]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika*. [State and Municipal Administration in the 21st Century: Theory, Methodology, Practice]. No. 14, pp. 19–24.

Semigin, G.Yu. (2009). *Sotsialnaya spravdlivost' i pravo. Osnovy vzaimodeistviya* [Social Justice and law. The basics of interaction]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3, pp. 72–82.

Smolnikov, S.N. (2013). *Spetsifika vospriyatiya naseleniem Rossii poniyatiya sotsialnoy spravdlivosti* [Perception of social justice among Russian population]. *Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 19(46), pp. 104–110.

Sotsialnaya spravdlivost: kak my ee ponimaem. Press-vypusk [Social justice: how we understand it. Press release]. *Ofitsial'nyi sait Vserossiyskogo tsentra izucheniia obshchestvennogo mneniia (VTsIOM)* [Official Site of the Russian Public Opinion Research Center]. No. 2346, dated 15.07.2013. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1007> (accessed 17.05.2018).

Spenser, G. (1992). *Grekh zakonodateley* [The Sins of legislators]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2, pp. 129–136.

Stegniy, V.N. (2010). *Prognozirovanie buduschey sotsialnoy modeli razvitiya Rossii* [Forecasting the future social model of development of Russia]. *Vestnik PGTU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Perm State Technical University. Socio-economic sciences]. No. 5(24), pp. 3–13.

Tavokin, E.P. (2015). *K voprosu o kontseptsii sotsialnogo gosudarstva* [To the question about the concept of social state]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9, pp. 125–134.

Vishnevskiy, Yu.R. and Narkhov, D.Yu. (2017). *Kakoe obshchestvo yavlyatsya spravdlivym: mnenie sverdlovskikh studentov* [What society is just: views of the Sverdlovsk region students]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5, pp. 35–46.

Received 22.11.2018

Об авторе

Смольников Сергей Натанович

старший преподаватель кафедры социологии
и политологии

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: Imperial2000@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0986-6631>

About the author

Sergey N. Smolnikov

Senior Lecturer of the Department of Sociology
and Politology

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: Imperial2000@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0986-6631>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Смольников С.Н. Социологический взгляд на социальную справедливость как норму права // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 116–123.

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-116-123

For citation:

Smolnikov S.N. A sociological perspective on social justice as the rule of law // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 116–123. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-116-123

УДК 364.6–053.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-124-132

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС МАЛОЛЕТНИХ МАТЕРЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Круглова Елена Леонидовна, Родионова Марина Евгеньевна

Финансовый университет при Правительстве РФ

В настоящее время семья в условиях глобальной модернизации, структурных изменений в обществе, отсутствия устойчивого социального развития общества принимает новые формы и, следовательно, нуждается в изучении с новых позиций. Большое количество работ посвящено семье как особой сфере социального бытия, ее проблемам, семейным взаимоотношениям, ролям внутри семьи. В последние десятилетия все большее внимание стало обращать на молодую семью как особую категорию, однако как в контексте молодой семьи, так и в вопросе изучения проблем женщин и детей малолетние матери крайне редко выделялись в качестве отдельного предмета изучения. Именно современная молодая семья неустойчива в наибольшей степени, именно она больше, чем какая-либо другая семья, ощущает на себе социальные катаклизмы. А малолетняя мать с ребенком — это, безусловно, одна из форм молодой семьи. И определить социальный статус такой семьи крайне важно. Для этого выделены несколько наиболее значимых индикаторов: уровень образования, характер трудовой занятости, доходы, жилищный вопрос, перспективы и досуг. К сожалению, малолетняя мать с ребенком редко бывают независимыми от ближайшего окружения и родительской семьи в силу своего возраста и недостаточного житейского опыта. В настоящий момент создаются центры помощи женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, они помогают в том числе юным мамам занять свое место в современном обществе и воспитать ребенка его достойным членом.

Ключевые слова: молодая семья, малолетнее материнство, социальный статус, социальный институт, материнство, детство.

THE SOCIAL STATUS OF YOUNG MOTHERS IN MODERN RUSSIA

Elena L. Kruglova, Marina E. Rodionova

Financial University under the Government of the Russian Federation

Nowadays, in the conditions of global modernization, structural changes in society, lack of sustainable social development, family takes new forms and, therefore, needs studying from a new perspective. Quite a large number of works are devoted to the family as a special sphere of social life, its problems, family relationships, roles within the family. In recent decades, more and more attention has been paid to the young family as a special category. However, both in the context of the young family and in studying the problems of women and children, underaged mothers are rarely identified as a separate subject of study. It is the modern young family that is unstable to the greatest extent, precisely this type of family is affected by social cataclysms more than others. A juvenile mother with a child is certainly one of the forms of a young family. It is of great importance to define the social status of such a family. For this purpose, several important indicators have been identified: the level of education, the type of employment, income, housing conditions, prospects and leisure. Unfortunately, a young mother with a child is rarely independent of the immediate environment and the parent family because of her age, so her social status directly depends on the older generation or her husband. At the moment, centers are being created to help women who find themselves in a difficult life situation, which help young mothers to find their place in modern society and raise their child to be a worthy member.

Keywords: young family, young motherhood, social status, social institution, motherhood, childhood.

Введение

Социальный институт семьи в современной России претерпел ряд существенных изменений. Ухудшается реализация социальных функций семьи, становится очевидной тенденция к нуклеаризации, снижается сама значимость семьи и семейных ценностей, появляются новые формы семьи. Одна из них — семья малолетней матери.

Для начала следует уточнить само понятие «малолетняя мать», а точнее «малолетнее материнство». Малолетнее материнство в нашем определении — это беременность, рождение и воспитание ребенка матерью в возрасте до 16 лет. При таком подходе мы сужаем понятие «несовершеннолетнее материнство» и снижаем его возрастную границу с 18 до 16 лет. Это объясняется тем, что по законодательству Российской Федерации 16 лет — это возраст сексуального совершеннолетия (что очевидно раньше совершеннолетия гражданского, установленного в возрасте 18 лет). Также мы говорим только о малолетней матери, а не о малолетнем родительстве, поскольку по законодательству отцы не несут никакой ответственности за рождение ребенка у юной матери, кроме уголовной, предусмотренной за половые отношения с несовершеннолетней. Никаких же обязательств относительно будущего ребенка и его матери отец не несет. Если же он сам является несовершеннолетним, то избегает и ответственности уголовной. Таким образом, определение социального статуса малолетней матери и ее положения в российском обществе является необходимым и чрезвычайно важным в свете вышеописанной ситуации.

Малолетние матери и их социальный статус

Чтобы перейти к анализу социального статуса малолетних матерей, необходимо дать определение самому понятию «статус». Термин «статус» был введен в социологию в середине 30-х гг. XX в. американским антропологом Ральфом Линтоном. В настоящее время используется социологами прежде всего для обозначения социальной позиции индивида или группы и ранга, престижа этой позиции [Российская социологическая..., 1989, с. 589]. В «Философском энциклопедическом словаре» социальный

статус определяется как «соотносительное положение (позиция) индивида или группы в социальной системе...» [Философский энциклопедический..., 1989, с. 626]. В наиболее общем смысле социальный статус — это положение личности, занимаемое в обществе в соответствии с профессией, семейным положением, полом, происхождением, возрастом.

К сожалению, дать определение понятию «социальный статус семьи» чрезвычайно сложно, потому что в социологической науке его нет. «Социальный статус молодой семьи», к которой мы относим и семью малолетней матери, следовательно, определить еще сложнее. Основной вывод, к которому пришло большинство ученых (А.И. Ковалева, В.А. Луков, В.Т. Шапко и др.), заключается в том, что основополагающую роль в социальном статусе молодой семьи занимают динамичность, перспективность и предписанная составляющая [Рамих В.А., 1997, с. 114].

В своей работе мы используем системный подход, который аккумулирует в себе все стороны социального статуса молодой семьи (социально-профессиональные признаки, образование и воспитание, экономическое положение, национальность, образ жизни, репродуктивные установки и ценностные ориентации).

Семья малолетней матери сталкивается с большим количеством проблем, к которым относятся как общие, связанные с кризисом института семьи, так и специфические, обусловленные возрастом, психологическими и материальными факторами.

В своих работах Т.О. Арчакова предлагает следующую характеристику матери-подростка [Арчакова Т.О., 2012]:

- 1) низкие навыки планирования;
- 2) заниженная самооценка;
- 3) низкая мотивация к учебе и профессиональному самоопределению;
- 4) склонность излишне романтично воспринимать действительность;
- 5) отношение к группе риска вследствие возможной послеродовой депрессии и формирования девиантного материнства;
- 6) часто — изоляция от сверстников;
- 7) чувство вины по отношению к своей матери;

8) восприятие ребенка как «продолжение» кого-то другого, а не как самостоятельную личность.

Неприятности, с которыми сталкивается малолетняя мать, отражаются и на социальном статусе ее самой и ее семьи, ребенка. К ним относятся:

- нравственная и психологическая неподготовленность к семейной жизни;
- материальные трудности;
- жилищная проблема;
- недостаточный уровень образования.

Малолетнее материнство таит в себе множество негативных моментов. Во-первых, семьи малолетних матерей наиболее нестабильны. Во-вторых, юные матери либо еще не завершили среднее образование и продолжают ходить в школу, либо бросают учебу. В-третьих, как следствие второй причины, они не имеют достаточной квалификации, т.е. подвержены высокому риску быть безработной, не имеют постоянного дохода.

В целом исследователи признают, что малолетнее материнство — явление неблагоприятное. Кроме медицинских затрат от государства требуется материальная и социальная поддержка несовершеннолетних матерей, в то время как в большинстве случаев такая категория родителей, как правило, не продолжают обучение и трудовую деятельность [Стукалова А.В., 2011, с. 148].

Согласимся с теми учеными, которые «в качестве основных проблем малолетних матерей выделяют материальные затруднения, экономическую зависимость от членов семьи, пассивную жизненную позицию, деформацию жизненных ценностей, приобщение к вредным привычкам, низкую медицинскую активность» [Бердникова Т.В. и др., 2000].

Социальный статус ребенка юной мамы зависит от родителей, т.е. от самой малолетней родительницы и от отца (если таковой официально имеется). На разных жизненных этапах у человека неодинаковые возможности для того, чтобы занять то или иное социальное положение. Вполне естественно, что маленький ребенок полностью зависит от родителей, поскольку его способности еще никому не известны.

Согласимся с А.И. Антоновым, который считает, что с течением времени возник так называемый институт наследования социально-

го статуса родителей их детьми. Это находит свое выражение в том, что дети, рожденные в семье с высоким социальным статусом, также заслуживают высокого статуса. И, соответственно, наоборот — ребенок из простой семьи также займет скромное общественное положение [Антонов А.И., Медков В.М., 1995, с. 28]. Наиболее ярко это проявлялось в обществах прошлого, но и в настоящее время такое положение имеет место [Stern D., 1977, p. 96].

С одной стороны, мы устанавливаем место семьи в иерархии институтов, определяем ее положение в обществе. А с другой — семья сама является источником социальной принадлежности в стратификационной системе общества. Принимая нового члена, семья приписывает его к определенной страте, определяет его социальное положение. Причем это касается как взрослых, так и детей. Это значит, что если малолетняя мать входит в семью отца своего ребенка, то на нее и на ребенка начинает распространяться социальный статус семьи мужчины. Если же малолетняя мать остается одна, без мужа, то ее ребенок принадлежит к той же страте, что и она сама (а точнее — ее родители, поскольку она сама еще является ребенком) [Путинцева Е.Л., 2011b].

Таким образом, положение малолетней матери и ее ребенка в обществе определяется местом семьи среди социальных институтов и напрямую зависит от семейного положения матери-подростка. Следовательно, юное материнство зачастую приводит к ситуации гендерного неравенства, когда статус юной женщины ухудшается, в то время как статус мужчины часто остается неизменным.

Все малолетние матери могут быть условно разделены на две группы: в первой социализация проходила в родительской семье, а во второй — вне ее, вследствие чего они подвергались воздействию различных групп, институтов и агентов социализации. А это может привести к формированию противоположных ценностных ориентаций у молодых мам, к различию их ролевого поведения и жизненных стратегий в целом.

Говоря о социальном статусе малолетней матери, необходимо обратить внимание и на такой аспект, как ее психологическое состояние. Казалось бы, не относящиеся друг к другу понятия в данном случае тесно связаны друг с

другом. Юные матери испытывают колоссальное давление со стороны окружающих. В переходном возрасте подростки и так слишком ранимы, а если к этому прибавить еще и гормональные сбои при беременности, то можно представить, как нелегко приходится малолетним матерям. И в такой ситуации огромную роль играет то, в какой семье росла девушка. Если у нее теплые, доверительные отношения со своими родителями, то они будут прикладывать максимум усилий, чтобы оградить дочь от косых взглядов и упреков. Если же малолетняя мать сама росла в неблагополучной семье или является сиротой, то некому прийти ей на помощь, и она остается со своей проблемой один на один.

В Центре социальной поддержки и защиты граждан «Милосердие» г. Барнаула было проведено научное исследование подросткового материнства как социального явления. По полученным данным большинство респондентов считает, что отношения в семье малолетней матери были плохие, неблагополучные (51,67 %). Однако сами молодые матери показали, что в 27,34 % семей было полное взаимопонимание, в 42,19 % случаев отношения были скорее хорошие. И лишь в 11,33 % семей были напряженные, конфликтные отношения [Абрамова Е., 2013].

Негативное отношение, нападки со стороны общества часто приводят к длительному депрессивному состоянию малолетней беременной, нежеланию иметь ребенка. Душевное состояние девушки во время беременности чрезвычайно важно, поскольку оно влияет на здоровье будущего малыша. Осуждения со стороны членов окружающего социума влекут за собой неприятные последствия: прерывание беременности, оставление ребенка в Доме малютки или даже попытки суицида. Поэтому то, к какой социальной группе принадлежит малолетняя мать, имеет определяющее значение при адаптации ее к новым условиям.

Индикаторы социального статуса малолетней матери

Ученые выделяют разные индикаторы социального статуса. Однако можно выделить некоторые общие черты. Большинство авторов рассматривают такие индикаторы: уровень образования, характер трудовой занятости, объем и

характер доходов, наличие жилья, жизненные перспективы, досуг.

Остановимся на каждом из перечисленных индикаторов и рассмотрим его характеристики относительно малолетних матерей как специфической гендерной общности.

1. Уровень образования

Почти все малолетние матери жертвуют образованием в угоду семье и ребенку. У них не остается сил и времени на продолжение образования и хорошо, если получается закончить школу. Дальнейшее образование зависит от помощи родных (как и многое другое у малолетней матери). Поэтому «старт» взрослой жизни у рассматриваемой категории женщин намного сложнее, чем у большинства их сверстниц.

2. Характер трудовой занятости

Учитывая возрастные характеристики малолетних матерей и то, что большинство из них не имеют образования, рассчитывать на высокие должности и позиции они не могут. Перед юной мамой всегда стоит дилемма — продолжать учебу или идти работать. Учиться в том же учебном заведении, что и до беременности, она вряд ли сможет, поскольку должна ухаживать за ребенком. Следовательно, приходится выбирать учебное заведение с вечерней или заочной формой обучения, переводиться на индивидуальную форму обучения.

Зачастую юная мать вынуждена искать работу, чтобы иметь возможность поддерживать более или менее достойный уровень своей жизни и жизни своего ребенка. Однако без образования и с младенцем на руках рассчитывать на высокооплачиваемую должность она не может, поэтому в большинстве случаев мы наблюдаем у малолетних матерей нисходящую социальную позицию.

3. Доходы

Исходя из предыдущего пункта о характере трудовой занятости малолетних матерей, нетрудно сделать вывод, что доходы у данной группы населения незначительны. После рождения ребенка свободные денежные средства резко сокращаются, деньги уходят на ребенка. Вся семья вынуждена жить на доходы мужа, но тут при разговоре о малолетнем материнстве возникает ряд «если»:

- если отец известен;
- отец ребенка женился на юной матери;

- возраст отца позволяет работать;
- его образование и квалификация достаточны для получения хорошей заработной платы.

Раннее начало половой жизни очень часто приводит к трудноразрешимым социальным и морально-этическим проблемам. Бытует мнение, что бедность, нищета и, как следствие, стремление к взрослой самостоятельной жизни толкают девушек-подростков к раннему началу половой жизни. Беременная школьница, обремененная заботами по дому, становится привычным явлением для современного российского общества. Обратная сторона ранних браков — частые разводы. В результате девушка, часто еще не достигшая совершеннолетия, остается одна с ребенком, которого она должна воспитать достойным членом общества, удовлетворить его материальные потребности и при этом еще сама получить образование, найти работу.

Как видим, социальный статус малолетней матери в абсолютном большинстве случаев невысок, чрезвычайно остро стоит финансовый вопрос, который ставит юную мать в постоянную зависимость от родственников и от своей родительской семьи. И повезло тем, кто близок и в хороших отношениях со своей мамой, поскольку она является как материальной, так и моральной опорой для дочери, которая в силу возраста сама еще ребенок.

Таким образом, материальное благополучие малолетней матери и ее ребенка напрямую зависит от ее ближайшего окружения: в случае отсутствия мужа — от родителей и других близких родственников.

4. Жилищный вопрос

Большинство молодых семей в нашей стране остро нуждаются в собственном жилье. Малолетние матери (если они не сироты) чаще всего проживают со своими родителями. И даже если они создают семью с отцом своего ребенка, то реже, чем женщины более старшего возраста, стремятся к отдельному проживанию. Причина тому ясна: маленькая мама еще не готова к самостоятельному ведению домашнего хозяйства, воспитанию ребенка, поскольку сама еще является ребенком.

К сожалению, не все юные женщины, попавшие в трудную жизненную ситуацию, получают поддержку от своих родственников и имеют место для проживания. В России суще-

ствует несколько центров помощи малолетним матерям, но их количество чрезвычайно мало. Например, в Санкт-Петербурге работает приют «Маленькая мама», в котором проживают несовершеннолетние матери со своими детьми. Это либо воспитанницы детских домов, либо те, кто стал обузой для своих родственников после рождения ребенка. Практически у каждой из них своя трагическая история. То есть социальная среда этих малолетних матерей неблагополучна, но при всем этом сами они стремятся заботиться о своем ребенке, хотят растить и воспитывать его самостоятельно. Кроме того что таких центров крайне мало в нашей стране, срок пребывания в них обычно также ограничен. Это своего рода передышка для матери, попавшей в трудную жизненную ситуацию, и возможность решить, каким образом жить и воспитывать ребенка дальше.

5. Перспективы

Часто конфликты с родителями по поводу беременности дочери, их отказ в помощи малолетней матери являются фатальными, они толкают девушку на асоциальный путь — подталкивают к уходу из семьи, направляют на путь бродяжничества или проституции. Поэтому большинство ученых сходятся во мнении, что раннее материнство является неблагоприятным не столько с акушерской, сколько с социальной точки зрения.

6. Досуг

Этот последний фактор нельзя недооценивать. Человек — существо социальное, и ему крайне важно быть в обществе и быть принятым этим обществом. А подростковый возраст — один из самых важных периодов в жизни человека именно с точки зрения социализации. Между тем молодые мамы оказываются практически в социальной изоляции от сверстников, поскольку круг их интересов резко меняется.

Исходя из перечисленных выше факторов, очевидно, что перспективы для развития у малолетних матерей крайне ограничены. Объективно без помощи родных и близких надеждам юных женщин на благополучное будущее трудно осуществиться.

Согласимся с позицией А.И. Антонова, который считает, что в современном мире неизбежно удлинен период социализации [Антонов А.И., Медков В.М., 1995, с. 28]. По сути, социализация занимает период в 25 лет. Неко-

торые ученые считают это признаком прогресса, а приобщение детей к труду вызывает критику. Сторонники такого взгляда называют это эксплуатацией детей и утверждают, что прежде чем привлекать детей к работе, необходимо дать им возможность повзрослеть и получить необходимые знания. Подобная позиция ставит подростков в маргинальное положение. Между наступлением половой зрелости и признанием социальной самостоятельности образовался разрыв в 10–12 лет.

Мы вслед за А.И. Антоновым признаем, что идет нагромождение острых социальных проблем материнства несовершеннолетних, сексуальной вседозволенности, отказов от новорожденных родителями-тинейджерами, группового секса и насилия, делинквентности, наркомании и т.д. Как отмечает Г.Г. Силласте, феминизация наркомании в России — это прямая угроза здоровому генофонду нации, ее будущему [Силласте Г.Г., 2010, с. 12]. Вследствие этого некоторые девушки-подростки стремятся изменить свой статус с помощью замужества, ускорить таким образом процесс социализации. Это приводит к возрастающему количеству малолетних матерей в современной России.

Добавим к этому более терпимое отношение общества к добрачным половым связям, «покров социальной анонимности» в крупных городах, отсутствие достаточного полового воспитания в школах.

Одна из причин раннего начало половой жизни — это стремление стать взрослее, избежать от влияния своей семьи. То есть чаще малолетними матерями становятся девочки из неблагополучных семей, где не сложились отношения с родственниками, не было доверия между родителями и детьми, а основным аргументом в споре нередко выступала сила. Если у подростка нет чувства дома, то он готов бежать куда угодно, довериться первому человеку, сказавшему ласковое слово, проявившему к нему интерес [Путинцева Е.Л., 2011а].

Если в детстве у девушки перед глазами был пример постоянно ссорящихся родителей, не обращающих на нее внимания, то бессознательно некоторые стереотипы их поведения она будет переносить в свою новую семью, что повлечет ссоры и непонимание уже в ее молодой семье.

Статистика говорит, что ранние браки непрочны. Но, на наш взгляд, необходимо различать браки, созданные по любви и по принуждению, обязательству, иными словами, вследствие беременности. Именно последние и распадаются чаще, поскольку первоначально не было ориентации на брак. Количество разводов растет в результате увеличения разрыва между физической и социальной зрелостью подростков, удлинения периода социализации. А конечным результатом выступает крах институтов семьи и брака и семейного авторитета.

Рассматривая вопрос социального статуса малолетних матерей как специфической гендерной общности, особо следует остановиться на проблеме так называемого «социального сиротства» — когда дети становятся сиротами при живых и дееспособных родителях. В общественном сознании мать, оставившая своего ребенка в родильном доме, считается греховной, недостойной прощения, понимания и заслуживает лишь порицания [Брутман В.И., 1996].

Относительно темы нашего исследования следует отметить, что часто социальными сиротами становятся дети малолетних матерей. Одна из основных причин того, что мать оставляет ребенка на попечение государства, — это ее экономическая, психологическая и социальная дезадаптация. Для малолетних матерей это особенно частая причина, поскольку они ни психологически, ни материально еще не готовы взять на себя ответственность за жизнь, здоровье и воспитание ребенка. В таком случае для новоявленных матери и отца социальный статус не меняется, они не берут на себя ответственность, перекладывая ее на государство. Но при таком варианте развития событий меняется социальный статус ребенка, нередко накладывается фатальный отпечаток на его будущее.

Становясь матерью в подростковом возрасте, юная женщина в силу социальной и психической незрелости не в состоянии осознать всей значимости произошедших в жизни перемен и той ответственности, которая ложится на ее плечи с рождением ребенка. Ее положение усугубляется правовой незащищенностью, несовершенством действующего законодательства в части, касающейся прав несовершеннолетней женщины, ставшей матерью. Подростковая беременность является заведомо нелегитимной: она не может наступить в браке, по-

сколькx этому препятствует установленный возраст вступления в брак (поступок становится проблемой постолькx, поскольку существует правило, которое он нарушает [Macleod С., 2003]. Часто именно это обстоятельство является решающим в определении судьбы родившегося ребенка. Ведь, пожалуй, единственное право, приравнивающее ее к совершеннолетним одиноким матерям, — это право передать ребенка в государственное детское учреждение на воспитание и полное государственное содержание. На этот шаг юная мать нередко идет вынужденно — от безысходности и отчаянья. И объясняется он прежде всего отсутствием у нее самостоятельных средств к существованию, своего дома, условий для нормального воспитания ребенка.

В Архангельске 6 апреля 2009 г. была проведена конференция, посвященная проблеме юного материнства. К сожалению, эта острая тема редко поднимается как в научных, так и в правительственных кругах. Однако на этой встрече рассматривались несколько конкретных примеров малолетних матерей. Необходимо отметить, что большинство девушек забеременели, не осознавая последствий раннего начала половой жизни. Также была рассказана история одной подростковой семьи. Малолетние родители один раз просто забыли своего ребенка на балконе. При этом они не чувствовали за собой никакой вины и вскоре после смерти первенца, у них родился второй ребенок. Однако стоит быть объективными и заметить, что не все девушки, рано родившие ребенка, являются безответственными родителями. Некоторые заботятся о своем ребенке, полностью осознают ответственность и растят своего ребенка в любви [Щепетова О.Н., 1991].

Выводы

Итак, все проанализированные выше проблемы формирования социального статуса малолетних матерей и выяснение факторов, определяющих их социальное положение в современном обществе, позволяют сделать вывод, что объективные факторы (экономические, политические и социальные) составляют довольно неблагоприятный фон. В социологической литературе он определяется, как «социальная ситуация развития», в которой оказывается малолетняя в период беременности и после нее и которая по-

рождает целый круг тревожных переживаний, дестабилизирующих и без того еще не сформировавшуюся личность девушки.

Социальный статус малолетних матерей, а также и их семей, имеет следующие специфические особенности:

- предписанная составляющая статуса доминирует над приобретенной, т.к. социальная позиция юной мамы лишь формируется;

- перспективная социальная мобильность не имеет преимущественно восходящей, позитивной направленности, как это бывает в типичных молодых семьях;

- экономическое и профессиональное положение членов семьи малолетней матери не сформировано;

- на социальный статус малолетних матерей огромное влияние оказывают государственная социальная и демографическая политика.

Список литературы

- Абрамова Е.* Дети-сироты при детях-родителях. URL: <http://nimbos.livejournal.com/71026.html> (дата обращения: 22.01.2015).
- Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М., Изд-во МГУ: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1995. 304 с.
- Арчакова Т.О.* Раннее материнство: психологическая проблема или социальный конструкт? // Психологическая наука и образование. 2012. No. 1. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_1_2652.pdf (дата обращения: 14.11.2018).
- Бердникова Т.В., Степанов Н.С., Сидоров Г.А.* Юное материнство в современной семье: монография / Курский гос. мед. ун-т. Курск, 2000. 161 с.
- Брутман В.И.* Проблема: дети, бросающие своих детей // Женщина плюс. 1996. Вып. 3. С. 34–40.
- Путинцева Е.Л.* Малолетнее материнство в России: состояние и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 2(102). С. 126–131.
- Путинцева Е.Л.* Социальный статус малолетних матерей как специфической гендерной общности // Ломоносов 2011: матер. конференции. 2011. URL http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1420/31908_fbe1.pdf (дата обращения: 21.12.2018).
- Рагих В.А.* Материнство и культура (философско-культурологический анализ). Ростов н/Д, 1997. 145 с.

Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра-М, 1998. 672 с.

Силласте Г.Г. Работа без срока давности // Бюллетень «Нарком». 2010. № 4(12).

Стукалова А.В. Социальные риски малолетнего материнства и их политизация в современных условиях // Молодой ученый. 2011. № 9. С. 148–151. URL: <https://moluch.ru/archive/32/3646/> (дата обращения: 19.01.2019).

Философский энциклопедический словарь / под ред. С.С. Аверинцева и др. М.: Советская энциклопедия, 1989. 814 с.

Щенетова О.Н. Концепция и перспективы создания службы реабилитации // Советская медицина. 1991. № 5. С. 48–50.

Macleod C. Teenage Pregnancy and the Construction of Adolescence: Scientific Literature in South Africa // *Childhood: A Global Journal of Child Research*. 2003. Vol. 10, no. 4. P. 419–438.

Stern D. *The first relationship: Infant and Mother*. Cambridge: Harvard University Press, 1977. 149 p.

Получено 01.10.2018

References

Abramova, E. *Deti-siroty pri detyakh-roditelyakh* [Orphans in parenting children]. Available at: <http://nimbos.livejournal.com/71026.html> (accessed 22.01.2015).

Antonov, A.I. and Medkov, V.M. (1995). *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family]. Moscow: MSU Publ., International University of Business and Management Publ., 304 p.

Archakova, T.O. (2012). *Rannee materinstvo: psikhologicheskaya problema ili sotsial'niy konstrukt?* [Early motherhood: a psychological problem or a social construct?]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 1. Available at: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_1_2652.pdf (accessed 14.11.2018).

Averintsev, S.S. et al. (ed.) (1989). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 814 p.

Berdnikova, T.V., Stepashov, N.S. and Sidorov, G.A. (2000). *Yunoe materinstvo v sovremennoy sem'e* [Young motherhood in the modern family]. Kursk: Kursk State Medical University, 161 p.

Brutman, V.I. (1996). *Problema: deti, brosayushchie svoikh detey* [Problem: children throwing their children]. *Zhenschina plus* [Woman plus]. Iss. 3, pp. 34–40.

Macleod, C. (2003). Teenage Pregnancy and the Construction of Adolescence: Scientific Literature in South Africa. *Childhood: A Global Journal of Child Research*. Vol. 10, no. 4, pp. 419–438.

Osipov, G.V. (ed.) (1998). *Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian sociological encyclopedia]. Moscow: Norma-Infra-M Publ., 672 p.

Putintseva, E.L. (2011). *Maloletnee materinstvo v Rossii: sostoyanie i problemy* [Unmarried motherhood in Russia: state and problems]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2(102), pp. 126–131.

Putintseva, E.L. (2011). *Sotsial'niy status maloletnikh materey kak spetsificheskoy gendernoy obschnosti* [The social status of young mothers as a specific gender community]. *Lomonosov 2011: materialy konferentsii* [Lomonosov 2011: conference proceedings]. Available at: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1420/31908_fbe1.pdf (accessed 21.12.2018).

Ramikh, V.A. (1997). *Materinstvo i kul'tura (filosofsko-kul'turologicheskiy analiz)* [Maternity and culture (philosophical and cultural analysis)]. Rostov-on-Don, 145 p.

Schepetova, O.N. (1991). *Kontseptsiya i perspektivy sozdaniya sluzhby rehabilitatsii* [The concept and perspectives of creating a rehabilitation service]. *Sovetskaya meditsina* [Soviet Medicine]. No. 5, pp. 48–50.

Sillaste, G.G. (2010). *Rabota bez sroka davnosti* [Work without statute of limitations]. *Bulletin «Narkom»*. No. 4(12).

Stern, D. (1977). *The first relationship: Infant and Mother*. Cambridge, Harvard University Press, 149 p.

Stukalova, A.V. (2011). *Sotsial'nye riski maloletnego materinstva i ikh politizatsiya v sovremennykh usloviyakh* [Social risks of minority maternity and their politicization in modern conditions]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. No. 9, pp. 148–151. Available at: <https://moluch.ru/archive/32/3646/> (accessed 19.01.2019).

Received 01.10.2018

Об авторах

Круглова Елена Леонидовна

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии, истории и философии

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: alena-1887@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2714-3864>

Родионова Марина Евгеньевна

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии, истории и философии

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: m.rodionova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8663-313X>

About the authors

Elena L. Kruglova

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology, History and Philosophy

Financial University under the Government
of the Russian Federation,
49, Leningradskiy av., Moscow, 125993, Russia;
e-mail: alena-1887@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2714-3864>

Marina E. Rodionova

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology, History and Philosophy

Financial University under the Government
of the Russian Federation,
49, Leningradskiy av., Moscow, 125993, Russia;
e-mail: m.rodionova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8663-313X>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Круглова Е.Л., Родионова М.Е. Социальный статус малолетних матерей в современной России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 124–132.

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-124-132

For citation:

Kruglova E.L., Rodionova M.E. The social status of young mothers in modern Russia // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 124–132. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-124-132

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматруется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из **15–20 источников**.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 в *алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-528-536.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortication With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London. O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2019 году будут бесплатными.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2019 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	28 марта
в № 2 — до 01 мая	27 июня
в № 3 — до 01 августа	26 сентября
в № 4 — до 01 ноября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophy, 19.00.00 Psychology, 22.00.00 Sociology.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2019.

Submission deadlines in 2019

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 28
No 2 May 1	June 27
No 3 August 1	September 26
No 4 November 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2019

Выпуск 1

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.03.2019
Дата выхода в свет 28.03.2019
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 16,3
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке